ИСТОРИЧЕСКИЕ Сенсации

ВЛАДИМИР ЕГОРОВ

КАГАНЫ РОДА РУССКОГО

ИЛИ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ

ВЛАДИМИР ЕГОРОВ КАГАНЫ РОДА РУССКОГО

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

ВЛАДИМИР ЕГОРОВ

КАГАНЫ РОДА РУССКОГО,

ИЛИ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ

Москва
алгоритм

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Е 30

Оформление *Б. Протопопова*

Егоров В.

Е 30 Каганы рода русского, или Подлинная история киевских князей / Владимир Егоров. – М. : Алгоритм, 2012. – 288 с. – (Исторические сенсации).

ISBN 978-5-4438-0171-1

Эта книга – о всеобъемлющей фальсификации русской истории, о веками копившихся стыдливых умолчаниях, жульнических передергиваниях и бессовестной лжи нашей так называемой Первоначальной летописи – Повести временных лет. В течение веков официальные историки занимались восхвалением правящих династий, церкви, партии и почти никого из них не интересовала подлинная история Отечества, история, которую уже практически невозможно узнать во всей ее полноте. Но те осколки истины, которые еще сохранились, позволили автору этой книги реконструировать историческую действительность первых веков существования Киевской Руси и ее вождей – князей и полководцев, каганов рода русского.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4438-0171-1

О кнезех русских старобытных
Нестор монах не добре сведем бе.
В. Татищев

ОТ АВТОРА

Эта книга — о нашей древней истории. В советское время в школе нас учили, что историю творит народ, и старательно вбивали в наши головы тезис о малозначимости отдельных личностей в истории. Включая всяких там императоров и полководцев. Этот тезис можно было наглядно проиллюстрировать на примере собственных руководителей страны, действительно малозначимых личностей вроде Л. Брежнева или К. Черненко. Почему-то не иллюстрировали. В то же время на уроках истории в других странах говорили как раз о великих полководцах и правителях империй, деяния которых изменяли современный им мир, может быть не всегда в лучшую сторону, но те изменения так или иначе отразились на мире сегодняшнем и поэтому стали предметом изучения в школе вместе с их инициаторами. В этом есть резон: наш мир был бы иным, если бы в нем не было Александра Македонского, Наполеона Бонапарта или Джорджа Вашингтона.

Эта книга — о верховных правителях начальной Руси, императорах и полководцах. Не будь их, мы бы жили в какой-то другой стране. Их обделила вниманием марксистско-ленинская историческая наука, отдавшая творение истории на откуп народным массам. Но тех же правителей начальной и древней Руси дореволюционная историография, начиная с самых первых наших летописей, неоправданно и чрезмерно превознесла и приукрасила, поскольку свой народ ни в грош не ставила, а главное, была озабочена не столько ис-

торической правдой, сколько возвеличиванием правивших династий, с первых князей Киевской Руси до последних императоров России, и прославлением Русской православной церкви.

Наконец, это книга — о неправде, о вольной и невольной, но всеобъемлющей фальсификации начал русской истории, о веками копившихся стыдливых умолчаниях, жульнических передергиваниях и бессовестной лжи нашей так называемой Первоначальной летописи. Конечно, лучше было бы написать книгу об исторической правде древней Руси. Хотелось бы, ох, как хотелось бы, чтобы такая книга была написана! К сожалению, ждать этого не приходится. Той правды никто не знает и, скорее всего, уже никогда не узнает. Однако все равно это не повод выдавать сказки, мифы и откровенное вранье за историческую действительность. Мы привыкли гордиться нашим прошлым, нашей славной историей. В целом по праву. Но пристало ли гордиться чем-то выдуманным, тем более выдуманным нами же сами?!

Сказки — вещь замечательная. Их можно рассказывать и пересказывать. Их нужно читать, особенно вслух — маленьким детям. Но детям постарше на школьных уроках истории все-таки следует не рассказывать сказки, а преподавать предмет — настоящую отечественную историю, временами воистину великую и героическую, каковой у нас и впрямь предостаточно, а временами, увы, и куда как неприглядную, раз уж такой она была на самом деле.

Ибо, как назидали древние мудрецы, **правда — превыше всего.**

О «СЛУХАХ» И «СПЛЕТНЯХ»

Слова я слушаю твои,
но ничего они не значат.
«Ты говоришь мне о любви»,
слова Л. Дербенева, И. Шаферана.
Песня из к/ф «Три дня в Москве»

Практически все, что написано в учебниках истории о начальном периоде древней Руси и что мы, соответственно, изучали как нашу историю, перекочевало в них из «Повести временных лет» (далее в тексте используется общепринятая аббревиатура ПВЛ), которая почему-то считается летописью. Во всех энциклопедиях, включая самую актуальную и демократичную — Википедию, — ПВЛ представлена как «наиболее ранний из дошедших до нас древнерусских летописных сводов начала XII века». Часто ПВЛ даже называют Первоначальной летописью. Словно никого не смущает слово «повесть» в ее заглавии. Между тем, в русском языке времени написания ПВЛ уже существовало слово «летопись» как калька с греческого *хронограф*, но тем не менее ее авторы назвали свое произведение повестью, прямо указывая на его беллетристический характер.

В те времена, когда писалась ПВЛ, Русь еще не знала литературных жанров романа и тем более фантастики, и все, имевшее к ним отношение, именовалось повестями, так как само слово «повесть» тогда означало «предание», «слухи» и даже «сплетни». Тем не менее, отечественная историография намертво закрепила за ПВЛ, то есть преданиями, слухами и сплетнями, статус летописи, в котором та уже пребывает почти тысячу лет, давным-давно заматерев и покрывшись благородной академической патиной. Дифирамбы и панегирики ПВЛ пели и маститые историки, и не менее маститые филологи: российский историк С. Соловьев называл ПВЛ «образцом всероссийского летописания», а академик

Д. Лихачев почитал ее «великим наследием». Так что претензии не к авторам ПВЛ, а к российским первоисторикам, которые для своего удобства молчаливо постановили считать ПВЛ летописью. Ведь если бы не это «постановление», они попросту остались бы без работы. Никакими иными источниками информации о возникновении и становлении древней Руси они не пользовались. Не по лености, а из-за отсутствия таковых.

ПВЛ везло. Проходили века, но ее статуса летописи не поколебали ни явные нестыковки в собственной хронологии, ни очевидные расхождения с «зарубежными» источниками, ни противоречия объективным данным археологии, ни откровенная фантастика, которую стыдливо опускали и умалчивали даже сами канонизировавшие ее первоисторики. Этот статус за ПВЛ сохраняется до сих пор, хотя порой создается впечатление, что абсолютное большинство причастных к истории наших современников относятся к ней, мягко говоря, с недоверием. Но в силу инерции традиций и корпоративного единства интересов историки так и не отважились прямо сказать, что королева у нас голая. Лишь самые смелые из них на неприличный вид сей высокопоставленной особы позволяли себе намекать, порой даже весьма выразительно, как, например, это сделал еще в позапрошлом веке историк Д. Щеглов: «Наша летопись или, точнее, наша сага о начале Русского государства, внесенная в последующую летопись, знает то, чего не было, и не знает того, что было».

Только в начале XXI столетия нашелся смелый и принципиальный ученый, причем не историк, а археолог А. Никитин[1], который рискнул от намеков перейти к серьезной научной критике, а правильнее было бы сказать дезавуированию ПВЛ[2]. То, что за это давно назревшее дело взялся именно археолог, в какой-то мере естественно, ведь именно археология всегда наносила самые болезненные удары по «саге о начале Русского государства». К сожалению, это

---

[1] *А. Никитин.* Основания русской истории. «Повесть временных лет» как исторический источник. М., 2001.

[2] Более подробно о дезавуировании Никитиным «основания русской истории» сказано в приложении «Как возникла начальная русь?»

же обстоятельство уменьшило эффект начинания, поскольку отечественные историки привыкли обращать внимание на археологию и археологов только тогда, когда те подтверждали их концепции и теории. То же самое можно сказать о плодах усилий специалистов в смежных областях, таких, например, как исследователь былин С. Горюнков[1], а тем более отдельных и еще далее отстоящих от мейнстрима официальной отечественной исторической науки дилетантов. Но в последнее время вопрос о достоверности кодифицированной в наших учебниках истории древней Руси в довольно резкой форме поднимают даже ученые, имеющие непосредственное отношение к исторической науке вроде А. Королева[2], С. Цветкова[3] и А. Бычкова[4]. Но все же «воз и ныне там», всех этих усилий явно недостаточно, чтобы сдвинуть с места глыбу нашей официальной истории, намертво приклепанную к фундаменту ПВЛ.

Все это тем более печально, что всякий здравомыслящий человек не может не понимать: истинная польза для отечественной истории заключается не в стыдливо молчаливом шествии в свите голой королевы, а в признании, и как можно скорее, очевидного факта, что ПВЛ ни в коей мере не летопись, а именно повесть, то есть беллетристика. Увы, историки — реальные земные люди, и они не всегда руководствуются соображениями пользы для отечественной истории.

ПВЛ и русская литература в целом рождались практически одновременно. В XI—XII веках на Руси не было ни опыта, ни традиций создания художественных произведений, в том числе произведений с исторической тематикой, поэтому создатели ПВЛ при ее написании воспользовались в качестве образцов имеющимися в их распоряжении переводами на древнецерковнославянский язык нескольких византийских хроник, вследствие чего ПВЛ внешне приобрела вид летописи. Увы, лишь внешне. По сути же, в ней просле-

---

[1] *С. Горюнков.* Незнакомая древняя Русь. СПб., 2010.

[2] *А. Королев.* Загадки первых русских князей. М., 2002.

[3] *С. Цветков.* Русская земля между язычеством и христианством. От князя Игоря до сына его Святослава. М., 2012.

[4] *А. Бычков.* Киевская Русь. Страна, которой не было? М., 2005.

живаются свойственные беллетристике приемы искусственного выстраивания сюжета. Например, А. Никитин отметил в ПВЛ такой характерный для художественной литературы прием, как «плетение сюжетов», который он присвоил некому ее гипотетическому автору начала XII века, названному самим Никитиным «краеведом-киевлянином» и в конечном счете отождествленному им с Нестором-«летописцем».

Появление из-под пера Нестора ПВЛ такой, какая она есть, неудивительно. Ведь он в первую очередь известен как агиограф, автор нескольких житий, которые, пользуясь терминологией того же Никитина, по своему жанру «принадлежат скорее литературе, чем истории». Нестор был безусловно талантливым и весьма продуктивным для своего времени писателем-агиографом. Но, на самом деле, никаким не «летописцем».

Будучи агиографом, при написании ПВЛ Нестор вольно или невольно, но очень широко использовал отработанные им приемы и методы создания житий, а именно отмеченное Никитиным «плетение сюжетов» с вплетением в них необходимых для данного жанра «фактов». В случае житий такими «фактами» обязаны были быть и потому обязательно таковыми становились эпизоды биографии канонизируемого святого, подтверждающие право на канонизацию, в частности мученичество за веру и сотворенные им чудеса, прижизненниые или посмертные. Ни в коей мере не имею в виду вторгаться в сферу компетенции церкви, оспаривать правомочность канонизации святых или подвергать сомнению реальность сотворенных теми прижизненно и посмертно чудес. Но даже если кандидат в святые на самом деле принял муки за веру и совершил некие чудеса, его агиограф просто не мог иметь об этом достоверной информации.

Жития писались, как правило, спустя годы и десятилетия после смерти канонизируемых, не оставивших после себя ни мемуаров, ни дневников, не говоря уже о фотографиях и видеофильмах. Нестор и другие агиографы в своих трудах опирались на некую устную традицию и слухи, на основе которых им надо было выстроить стройный и соответствующий житийному канону биографический сюжет с вплетением в него неких обязательных по жанру чудес. Опять же, не пося-

гая на компетенцию церкви и не оспаривая правомочность актов канонизации, все же нельзя не понимать, что в реальных условиях средневековья агиографы не могли знать и не знали истинной биографии героев их житий, не могли видеть и не видели сотворенных ими чудес. Тем не менее, следуя канону, они были обязаны писать «по правилам», вынужденно пользуясь устной традицией, слухами и сплетнями, а порой и откровенно выдумывая необходимые «факты». Возможно, моральным оправданием им служила уверенность, что если не именно эти, то другие связанные с канонизируемым чудеса действительно имели место.

Так писали все агиографы, так писал свои жития Нестор. Не умея по-другому, да и не видя в этом нужды, точно так же он написал ПВЛ. Как привык, как набил руку. Но если в случае агиографии еще можно говорить об оправдании средств целью, о направляющем руку агиографа Провидении, о Прозрении и Откровении, то к ПВЛ эти оговорки неприложимы. То есть в ПВЛ как произведении сугубо светском, неважно летописи или повести, слухи — это слухи, сплетни — это сплетни, а выдумки — это выдумки. Причем, еще раз хочу это подчеркнуть, сам Нестор нас не обманывал. Написав, как умел, художественное произведение, он и назвал его соответственно повестью. Не летописью!

Почему же ПВЛ превратилась в летопись? Вероятно вследствие недоразумения. Через несколько лет после появления ПВЛ Нестора игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр действительно написал летопись, по-честному назвал ее «летописцем», но, компилируя различные источники, неосторожно включил в свой большой труд ПВЛ в качестве некого подходящего, как ему показалось, зачина к истории Киевской Руси, вроде бы дающего обзор мировой истории «от Рождества Христова». Но в соответствии с понятиями и нормами своего времени он никак не выделил написанное Нестором, и этот шаг возымел несколько совершенно не предвиденных Сильвестром последствий. Во-первых, оказавшаяся в начале летописи Сильвестра ПВЛ начиналась словами «Вот повесть временных лет...», и первоисторики, не разобравшись, отнесли эти слова Нестора ко всему труду Сильвестра, вследствие чего «Повестью» стали называть не

только скромную собственно Несторову ПВЛ, но и всю объемистую сильвестрову летопись. Во-вторых, Нестор не забывал упомянуть самого себя в качестве автора своих произведений, сохранилось его имя и в экземпляре ПВЛ, который Сильвестр неосторожно поместил в начале своей летописи, и историки именно Нестора посчитали автором всего сводного труда. Наконец, в-третьих и главных, ПВЛ Нестора не **была летописью и не претендовала быть таковой**, но труд Сильвестра был настоящей летописью; ПВЛ же, оказавшись зачином этого труда, не только передала ему свое название, но и сама ненароком приобрела статус летописи, в коем «незаконно» пребывает по сию пору.

Таким образом, собственно ПВЛ — это только самое-самое начало летописных сводов, чуждое летописанию по стилю и содержанию, изначально не соотнесенное с реальными событиями и, соответственно, не имевшее никаких датировок (а точнее, даже не имевшая иметь их в виду). Настоящая летопись, то есть труд Сильвестра, основанная не на слухах и мифах, а на письменных документах и худо-бедно отражающая действительные факты истории Киевской Руси с хронологической привязкой, начинается только с появления на Руси широко доступной письменности, формально со времени крещения Руси, а по существу только с правления Ярослава Мудрого. А это значит, что и **реальная летописная история древней, а точнее Киевской, Руси начинается только** со времени Ярослава, то есть с XI века.

Несмотря на то, что автором ПВЛ был, судя по всему, один из лучших писателей Руси того времени, современного массового читателя трудно заставить прочесть написанную им почти тысячу лет назад беллетристику, она ему непонятна и неинтересна. Поэтому он знакóм с ПВЛ только в изложении профессиональных историков, даже не подозревая, что это именно изложение, причем авторизированное. Отчасти фильтруя очевидно далекие от реальности фантазии сочинителей ПВЛ, отчасти пытаясь сделать ее текст более доходчивым, отчасти развертывая свою оригинальную историческую перспективу, они брали из ПВЛ в свои труды только то, что им самим было понятно и близко, что не противоречило их собственному видению истории, и излагали

взятое так, чтобы изложение удачно встраивалось в их собственные исторические концепции.

Авторитет классиков и инерция их исторических построений оказались настолько велики, что до сих пор побеждают в столкновениях даже с самыми, казалось бы, сокрушительными объективными опровержениями, которые время от времени дает нам археология. Очень показательный и важный для нас пример: во всех учебниках истории и энциклопедиях до сих пор фигурирует взятая из ПВЛ дата «призвания Рюрика» в Новгород Великий — 862 год, хотя многолетние широкомасштабные археологические исследования Новгорода на Волхове не выявили в нем культурных слоев ранее конца первой половины X века. **То есть Новгород возник почти веком позже призвания в него Рюрика!**

Очевидное достоинство археологии в том, что она сама по себе объективна. К сожалению, как показала практика, далеко не всегда объективы археологи. Советская археология могла и замалчивать неудобные для советской исторической науки находки, как десятилетиями было с артефактами скандинавского происхождения на европейской части СССР, и даже откровенно фальсифицировать их в угоду «марксистско-ленинским научным» концепциям академических авторитетов и амбициям партийных и советских функционеров. Яркий и тоже весьма важный для нас пример такой фальсификации, касающийся на сей раз не Новгорода, а Киева, преподнесли в свое время академик Б. Рыбаков и первый секретарь ЦК компартии Украины В. Щербицкий.

Все началось с очередного увлечения Рыбакова неким гипотетическим большим «полянским союзом племен» начала VI века в среднем течении Днепра во главе с «князем Кием». Разумеется, это увлечение предполагало Киев «племенным центром» этого союза и крупным городом того времени. Советская археология, как ей и было положено, немедленно откликнулась на идею академика о «полянском союзе», и в Киеве послушно обнаружились якобы относящиеся к началу VI века языческое капище и чуть ли не дворец самогó Кия. За идею Рыбакова ухватился Щербицкий и по-марксистски творчески развил ее в политическом плане масштабным государственным проектом «1500-летия Киева». Прав-

да, чтобы проект не откладывался на следующий век, а осуществился прижизненно, во время правления Щербицкого, Киев следовало удревнить еще примерно на полвека. Оказалось, это не проблема. Найденные археологами древности мгновенно состарились и стали датироваться V веком. Правда, новые датировки поставили в несколько двусмысленное положение Б. Рыбакова, но вопрос как-то потихоньку замялся.

И все бы ничего, кабы не небольшая загвоздка — оценки археологических находок в киевской земле независимыми зарубежными археологами не только не подтверждали постулаты отечественной археологии, предназначенные служить фундаментом исторических построений Рыбакова и широкомасштабных политических проектов Щербицкого, но шокирующе их дезавуировали. По консолидированному мнению ряда уважаемых археологов Западной Европы история Киева как города началась только с конца IX века, а крупным городским центром Киев стал не ранее середины X века [1], кстати сказать, практически одновременно с возникновением Новгорода Великого, а до уровня средневекового города столичного масштаба дорос в самом его конце с появлением так называемого «города Владимира» [2].

Действительно, есть археологический факт, объективная данность: до «города Владимира» на территории Киева не было ни «города Святослава», ни «города Ольги», ни «города Игоря», ни «города Олега», ни тем более «города Аскольда и Дира», не говоря уже о «городе Кия». Да что там говорить о «городах», если в слоях древнее X века в киевской земле вообще не найдено останков ни одного значимого здания или сооружения, которое могло бы быть жилищем не то что князя, а хотя бы среднего боярина. Это чрезвычайно важно, и давайте повторим еще раз: археологически до

---

[1] Подробнее об этом в приложении «Когда возникла Киевская Русь?».

[2] Арабы, в частности Ибн Фадлан, еще не знали о Киеве в конце первой четверти X века. А если верить Т. Джаксон (*Т. Джаксон.* Austr í Görđum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001), то: «Киева нет в рунических надписях X—XI вв., нет его в скальдических стихах IX—XII вв., нет и в королевских сагах...». То есть скандинавы знать не знают ни о каком Киеве вплоть до XII века!

конца IX века никакого города Киева не было, а до середины X века Киев не был столицей чего бы то ни было, в частности, разумеется, Киевской Руси. **Говорить о Киеве как столице и, соответственно, о Киевской Руси как государстве можно только с конца, в лучшем случае, с середины X века,** то есть с княжения Ольги по датировкам ПВЛ.

Здесь во избежание недоразумений необходимо сделать оговорку. В отличие от Новгорода, возникшего в середине X века в прямом смысле на пустом месте, поселения на территории современного Киева существовали издревле. Именно поселения, которые то появлялись, то исчезали. Где-то в конце VI века на Старокиевской горе даже возникла небольшая крепостца, просуществовавшая примерно до VIII века. До начала IX века существовали отдельные небольшие сельские поселения на Замковой горе, но потом почему-то все обитатели их покинули. На территории нынешнего мегаполиса Киева археологами найдены десятки поселений разных эпох, но о городе Киеве как столице одноименной древней Руси можно говорить только с середины, а еще вероятнее только со второй половины X века. Судя по археологическим данным, в первой половине X века Киев походил, подобно другим городам Хазарии, например Итилю или Булгару, скорее на восточный базар, раскинувшийся вокруг гавани в устье Почайны. Лишь при Владимире, взобравшись на Старокиевскую гору и обзаведясь фортификационными сооружениями, он превратился в нечто, что мы сегодня называем средневековым городом.

Но если это так, если до Владимира, в крайнем случае до Ольги, Киева как стольного города, как «матери градам русским» не было, то, никуда от этого не деться, не было в природе ни Киевской Руси IX века, ни «киевских князей»: Кия с братьями, Аскольда с Диром и Вещего Олега с Игорем. Не абсурд ли это? Нет, не абсурд, а лишь серьезный, очень серьезный предмет для размышлений.

ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ АНТИНОРМАНИЗМА

Другой — Фарлаф, крикун надменный,
в пирах никем не побежденный,
но воин скромный средь мечей...
А. Пушкин. «Руслан и Людмила»

Наступившее после многовековых баталий шаткое перемирие на норманистско-антинорманистском фронте время от времени нарушается уже не боями, а так, потасовками местного значения. Казалось бы, норманизм давно уже дезавуировал свой наиболее одиозный, хотя и прямо основывавшийся на тексте ПВЛ, тезис о неспособности восточных славян создать свое собственное государство, вследствие чего погрязшие в смутах и разборках аборигены якобы вынуждены были призвать заморских варягов, читай скандинавов, чтобы те наконец-то навели у них в доме порядок. Казалось бы, со всей очевидностью показано и общепризнано, что в самóй Скандинавии времен «призвания», то есть в середине IX века, еще не было создано никаких государств и варяги — находники, по выражению ПВЛ, на Русь — имели опыта и примеров государственного строительства ничуть не больше, если не меньше, чем восточное славянство, географически и исторически примыкавшее к периферии романского и византийского миров. Но антинорманистам всех мастей этого мало. Ни под каким соусом, ни в каком виде не хотят они признать скандинавов во главе государства, пусть даже созданного до их появления самими славянами и на сугубо славянской почве.

Неприятие скандинавов, и германцев вообще, доходит до паранойи. Почему-то в среднероссийском антинорманистском параноидальном сознании летописный Рюрик никак, ни за что не может быть датчанином Ререком, а вот каким-нибудь выходцем из прибалтийских славян Ререгом — это пожалуйста. Почему? Чем датчане хуже поляков? Лицом не вышли? Живут хуже? Имеют на нас зуб? Нет, нормальному

человеку этого не понять. А параноику-антинорманисту бесполезно пытаться втолковать, что датчане — народ, по крайней мере, не менее цивилизованный, чем поляки, что предки датчан, в отличие от потомков поморских славян, никогда не захватывали Москву и не сажали в ней своих царей-марионеток, не заливали кровью Россию до берегов Волги и не мучили в российских дебрях героев-сусаниных.

Как всегда, в рассуждениях и спорах о том, чем один народ лучше или хуже другого, результат оказывается одним и тем же: всплывает неклинический диагноз вышеназванной паранойи — обыкновенный шовинизм. Именно в силу этого диагноза норманистско-антинорманистское противостояние давно зашло в безнадежный тупик. Заклиненные в германофобии и шовинизме антинорманисты просто не хотят, не способны слушать и понимать разумные доводы и аргументы. А эти аргументы для всех здравомыслящих людей с нормальным общечеловеческим воспитанием звучат более чем весомо и не оставляют сомнения, что в течение некоторого времени выходцы из Скандинавии стояли во главе государства, которое мы ассоциируем с древней Русью. Аргументы давно и хорошо известны, я их просто вкратце напомню.

Первый аргумент — Бертинские анналы. Согласно им прибывшие в 839 году ко двору Людовика Благочестивого через Константинополь послы «кагана народа Рос» были признаны там скандинавами (свеями). Пытаясь как-то дезавуировать этот факт, антинорманисты не придумали лучшего объяснения, чем такое: дескать, правитель Руси, конечно же чистокровный славянин, послал в Константинополь служивших ему варягов, например, потому что те лучше знали дорогу, знаменитый путь «из варяг в греки». Можно встретить в качестве иллюстративного примера даже ссылку на немца Нессельроде во главе министерства иностранных дел России. Однако ссылка неуместна. Да, немец или швед мог стать в России министром иностранных дел, особенно при императоре Павле I, который, между прочим, сам был на три четверти немцем, и его преемниках. Стопроцентной немкой могла быть (и была ведь, была!) сама российская императрица. Но чтобы целиком все министерство иностранных дел или все поголовно русское посольство состояло из немцев

или шведов? Это уж увольте. Даже при Екатерине II и Павле I такого не было и быть не могло.

Гипотетический славянский правитель некой Руси начала второй трети IX века мог включить в свое отправляемое в Константинополь посольство варягов в качестве проводников, если они лучше знали дорогу, или толмачей, если они лучше понимали греческий язык (хотя и с чего бы?!), но в любом случае служилые скандинавы, играя в посольстве сугубо вспомогательные роли, не определяли бы его этническое лицо. Не только самое естественное, но и единственно возможное объяснение того, что посольство кагана Руси состояло из скандинавов-свеев, заключается в том, что сам каган и его окружение, из которого он наверняка назначал послов, то есть **вся русь того времени была скандинавской.**

Второй аргумент — имена послов Вещего Олега, отряженных им в Константинополь для подписания мирного договора с греками, зафиксированные не где-нибудь, а прямо в ПВЛ. Вот они: Карл, Фарлоф, Вельмуд, Рулав, Стемид. Там же можно найти еще один список имен уполномоченных представителей руси, подписавших такой договор от «рода русского»: Карл, Ингельд, Фарлаф, Вельмуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Стемид. Написание имен послов, которые сами по себе имеют колоссальную важность и которыми нам еще предстоит заняться вплотную, несколько разнится в разных списках ПВЛ, что, конечно, расширяет возможности трактовок и этимологизаций. Но, что характерно, ни в одном из вариантов этих имен нет и намека на что-то славянское, а абсолютное большинство их явно германского происхождения, причем некоторые имена — Ингельд, Фарлаф[1], Вельмуд, Рулав, Руалд, Фрелав — конкретно скандинавские. Трудно отделаться от мысли, что мы имеем дело с прямыми потомками послов русского кагана из Бертинских анналов. Единственное, на что могут рассчитывать здесь антинорманисты, это имеющееся обоснованное подоз-

---

[1] Посол «рода русского» Фарлав, перекочевав из ПВЛ в поэму Пушкина «Руслан и Людмила», превратился в пьяницу и спесивого хвастуна без роду-племени. Но на персонаже одноименной оперы М. Глинки уже сказываются труды норманистов: там Фарлаф — **варяжский витязь**, хотя по-прежнему персонаж выраженно отрицательный.

рение в подложном характере договора 907 года, с которым ПВЛ связала имена послов в Константинополь. Сомнение в его аутентичности высказывал еще первый исследователь ПВЛ А. Шахматов, работы которого стали классикой анализа русских летописей. Однако никто не подвергал сомнению договор 911 года, включенный в статью 912 года ПВЛ и содержащий в своей преамбуле приведенный выше расширенный список уполномоченных подписантов договора. Наконец, есть еще аналогичный договор Игоря, тоже донесенный до нас ПВЛ в статье 945 года. В нем, правда, появляется пара имен, выглядящих похожими на славянские, но по-прежнему абсолютное их большинство имеет очевидно германское происхождение.

Аргумент третий — русские названия днепровских порогов у Константина Багрянородного в его трактате «Об управлении империей». Этимология приведенных им русских названий явно древнескандинавская. Антинорманисты предпочитают обходить эти труднопреодолимые для плавсредств, но еще более для самих антинорманистов пороги молчанием, а вынужденно упоминая, демонстративно заключают слово «русские» в кавычки. Но эти кавычки — не более чем хорошая мина при плохой игре. Константин называл пороги по-русски без всяких кавычек и тут же давал их параллельные названия по-славянски, которые действительно этимологизируются из старославянского. То есть у Багрянородного **русский язык прямо противопоставлен славянскому**, и этот его **русский язык — язык древнескандинавский в современной терминологии.**

Понимая значение и неубиенность этого свидетельства, известный антинорманист, украинский историк и археолог М. Брайчевский, сделал отчаянную попытку этимологизировать названия днепровских порогов у Багрянородного из неких мифических «иранских языков». Увы, его дилетантские потуги у лингвистов вряд ли вызовут что-либо кроме грустной улыбки [1]. Если же говорить серьезно, то, глядя правде в глаза, невозможно не признать, что в конце первой полови-

---

[1] Более подробно об этом см. «Читая Константина Багрянородного». (*В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010)

ны X века, то есть век с лишним спустя после появления при дворе Людовика Благочестивого послов русского кагана, их потомки все еще говорили на древнескандинавском языке. Заметим кстати, что именно древнескандинавском. Во всей Скандинавии IX века в ходу был единый язык, хотя вероятно уже распадавшийся на диалекты, из которых его преемники — шведский, норвежский, датский и исландский языки — оформились не ранее XII века.

Четвертым и безусловно решающим аргументом служат имена самих «великих князей» начальной Руси, известные нам не только из ПВЛ, но и из заслуживающих доверия документальных свидетельств соседей древней Руси. Аргумент настолько важен, что достоин отдельного рассмотрения, и к этим именам нам вновь и вновь придется возвращаться.

А пока сконцентрируемся на важнейшем для истории древней Руси факте: скандинавы в начале «эпохи викингов», то есть в VIII—IX веках, нигде, включая саму Скандинавию, не создали никаких государств из ничего. Что умели делать викинги и делали повсеместно, это «накладывали лапу» на все, что «плохо лежит», но лежит уже готовенькое, в частности на существовавшие, особенно небедные, но по каким-то причинам ослабленные государственные образования. Начиналось все тривиальным грабежом, а заканчивалось либо поспешным бегством, либо, если повезет, захватом командных высот. Именно так возникли «норманнские» государства в восточной Англии (Данелаг), западной Франции (Нормандия) и южной Италии (Сицилийское королевство). Поэтому можно смело предположить, что таким же образом возникло варяжское государство Русь. Чрезвычайно интересно провести параллель, впечатляющую и показательную, между захватом Нормандии викингами норманнами и будущей Руси варягами русью.

В конце IX века норманны Хрольва Пешехода правдами и неправдами получили контроль над полуостровом Бретань, а затем, в течение X века, и всей Нейстрией [1]. Та, будучи

---

[1] По иронии судьбы Хрольв заключил договор с французским королем Карлом Простым в 911 году, одновременно с заключением договора руси с греками, приписанного в ПВЛ Вещему Олегу.

в то время частью королевства Меровингов, и частью далеко не бедной, имела не только свою государственную территорию, но и собственную историю в прошлом независимого королевства. После подчинения норманнам Нейстрия очень быстро превратилась в Нормандию, а бывшие норманнские ярлы — в нормандских герцогов. Так уже существовавшее государство на бывшей кельтской, но романизированной территории поменяло название, приняв имя захвативших ее викингов. В этом переименованном государстве относительно малочисленная господствующая норманнская верхушка быстро потеряла родной древнескандинавский язык и перешла на местные романские наречия. Но бывшие конунги и ярлы, превратившись в герцогов и баронов, еще долго сохраняли древнегерманские имена — единственное, что отличало вознесшуюся на вершины власти пришлую элиту от задвинутой на задворки местной знати. Однако вследствие смены языка эти старые германские по происхождению имена стали произноситься на местный лад, свойственный старофранцузским диалектам Ойль: Вильхельмы превратились в Гиллемов (современное французское Гийом), Рикхарды — в Ришардов (современное французское Ришар), Хродберахты — в Родбертов (современное французское Робер), а Готфриды — в Жоффроев (современное французское Жоффруа) [1].

Почти то же самое мы видим на востоке. Почти — потому что, к сожалению, проводя параллель между процессами рождения государств в Нормандии и на Руси, мы вынуждены пропустить первый самый важный для антинорманистов, да и всех нас, этап, так как не имеем никаких данных о восточноевропейском государстве, которое прибрали к рукам варяги-русь. История Нейстрии и захват ее норманнами документированы местными анналами, благо, Франция Меровингов уже имела унаследованные от Римской империи давние традиции историографии и обширные штаты анналистов. А вот на востоке документировать аналогичное событие было некому. Поэтому относительно первого этапа приходится принять нечто нам не известное по аналогии,

---

[1] В литературе предводителя норманнов Хрольв часто называют Ролло, что тоже есть офранцуженное уменьшительное от «Хрольва».

которая, к счастью, очень ярко прорисовывается на всех последующих этапах.

В рамках этой аналогии некое государство на бывшей готско-сарматской, но славянизированной к IX веку территории получила имя по захватившим ее скандинавам, которые, по свидетельству Бертинских анналов, были этническими свеями, но уже в то время назывались русью. Далее, как и в Нормандии, господствующая верхушка руси присвоила себе местные титулы, что подтверждается «каганом-рус» арабских авторов, он же «каган народа Рос» Бертинских анналов, и перешла на местные славянские наречия, все еще сохраняя древнегерманские имена, которые однако переиначились на местный восточнославянский лад. Так Хельги превратились в Эльгов / Ольгов [1] (современное великорусское Олег), а Ингвары / Ингеры — в Ингорей (современное великорусское Игорь). Как видим, за исключением неизвестного нам первого этапа далее нормандский сценарий здесь повторяется один в один.

На мой взгляд, такое повторение, такая очевидная параллель, от которой антинорманисты отмахиваются, как черт от ладана, объективно как раз льет воду на мельницу антинорманизма, заставляя обоснованно предположить существование в IX веке на Русской равнине некого государственного (предгосударственного) образования, привлекшего внимание находников-варягов. Эти варяги, прозвавшиеся русью, несомненно действовали на востоке точно так же, как и их соплеменники на западе: ничего не создавали, ничего не строили, только грабили, обирали, а при удобном случае захватывали и подчиняли. В конечном счете им удалось захватить где-то на территории будущей Руси и подчинить себе одно или даже несколько предгосударственных образований, которые скандинавская эпическая традиция называла Гардами.

---

[1] Более подробно о механизме этого превращения в приложении «Как возникла начальная русь?».

ГАРДЫ ВОСТОЧНОГО ПУТИ

Пусть не Париж, не Нью-Йорк
маленький мой городок.
Летом красив и зимой
Новгород — город мой!

«Мой Новгород»,
группа «Свои ребята»

Вечорів оксамити,
мов щастя прибій...
Як тебе не любити,
Києве мій!

«Мой Киев», слова Д. Луценко

В древнескандинавских сагах Древняя Русь называлась Аустрвег, то есть «Восточный путь» — скандинавский эквивалент пути «из варяг в греки» наших учебников истории, — или Гардарики, то есть «державой гард»[1]. В самых ранних сагах это государство звалось просто Гардар, то есть «гарды». Вопреки расхожему мнению скандинавские «гарды» — это вовсе не города. Городов, по крайней мере городов в нашем сегодняшнем понимании, во время становления Древней Руси в Скандинавии вообще не было, поэтому не было и такого понятия в древнескандинавском языке. Позже в связи с действительно возникшей необходимостью во всех скандинавских языках для средневекового города появилось совсем иное слово общегерманского происхождения borg.

Археолог Г. Лебедев, один из российских авторитетов в истории и археологии древней Скандинавии, проводил параллель между древнескандинавским garđ и древнерусским термином «полюдье», имея в виду территориальную единицу, на которой кормится некий правитель — конунг в Скан-

---

[1] Форманты *-вег* и *-рики* также видны в исходном названиях Норвегии Nord*veg* — «Северный путь» (в современном норвежском упростилось до Norge) и Швеции, в оригинале Sve*rige* — «Свейская держава».

динавии или князь на Руси, — и которую он соответственно берет под свою юридическую и военную опеку[1]. Судя по множественному числу «гарды», таких гард-полюдий на Восточном пути было несколько. По крайней мере, нам достоверно известно о двух из них: новгородском и киевском, маркированных в скандинавской эпической традиции явным формантом -garđr, — соответственно Хольмгард (Holmgarđr) и Кянугард (Kænugarđr) с вариантом Кенугард (Kœnugarđr).

В уже упоминавшемся выше опусе «Об у правлении империей» византийский император Константин Багрянородный употребляет непосредственно славянское слово «полюдье» (πολυδια) в связи с некой местностью, которую Константин называет то Киоавом, то Киовой, и в которой обитают кормящиеся этим полюдьем архонты Руси. Не исключено, что Константин также упоминает и новгородское полюдье, когда мимоходом замечает, что Святослав «сидел в Немо*гарде*» (Νεμογαρδας). Здесь полезно еще раз подчеркнуть, что в конце первой половины X века, когда писал свой труд Константин, Новгорода Великого еще не было, да и Киев, судя по современным оценкам независимых археологов, еще не стал столичным городом. Так что речь у Багрянородного не может идти о городах Новгороде Великом и Киеве, а, следовательно, имеются в виду именно киевское и, возможно, новгородское полюдья. Кстати, Багрянородный называет административный центр киевского полюдья, в котором обитали архонты руси, но это вовсе не Киев, а некая крепость (καστρον), которую Константин называл Самватом (Σαμβατας).

Возможно, на Восточном пути существовали другие полюдья, например, смоленское (гнездовское) и полоцкое. Наверняка какое-то полюдье руси было на верхней Волге. Археологически оно оставило следы в Тимереве, Сарском городище и других местах нынешней Ярославской области. Надо полагать, тамошняя русь ходила на кораблях в Булгар и на Каспий. Скорее всего с купцами той руси встречался в

[1] В современном шведском языке слово gård означает «ферма», то есть, по сути, то же самое: территорию со всеми обитателями, с которой кормится ее хозяин и которая находится под его опекой.

922 году в Булгаре Ибн Фадлан, который слыхом не слыхивал ни о Киеве, ни о Днепре, но без тени сомнения помещал Русь на берегах Волги севернее Булгара.

Неизвестно, был ли у всех полюдий руси единый верховный правитель или полюдья существовали и управлялись независимо. Даже непонятно, был ли единый властитель в каждом полюдье. В частности, об архонтах киевского Константин Багрянородный говорил во множественном числе, но при этом он мог иметь в виду как множество одновременных соправителей, так и последовательно сменяющих друг друга владык. Ничего не проясняют упоминаемые во франкских документах «каган руси» и «норманнский каган», равно как и «каган-рус» у арабских географов. Обычно, очевидно по аналогии с тюркскими и хазарским каганатами, молчаливо предполагается, что титул кагана мог носить только один самый главный правитель, объединивший под своей властью все или большинство захваченных русью территориальных единиц, например, тех же полюдий, и принимать его только как качественно новый титул верховного владыки «Всея Руси». Но, как я уже однажды замечал по этому поводу[1], на самом деле ничто не мешало назваться каганом и даже послать в Константинополь посольство из своих людей кому угодно, любому никому не известному правителю сугубо «местного значения». А какому-нибудь варяжскому ярлу по имени Хакан, чтобы послать хохмы ради посольство в Византийскую или Франкскую империи, даже не нужно было прикидываться каганом. Кстати сказать, ни византийцы, ни франки посольство «русского кагана» всерьез не восприняли.

Возвращаясь к двум достоверно нам известным полюдьям руси X века, киевскому и новгородскому, хотелось бы сделать попутное замечание о происхождении их названий. До сих пор нет общепринятой этимологии для скандинавских названий Хольмгарда и Кянугарда / Кенугарда. Для Хольмгарда наиболее популярны две этимологизации: из славянского «холм» и скандинавского holm — «остров». К сожале-

---

[1] *В. Егоров.* Между варягами и греками. (Авторский сайт www.ipiran.ru/egorov).

нию, обе совершенно ни при чем в случае Новгорода Великого. Поэтому в качестве альтернативы предлагалось как-то пристроить понятие острова к предтече Новгорода Рюрикову городищу, хотя достоверно не известно, было ли Рюриково Городище островом, а если выражаться более точно, островком в «рюриковы времена». Кроме того, зарождение эпической скандинавской традиции об Аустервеге-Гардарики в основном относится к XI и даже скорее XII векам, когда под Хольмгардом мог пониматься только переживавший расцвет Новгород Великий, а не маленькое уже захиревшее к тому времени Рюриково городище. И уж совсем плохи дела с Кянугардом-Кенугардом. Единственное имеющее на сегодня объяснение Кянугарда из «кияне», имея в виду жителей Киева, если в него вдуматься, парадоксально: получается, не киевляне получили свое прозвание потому, что жили в Киеве, а Киев получил свое название потому, что в нем жили киевляне! А вариант Кенугарда «кияне» и вовсе подвешивают в воздухе.

Но на самом деле, на мой взгляд, все рассмотренные и не рассмотренные здесь варианты этимологизации Хольмгарда и Кянугарда изначально бессмысленны, потому что исходят из принципиально неверной посылки. Если в соответствии с высказанным ранее постулатом названия с формантом «-гард» относятся не к городам, а к полюдьям, то и первые компоненты обоих названий следует соотносить не с городами, а с полюдьями как некими территориями и предгосударственными образованиями во главе с властителями-русью. Под этим углом зрения в качестве этимологических объяснений сразу отметаются и «холм», и «кияне». Объяснение через «остров» не исключается автоматически, особенно в контексте известного «острова русов» арабской традиции[1], но мало-мальски разумного смысла оно все равно не приобретает. Зато этот смысл Кянугард и Хольмгард могут обрести, рассматриваемые как названия не столько городов, сколько полюдий, то есть владений неких властителей руси, если допустить, что названия полюдий отражали, например, титулы или родовые имена этих властителей.

---

[1] В отношении «острова русов» скорее дело обстояло как раз наоборот. Этот «остров» — вероятная арабская калька с древнескандинавского «Хольмгард».

Наиболее наглядное подтверждение такое допущение находит в Кянугарде, где перед формантом «-гард» достаточно отчетливо проглядывает «каган». И этому не приходится удивляться с учетом того, что какой-то правитель руси принял титул кагана еще в первой половине IX века, что следует из текста Бертинских анналов, а Киевщина (Киоав-Киова Багрянородного) была подвластна хазарскому каганату с начала восьмого примерно до середины десятого века с небольшим перерывом на время венгерско-хазарской размолвки. К сожалению, мы не знаем, как произносили титул своего верховного правителя живые хазары. Возможное произношение титула кагана в различных тюркских языках может включать варианты *ка'ан* и *кя'ан*, причем последний из них прямо соответствует форме Кянугард. Однако скандинавская традиция помимо формы Кянугард знала и альтернативную ей форму Кенугард. Судя по чувашскому языку — единственному живому близкому родственнику хазарского, — в котором «хан» — *хун*, хазары тоже могли произносить слово «каган» с лабиализацией гласного, нечто вроде «кю'ун», а такое произношение должно было породить у скандинавов скорее Кенугард, чем Кянугард.

Наконец, отдельный вопрос, не могло ли после принятия Хазарией иудаизма в качестве государственной религии повлиять на хазарское произношение титула кагана еврейское *ко'эн*. Конечно, хазарские каганы не были потомками библейского Аарона, что обязательно для истинных коэнов, — таковых в Хазарском каганате просто неоткуда было взять, но выполняемые каганами некоторые жреческие функции кое в чем перекликались с функциями коэнов. По крайней мере, спеллинг Kœnugarđr более всего отсылает именно к ним.

Как видим, вариантов много, они очень зыбки, и все же не кажется невозможным, что название Киева в вариантах Кянугард-Кенугард — это просто-напросто скандинавская передача «полюдья каганов».

Переходя к Хольмгарду, надо иметь в виду, что в самóм древнескандинавском Holmgarđ произносилось как *Хольгард* (позднее *Хульгард*). Поскольку holm в значении «остров» толком пристроить к Новгороду Великому не удается,

возникает закономерный вопрос, не является ли Holmgarđ вторичным, скандинавским «письменным» осмыслением изначального устного Holgarđ с практически тем же самым произношением? А если это так, то не идет ли речь об Ольгарде, то есть... **полюдье ольгов**?! Здесь может иметься в виду конкретная личность — Вещий Олег, *Ольг* в древнерусском тексте ПВЛ, или, что представляется более вероятным, принятый у правителей начальной руси титул «ольг» [1]. То есть Ольгард — это «полюдье ольгов» — полная новгородская аналогия киевскому «полюдью каганов».

Параллель «Каган-гарды» с «Ольг-гардой» определяется основополагающей параллелью между «ольгами» и «каганами», параллелью настолько важной, что мы будем вынуждены к ней не раз возвращаться, сознательно ища и находя ей подтверждения. А разница в названиях между ними могла проистечь из-за того, что «Каган-гарда» территориально соседствовала с хазарским каганатом и, в более широком плане, тюркоязычным в то время Северным Причерноморьем, а «Ольг-гарда» — с германоязычным скандинавским миром.

Однако мы несколько забежали вперед. Поэтому притормозим и пока условно примем только что высказанную гипотезу, согласно которой мы получаем как минимум два предгосударственных образования — полюдья, — в которых до образования единого государства древней Руси, то есть до конца X века, а вполне вероятно, что и некоторое время после, заправляли каганы и ольги руси. Значит ли это, что варяги создали эти или другие аналогичные образования? Ни в коей мере. Создавать государства, государственные структуры викинги, в том числе и те, что назывались в ПВЛ варягами-русью, просто не умели. Не имели ни опыта, ни желания — были, что называется, не по тому делу. Все это они получали в готовом виде по праву сильного, а затем либо мгновенно теряли, либо, сохранив, быстро адаптировались, приспосабливались к местным условиям подобно норманнам Хрольва в Нормандии.

---

[1] Развернутый разговор об этом титуле пойдет в приложении «Как возникла начальная русь?».

В описании Ибн Фадлана, сделанном по личным впечатлениям, в первой четверти X века русь по внешнему облику не имела ничего общего со скандинавами, а порядки при дворе их «царя», то есть соответственно нашей гипотезе кагана или ольга, вообще совершенно чужды скандинавским, но действительно типичны для двора кагана хазарского. У Ибн Фадлана русь носит римские короткие плащи, турецко-украинские шаровары, а ее правитель проводит время исключительно в попойках и увеселениях на огромном столе в окружении наложниц и личной охраны, в то время как все государственные дела и защиту отечества выполняют его приближенные заместители. Как тут не вспомнить нашего славного былинного Владимира Красно Солнышко с его бесконечными пирами и полной отстраненностью от государственных дел, прижившуюся около него и охранявшую его драгоценную персону, а заодно всю Русскую землю, когорту богатырей и, наконец, отчеканенные в XI веке в Киеве монеты с легендой «Владимир на столе», как будто для иллюстрации описания Ибн Фадлана?!

Недаром в последнее время все больше историков готовы признавать, естественно, с оговорками на особенности жанра, скандинавские саги и русские былины историческими в основе своей источниками, в ряде случае даже более правдивыми, чем «летописи» наподобие ПВЛ. И это не удивительно, ибо народные сказители — не придворные «летописцы» киевских князей и не агиографы. В отличие от сочинителей ПВЛ им не нужно было, угождая сильным мира сего, придумывать «факты» и перевирать традицию, в основе которой, как правило, лежали действительные события. Проблема лишь в том, чтобы суметь извлечь из былин их реальную основу, переданную в традиционных фольклорных формах и «зашумленную» многовековой устной передачей.

РЮРИКОВИЧИ МЫ?

Мерз я где-то, плыл за моря.
Знаю — это было не зря.
Все что было, было не зря,
Не напрасно было!

«Разговор со счастьем»,
слова Л. Дербенева.
Песня из к/ф «Иван
Васильевич меняет профессию»

В кинофильме Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» есть примечательный эпизод. Составляющий протокол участковый милиционер задает рутинный вопрос об имени и фамилии Ивану Грозному, волею авторов фильма оказавшемуся в нашем времени. Царь поначалу озадаченно чешет затылок, но затем, гордо вскинув бороденку, объявляет как само собой разумеющееся: «Рюриковичи мы!». Тысячу с лишним лет не подлежало сомнению, что первая династия русских владык вела свою родословную от Рюрика. Кто же он такой, чем знаменит родоначальник династии, более семисот лет правившей древней Русью и Россией и о принадлежности к которой с гордостью заявляет в фильме один из последних ее представителей? Как ни парадоксально, сам по себе Рюрик совершенно не известен мировой истории, а его славные деяния не попали ни в одни анналы. Единственный источник, удостоверяющий существование Рюрика, — это ПВЛ. Увы, слишком ненадежное, как мы уже имели возможность убедиться, удостоверение личности[1]. Но даже ПВЛ, единственная якобы знающая Рюрика, не числит за ним никаких достойных упоминания свершений.

---

[1] Проблема ненадежности «свидетельств» ПВЛ была поднята мной еще в расследовании «Читая «Повесть временных лет»» (*В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010).

Говоря о Рюрике и его безвестности в мировой истории, нельзя обойти молчанием Ререка Ютландского, упорно впихиваемого в нашу историю в качестве летописного Рюрика Новгородского[1]. Отождествление Рюрика и Ререка было поддержано таким столпом советской исторической науки, как академик Б. Рыбаков; в наше время эту идею несет на своем знамени российский археолог, бессменный руководитель Ладожской археологической экспедиции А. Кирпичников. Здесь, правда, надо сделать скидку на романтическую увлекаемость Рыбакова экстравагантными гипотезами в области древней отечественной истории и далекое не только от романтики, но и от истории, зато вполне практичное и понятное по финансовым соображениям настойчивое стремление Кирпичникова превратить раскапываемую и монополизированную им Старую Ладогу в «первую столицу Руси».

Впрочем, в самой академической среде противников отождествления Ререка и Рюрика не меньше, чем сторонников. Против признания ютландского ярла новгородским князем говорят и та чрезвычайная скудость сведений о Рюрике, что оставила нам ПВЛ, и его мифические братья Синеус и Трувор, означающие в переводе с древнескандинавского «его дом и верная дружина», и реальная хронология худо-бедно документированной европейскими хрониками жизни ютландского Ререка, деятельность которого в целом ограничивалась Данией и границами Франкской державы минимум до 873 года. Между тем, ПВЛ «призывает» Рюрика в Новгород гораздо раньше, в 862 году, где и оставляет княжить до самой смерти.

Но дело даже не в ПВЛ. Задолго и до 862, и до 873 годов, еще до того как Европа впервые могла услышать о Ререке Ютландском, в 838 году в Константинополь прибыли послы руси, которые годом позже оказались при дворе Людовика Благочестивого в Ингельгейме и «наследили» во франкских анналах. То есть вне сомнения какая-то русь, причем русь достаточно организованная, чтобы заслать посольство к византийскому и франкскому императорам, уже существовала

[1] Более подробно о Рюрике и Ререке в приложении «Как возникла начальная русь?».

и до появления на исторической сцене Ререка, и тем более до «призвания Рюрика», что окончательно превращает последнего в сугубо мифическую, никогда не существовавшую в природе, да и на самом деле никому не нужную личность.

Не вдаваясь глубоко в ученые споры, со своей стороны хотел бы обратить внимание на полную ментально поведенческую несовместимость исторического Ререка и летописного Рюрика. Ререк — истинный Скьольдунг, яркая неугомонная натура, борец и дерзатель, всю свою жизнь посвятивший завоеваниям и поискам лучшей доли под солнцем. Ему мало острова Вирингена, ему мало больших и богатых купеческих городов Дорестада и Утрехта, он всю жизнь добивался обладания всей Фризией и всей Данией. В трудные периоды после неудач Ререк, чтобы поправить дела, подобно другим викингам не брезговал дальними грабительскими походами и на запад во Францию, и на восток в Швецию. Но всегда, вновь обретя финансовую состоятельность, возвращался назад и снова включался в интриги и междоусобную борьбу наследников Людовика Благочестивого. В противовес ему летописный Рюрик — совершенно пассивная бесцветная личность. Он ничего не завоевывает и не захватывает, а всего лишь благосклонно принимает свалившееся на него как снег на голову предложение заморских аборигенов править у них на задворках балтийской ойкумены, бесконечно далеко от Фризии, Дании и Франкской империи. Став там волею судеб верховным властителем, Рюрик до самой смерти ведет откровенно сибаритский образ жизни: не воюет, защищая подвластную ему землю, не раздвигает ее рубежи славными походами, даже не осуществляет, выражаясь современным языком, своих властных полномочий, сразу удалившись от дел и «раздав города своим мужам». Разве в патологическом бездельнике Рюрике можно увидеть деятельного викинга Ререка?

Едва ли не единственный реальный «аргумент» в пользу идентичности Ререка и Рюрика, выдвинутый А. Кирпичниковым, — типологическое сходство археологических находок в Старой Ладоге и Рибе в слоях VIII—IX веков. Что ж, археология — это серьезно, от нее просто так не отмахнешься.

Хотя город Рибе, ровесник Старой Ладоги, расположен на западном побережье Дании, его история с биографией Ререка не соприкоснулась. Бравый викинг со своим близким окружением всю жизнь мотался по миру, а вот в родных краях в сознательном возрасте пожить ему как-то не довелось. Что же касается имеющегося, поверим Кирпичникову, типологического сходства археологических находок в Рибе и Старой Ладоге, то оно естественно объясняется колонизацией Ладоги выходцами, в частности, из южной Ютландии как до Ререка, так и после него, но без его личного участия.

Север будущей Руси заселяли не только обитатели Рибе. Может быть конкретно из его окрестностей вообще никто никогда не добирался до волховских берегов. Археологические находки в Рибе говорят о нацеленности его торговых связей исключительно на запад, на Францию и Англию. Восточная торговля датчан того времени шла главным образом через Хедебю. Упомянутое типологическое сходство ладожских археологических находок не замыкалось только на город Рибе. Последний, будучи археологически хорошо изученным, представляет современную ему археологическую культуру южной Ютландии, населенной в IX веке данами, саксами и полабскими славянами. Под военным давлением расширяющей свои пределы Франкской империи и угрозой насильственной христианизации на восток время от времени волнами бежали и первые, и вторые, и третьи. Археологи уверенно говорят о присутствии в Ладоге и Рюриковом городище в IX веке наряду с местным населением и скандинавов, и прибалтийских славян, причем, похоже, из них численно преобладали последние. Эти переселенцы принесли с собой на север будущей Руси не только археологически зримую материальную «культуру Рибе», но и свою духовную культуру: язык, образ жизни, традиции и предания.

Среди принесенных в Новгород из Мекленбурга[1] полабских преданий были и сказания о бездетном ободритском вожде Гостимысле, погибшем в неравной борьбе с Людо-

---

[1] Мекленбург в переводе с древнегерманского означает «великий город». Не беженцы-мекленбуржцы ли основали Новгород и назвали его Новгородом Великим, то есть Новым Мекленбургом?

виком Немецким, о его завещании призвать для продолжения этой борьбы Ререка Ютландского, о приходе Ререка и разорении его викингами городов вверх по Эльбе. Эти предания были отзвуками действительных исторических событий, произошедших в землях полабских славян и отмеченных Ксантенскими и Фульдскими анналами. Переселенцы-мекленбуржцы принесли память об этих событиях с собой на новую восточную родину — Ладогу и Рюриково городище. Здесь, на новгородской почве, отдаляясь во времени, они постепенно превратилась в местную легенду о новгородском старейшине Гостомысле и призванном в Новгород варяге Рюрике, впоследствии письменно зафиксированную Иоакимовской летописью и в рафинированном виде проникшую в ПВЛ.

Современная генетика способна прослеживать родство через века и тысячелетия. В частности генная структура Y-хромосомы отражает наследственность по отцовской линии. Недавние выборочные генетические тесты по Y-хромосоме ныне живущих представителей русских княжеских домов, претендующих на происхождение от Рюрика, выявили среди них минимум две совершенно неродственные ветви, условно «Мономашичей» и «Ольговичей». Судя по результатам этих тестов, два внука Ярослава Мудрого — Владимир Всеволодич Мономах и Олег Святославич (Гориславич в «Слове о полку Игореве) — не имели общего предка по отцовской линии, следовательно оба сразу они не могли быть потомками Рюрика.

Оставим в стороне пикантный, но не слишком исторический вопрос: какие же из ныне существующих княжеских фамилий — настоящие Рюриковичи? Ответ на этот вопрос все равно никогда не будет найден, поскольку для него необходим генетический материал самого́ мифического предка. С точки зрения древней истории было бы более интересным и полезным восстановить истинную генеалогию первых русских князей вместо той липовой с никогда не существовавшими в природе Рюриками и Вещими Олегами, что нам подсовывает ПВЛ. Здесь дело за практической генетикой. Проблема только в том, располагает ли она необходимыми исходными данными. Как можно быть в чем-то уверенным,

если, например, в саркофаге Ярослава Мудрого вместо его останков обнаруживается мешанина костей из двух женских (!) скелетов, причем один из них относится к еще скифскому времени?! И чье в таком случае, спрашивается, лицо глядит на нас со знаменитого скульптурного портрета Ярослава, восстановленного М. Герасимовым якобы по черепу князя?

Увы, в наше время результаты научных изысканий все больше востребуются не для установления истины, а разного рода околонаучных сенсаций. Так и веское слово генетиков, вместо того чтобы пролить свет на происхождение первых владык древней Руси, только разожгло околоисторические и окологенетические спекуляции об истоках обеих названных выше княжеских линий родства, активно множащиеся на «научной основе» частотности генетических маркеров в Y-хромосомах, так называемых гаплогрупп. Дело в том, что вроде бы в линии Мономашичей преобладает гаплогруппа N1c1, наиболее распространенная на севере России и территориях современных Финляндии, Эстонии и Латвии, севера Швеции и Норвегии, то есть финская в первом приближении; а у Ольговичей — гаплогруппа R1a, широко представленная у всех народов Восточной Европы, в целом совпадающая с историческим ареалом расселения славян. Если данные верны, то к Дании, где доминирует гаплогруппа R1b, а следовательно и Череку Ютландскому, ни одна, ни другая ветвь «Рюриковичей» отношения не имеют. А вот к чему они могли бы иметь отношение, как будто никого не волнует.

При сложившихся обстоятельствах разумнее было бы вообще забыть про Рюрика, исключить эту мифическую личность вместе с Гостомыслом и иже с ними из отечественной истории и, отталкиваясь от реальной проблемы существования двух (или больше?) разных династических ветвей древнерусских княжеских фамилий, сосредоточиться на восстановлении истинной генеалогии первых правителей древней Руси. Раз и навсегда запихнув ПВЛ куда подальше.

«ЗАКОН И БЛАГОДАТЬ» КАГАНСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ

Авраам родил Исаака;
Исаак родил Иакова;
Иаков родил Иуду и братьев его;
Иуда родил Фареса и Зару от Фамари;
Фарес родил Есрома;
Есром породил Арама...

Ветхий Завет, книга Бытия

Впервые в письменном виде генеалогия начальных властителей Руси появилась во времена правления Ярослава Мудрого из-под пера митрополита Илариона в его «Слове о законе и благодати». В панегирике предкам его владычествующего патрона «благоверного кагана Ярослава, сына Владимирова» Иларион восхваляет «...нашего учителя и наставника, великого кагана нашей земли Володимера, внука старого Игоря, сына же славного Святослава...». Так уже к середине XI века мы видим оформленную и утвержденную высшей церковной властью Киевской Руси линейную родословную: старый Игорь → славный Святослав → великий каган Владимир → благоверный каган Ярослав. На первый взгляд преемственность очевидна. Однако при более внимательном взгляде в таким образом выстроенной родословной можно заметить одну иезуитскую хитрость. То, что Владимир был сыном Святослава и внуком Игоря, не означает автоматически, что Святослав был сыном Игоря. Он мог быть и племянником, причем племянником не по крови, а по свойству.

В отличие от авторов Ветхого завета Иларион в своем родословии не удостоил вниманием ни братьев, ни жен, ни предшественников перечисленных «патриархов русского княжеского рода», сделав исключение лишь для «бабы» Владимира Ольги. Он как будто не знал ни Кия с братьями, ни Аскольда с Диром, ни Рюрика с Вещим Олегом.

Еще можно отметить, что Владимир и Ярослав титулованы каганами, а Игорь и Святослав — нет. Это не похоже на оговорку: Владимир и Ярослав названы Иларионом каганами еще по разу, причем Ярослав — под своим крестильным именем: «Особенно же помолись о сыне твоем, благоверном кагане нашем Георгии...» Носили ли титул кагана Игорь и Святослав? У Илариона дело представлено так, как будто этот титул владыки Руси приобрели вместе с крещением, что выглядит странно само по себе и противоречит Бертинским анналам, согласно которым властители руси обзавелись титулом кагана еще за пару веков до Илариона и задолго до всех гипотетических ранних крещений Руси. Если, конечно, в тех анналах речь шла о кагане руси, а не правителе этого народа по имени Хакан[1], что совсем не невозможно с учетом того, что сами послы этого народа оказались скандинавами. К сожалению, сочинители (или правщики) ПВЛ полностью дезавуировали этот вопрос, повсеместно и последовательно переименовав всех «каганов» руси в «великих князей». Дурные примеры заразительны, им последовали современные переводчики «Слова о законе и благодати», в результате чего в его общедоступных переводах на современный русский язык каганов уже не встретить: и Владимир и Ярослав числятся там привычными для нас великими князьями. Никакого уважения к «Слову...» митрополита!

С другой стороны, можно ли судить о титулах Игоря и Святослава по «Слову о законе и благодати», где упомянуты только их имена, да и те лишь единожды вскользь? Такая мимолетность упоминания дает основания для сомнений в том, что Иларион располагал какой-либо содержательной информацией о прямых предках Ярослава и Владимира, например, на основании княжеских архивов или хотя бы местной устной традиции. Это может прозвучать парадоксально, но то ничтожно малое, что мы находим у Илариона об Игоре и Святославе, митрополит мог выудить исключительно из доступных ему византийских хроник и других документов на греческом языке, как раз активно переводимых в Киеве

[1] Подробнее об этом см. *В. Егоров*. Между варягами и греками. (Авторский сайт www.ipiran.ru/egorov)

во время правления Ярослава и при прямом участии самого́ Илариона. Другими словами, впервые «опубликованная» Иларионом генеалогия правителей Руси могла быть составлена на основании переведенных им и его «ведомством» византийских документов. Греки не знали ни Кия с братьями, ни Аскольда с Диром, ни Вещего Олега. Разумеется, Рюрика с Гостомыслом тем более. Потому эти персонажи ПВЛ не смогли попасть в генеалогию Илариона, и родословная каганов рода русского началась у митрополита только с Игоря — самого раннего известного византийцам повелителя Руси.

Действительно, Игорь, Ольга и Святослав — первые правители руси, имена которых зафиксированы византийскими документами. Что знали о них греки? Очень мало. В середине X века Константин Багрянородный называет «сидящего в Немогарде» Святослава (Σφενδοσθλαβος) «сыном Ингора (Ἴγγωρ), архонта Росии (Ῥωσια)». Правда, в одном из существующих переводов Багрянородного на русский, притом самом раннем, Святослав назван братом Игоря, и только в последующих переводах он становится сыном. Не имея оригинала, невозможно сказать с уверенностью, исправили ли переводчики свою ошибку или прислушались к «Слову...» митрополита и «поправили» императора. Конечно, на Руси собственный митрополит главнее и потому правее любого заморского императора. Хотя, как мы уже отметили, сам Иларион в своей генеалогии словно бы уходит от вопроса об отцовстве Игоря. Примерно в это же время Лиутпранд Кремонский называет «короля русов» Ингера (Inger) предводителем руси, атаковавшей Константинополь в 941 году, что вполне соответствует приключениям князя Игоря в ПВЛ. Византийский историк Лев Диакон, излагая события русско-византийских войн рубежа 60-х и 70-х, пересказывает адресованное лично Святославу предостережение императора Цимисхия впредь не повторять ошибки своего отца Ингора.

Таким образом, казалось бы, у греков не вызывает сомнений отцовство Игоря по отношению к Святославу. Но... тот же Константин Багрянородный, описывая в своем трактате «О церемониях византийского двора» визит в Константинополь «архонтиссы Эльги», неожиданно называет Святослава не сыном, а племянником (*анепсием*) гостьи. И сразу

возникает куча вопросов. Но все вопросы о действительном родстве Ольги и Святослава мы оставим на потом, а здесь пока что ограничимся реакцией Илариона. Что, Иларион не знал об этом казусе? Намеренно игнорировал его? Или наоборот, знал и очень серьезно отнесся к сообщению Константина, вследствие чего выстроил свою генеалогию двусмысленно и не внес в нее Ольгу? Ведь если Константин не ошибался, то посетившая Константинополь с визитом «архонтисса» Руси, будучи бабкой Владимира, являлась всего лишь теткой Святослава и следовательно не имела отношения к прямой ветви наследования царствовавших каганов рода русского «по Илариону».

Разумеется, сведения Константина резко противоречат ПВЛ, в которой Константинополь почтила визитом сама «великая киевская княгиня» Ольга, вдова Игоря и мать Святослава, правда, почему-то забыв прихватить с собой царственного дитятю. Как бы то ни было, нельзя пройти мимо того поразительного факта, что бабка восхваляемого Иларионом «великого кагана Владимира» и «великая киевская княгиня» ПВЛ, более того, будущая равноапостольная святая (!), не попала в митрополичью генеалогию властителей Руси. Факт необъяснимый.

На самом деле нет ясности и в отношениях родства между Святославом и Владимиром. Сочинители ПВЛ, не смея перечить Илариону, были вынуждены признать Владимира сыном Святослава, но почему-то, словно стараясь «подстелить себе соломку», сделали его незаконнорожденным. Может быть оно и так, но в этом невольно заставляет усомниться запутанная хронология ПВЛ. В ней нет данных о времени рождении крестителя Руси, есть только год смерти — якобы 1015, хотя эта дата варьируется в разных летописях. Тем не менее все источники, включая европейские, сходятся на том, что умер креститель Руси в почтенном, если не преклонном возрасте. Допустим, лет в шестьдесят пять, что в те времена действительно считалось возрастом преклонным. Тогда, отталкиваясь от даты кончины, несложно высчитать, что родился Владимир где-то в середине X века. Поскольку по хронологии ПВЛ Святослав появился на свет в 942 году, то, выходит, своего младшего (!) внебрачного сына он заимел в

возрасте примерно восьми лет. Стало быть, старших «законных» сыновей — того раньше, едва ли не в колыбели.

Ну да, конечно, Святослав был мужчина хоть куда, ходил «на вы», ночевал в открытом поле, закусывал сырым мясом, но чтобы стать многодетным отцом в малолетстве... Оттого некоторые исследователи ПВЛ, знакомые с азами арифметики, давно высказывали естественное предположение, что Владимир был не сыном Святослава, а его младшим братом. Проверить это невозможно. Византийские историки как-то не озадачились выяснением степени родства Святослава и Владимира, предоставив тем самым полную свободу авторам ПВЛ, и те, покорно следуя указующему персту Илариона, превратили Владимира в сына Святослава, утаили дату его рождения, но все же, возможно намекая на запретную правду, сделали этого «ненастоящего» сына незаконнорожденным.

Не обязанная следовать ни фиктивной генеалогии Илариона, ни фальшивой хронологии ПВЛ, народная память в былинах и сказках признала Владимира самым ранним великим правителем древней Руси, первым киевским князем, которому служили все былинные богатыри, и наделила уникальным эпитетом «Красно Солнышко». Не слишком ли большая честь и блестящая биография для бастарда? Дело усугубляется тем, что ПВЛ старательно обошла вопрос о законности «законных» сыновей Святослава, не назвав ни жен князя, ни времени рождения у них якобы легитимных наследников великокняжеской власти. А ведь если Святослав и Владимир были братьями, то получает разумное объяснение тот странный факт, что не сыновья Святослава в качестве «законных» наследников, а «незаконнорожденный» Владимир в конечном счете принял власть над Киевской Русью, стал каганом, и что за него сам византийский император посчитал возможным отдать замуж свою сестру. Все ставит на свои места бытовавшее в те времена на Руси лествичное право, согласно которому власть наследовалась в первую очередь не сыновьями, а братьями в порядке их старшинства.

«Слову о законе и благодати» не суждено было остаться последним словом в генеалогии каганов рода русского. Его творчески развили авторы ПВЛ, конструируя свою исто-

рию царствующего дома. Но в своем творчестве они не могли проигнорировать официально объявленную высшей церковной властью цепочку наследования и вынужденно впихивали свой беллетристический сюжет в прокрустово ложе генеалогии Илариона, что породило многочисленные логические и хронологические нестыковки в ПВЛ. В итоге получилась корявая, но хорошо знакомая нам из курса родной истории цепочка первых верховных правителей древней Руси от Рюрика до Ярослава Мудрого.

В этой цепочке есть знаковый рубеж — крещение Руси. На этом рубеже заканчивается мифология ПВЛ, и с этого рубежа начинается собственно история Киевской Руси, история письменная и более-менее достоверная, по крайней мере настолько же достоверная, насколько достоверны средневековые истории других европейских стран. Только с этого рубежа, с момента обретения Киевской Русью государственного языка и письменности, можно говорить о летописании, и рубеж этот практически совпадает с рубежом тысячелетий: первое по-настоящему летописное известие в ПВЛ (на самом деле вероятно в летописце Сильвестра) относится ровно к тысячному году. Это краткая синодическая запись: «Преставилась Малфрида. В то же лето преставилась и Рогнеда, мать Ярослава». Постараемся запомнить эту первую летописную запись или хотя бы первую коротенькую фразу в ней «Преставилась Малфрида».

Однако настало время предметно поговорить о титуле «ольг», который носили практически все поголовно предводители начальной руси X века[1]. Под этим «именем», а на самом деле титулом, в истории Руси IX—X веков фигурируют Вещий Олег, некий Олег II, Олег Моравский, Олег Древлянский, «княгиня» Ольга и ее муж Игорь, тоже названный Олегом (*х-л-гу*) «Кембриджским анонимом». Этот титул, известный нам в форме имени «Олег», произошел, согласно общепризнанному мнению, от древнескандинавского слова helgi — «святой, священный». Наверняка не случайно в своем исходном древнескандинавском значении титул «ольг»

---

[1] Более подробно о самóм титуле в приложении «Как возникла начальная русь?».

близок к титулу «священного» верховного хазарского правителя «каган». Сакральность не просто сближает эти два титула, но делает их эквивалентными для начальной скандинавской руси. В своем германоязычном окружении «для внутреннего пользования» владыки начальной руси титуловали себя helgi-ольгами, а для «внешних сношений» использовали более известный в остальном мире титул кагана. Поэтому в ПВЛ мы встречаем исключительно ольгов и ольг, но в Бертинских анналах видим «кагана народа Рос», а у арабских авторов — исключительно «кагана-рус».

Наглядное доказательство эквивалентности и конвертируемости титулов «ольг» и «каган» у начальной руси дает нам «Кембриджский аноним», в котором предводитель руси назван *х-л-гу*, то есть helgi-ольгом в передаче на иврите. Почему-то все комментаторы «Анонима» упорно полагают это *х-л-гу* именем владыки руси, а именно Вещего Олега, и не могут связать концы с концами, так как Олег ПВЛ ко времени написания хазарского документа уже давно наступил на свою змеюку и «могильной засыпался землею». Дело дошло до того, что в истории Древней Руси замаячил некий Олег II. Но на самом деле все гораздо прозаичнее. Наивно ожидать встретить личное имя предводителя чужого народа, мельком по случаю упомянутого в «Кембриджском анониме», то есть не хронике, а документе, написанном с совершенно иной целью и о совершенно иных событиях. Здесь гораздо более вероятен титул чужеземного правителя, а не его личное имя, которое с точки зрения существа и формы документа было абсолютно неважным, да и, скорее всего, вообще неизвестным его анонимному автору.

В этом плане чрезвычайно показательно сопоставление текстов из «Анонима» и ПВЛ. **Русский «царь Х-л-гу»** хазарского документа (внимание!) выглядит буквально зеркальным отражением **хазарского «князя Кагана»** ПВЛ: «Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим **князем Каганом** [выделено мной. — *В.Е.*] и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар...»[1]. Полностью идентичные триа-

---

[1] Практически то же самое встречаем у Матвея Парижского, по словам которого, в 1235 году сарацинские послы сообщили королю Франции,

ды «русский царь *Х-л-гу*» и «хазарский князь Каган» — триады с совершенно одинаковой грамматической структурой и семантической начинкой, — во-первых, прямо демонстрируют типологической симметрией слов *Х-л-гу* и «Каган», что *х-л-гу* «Анонима» есть не имя, а титул[1], а во-вторых, косвенно подтверждают постулируемую мной эквивалентность титулов helgi-ольга и кагана.

Крайне важно обратить внимание на еще один нюанс. Если *х-л-гу* не личное имя, а титул, то «Кембриджский аноним» оказывается единственным документом кроме ПВЛ, называющим не внешний, а внутренний титул правителей руси. И понятно почему. Анонимный автор письма, будучи хазарином и чиновником государственного аппарата хазарского кагана, не мог, не имел права, просто не посмел называть чужого властителя каганом и потому в отличие от других «иностранных» авторов, в том числе соседей-арабов, воспользовался альтернативным, а именно внутренним титулом властителей руси. Византийцы в этом плане действовали в целом так же, разве что смелее и безапелляционнее. Они тоже отказывали владыкам руси в праве на титулы императора или кагана, считающегося эквивалентным императорскому, но не утруждали себя выяснением их собственных внутренних титулов и регалий и потому не церемонясь именовали всех их без разбору архонтами[2].

Таким образом, Вещий Олег ПВЛ — это просто некий безымянный ольг руси с тавтологическим усилением его титула «святой, священный». Подобно тому, как «Кембриджский аноним» не мог назвать владыку руси каганом и воспользовался «внутренним синонимом», так и сочинители ПВЛ не могли придать язычнику ольгу именно эти по точно-

---

что «на их страны обрушилось племя «чудовищных людей» [татаро-монголов. — *В.Е.*] во главе с князем по имени Хан...». (Цитата из: *Ю.Н. Денисов.* Кто заказал татаро-монгольское нашествие? М., 2008).

[1] Иврит не имеет прописных букв, как не имел их и кириллический устав ПВЛ.

[2] Слово «архонт» (αρχων) по-гречески означает властителя, начальника вообще (от αρχη — «начало, власть»). Оно применялось греками к правителям прочих стран и народов, чьи реальные варварские титулы «просвещенных» греков не шибко интересовали.

му переводу эпитеты, получившие в христианстве вполне определенный смысл святости и священства, и потому заменили их языческим жреческим эквивалентом «вещий». Другое дело, что потом они сами обесценили свою удачную замену наивной попыткой обосновать «прозвище» сказкой про отравленное вино, которым византийцы безуспешно попытались отравить Олега. Сказка получилась дурацкой, демонстрирующей не столько «вещность» Олега, сколько идиотизм византийцев, то есть на самом деле убогость выдумки сочинителей ПВЛ. Ведь отравление Олега, удайся оно, привело бы не к желанному для греков миру, а к прямо противоположным последствиям: очевидному срыву уже начатых по инициативе самих перепуганных византийцев мирных переговоров и возобновлению осады Константинополя с последующей беспощадной местью руси вероломным отравителям ее предводителя!

Итак, великий киевский князь Вещий Олег ПВЛ на самом деле... не был великим князем, не бывал в Киеве, не имел прозвища «Вещий», и звали его никак. Совершенно неисторическая личность. Быть может, просто некий собирательный образ ольгов начальной руси. Что же до титулов князей и княгинь, простых и великих, то их ко всем правителям древней Руси, то есть ольгам-каганам, задним числом пристроили сочинители и правщики ПВЛ. То, что титул «князь» не был повсеместно в ходу на Руси даже во времена Владимира Мономаха, то есть на рубеже XI—XII веков, демонстрирует так называемый «черниговский змеевик», донесший до нас один из самых древних кириллических текстов, в котором верховный правитель Руси назван по-гречески архонтом. Но об этом змеевике у нас еще будет повод поговорить предметно.

По той же причине «княгиня» Ольга — никакая не княгиня. На самом деле она **ольга** «по должности», по статусу внутри самой руси, она же **каганесса** для всего внешнего мира кроме Хазарии и Византии, где этот титул за ней не признавали, и **архонтисса** для византийцев. Другими словами, просто верховная правительница руси. В отличие от мифического Вещего Олега у нее, личности вполне реальной, было, согласно Иоакимовской летописи, вполне ре-

альное личное имя «Прекраса». А может быть *Фрида*, что то же самое означает по-древнескандинавски. Предположение не беспочвенно. Если матерью Владимира Крестителя в ПВЛ вырисовывается Мулуша, она же Мал***фрида***, — та самая, синодической записью 1000 года о смерти которой началось русское летописание (мы эту запись «Преставилась Малфрида» специально запоминали!), — то почему его бабкой не могла быть тоже ***Фрида***, как ее должна была называть русь в своей германоязычной среде, она же Прекраса в переводе для их подданных-славян?

И еще одно замечание в пользу нашей гипотезы. Поскольку ни Олег, ни Ольга не фигурировали в генеалогии Илариона, авторы ПВЛ не только не смогли наделить их личными именами, но и вынуждены были поставить вне канонической династической цепочки наследования, поместить как бы сбоку, сделав Олега «родичем», а Ольгу «женой» династа Игоря.

По логике вещей, именно Ольга положила начало традиции повсеместной замены в письменных документах личного имени владык руси титулом «ольг» с ретроспективным превращением его фактически в родовое имя. Можно догадываться, что, заняв после гибели Игоря, правдами или неправдами, мужнино и мужское место русского ольга, она исключила из постоянного употребления свое личное женское имя, будь то Прекраса или Фрида, и повсеместно заменяла его титулом, который тем самым приобрел значение имени. Так внутри руси она стала helg'ой-Ольгой (сочинители ПВЛ сделали ее великой княгиней Ольгой), а во время своего константинопольского визита представлялась, вероятнее всего, каганессой Эльгой. «Эльгу» греки приняли, и под этим именем она упоминается у Константина Багрянородного. А вот с «каганессой» номер видимо не прошел. Не исключено, что именно «каганесса» вызвала недовольство греков и послужила одной из причин протокольных проволочек по прибытии Ольги в Константинополь, а также предопределила неудачу визита в целом. В конечном счете, разумеется, византийские чиновники настояли на своем, и при дворе Константина Ольгу принимали не как «каганессу», а как «архонтиссу».

Итак, сконструированная авторами ПВЛ последовательность правителей древней руси (Рюрик → Олег → Игорь → Ольга → Святослав → Владимир → Ярослав) очевидно базируется на генеалогии Илариона (Игорь → Святослав → Владимир → Ярослав), но удлиняет ее в мифологическую древность добавлением трех новых «князей». Если исключить случайно попавшего в их число «новгородского» Рюрика, то добавка ПВЛ оказывается весьма симптоматичной: два новых «киевских» персонажа, Вещий Олег и Ольга, — оба ольги русские, то есть на самом деле правители руси, носившие титул «ольг» (в женском варианте «ольга»). Авторы ПВЛ даже не стали придумывать им имена, дополнительные ольги так и остались безымянными.

Ну, вот, теперь мы, разобравшись с титулами, готовы взглянуть на всех персонажей ПВЛ, «скованных одной цепью» наследования верховной власти в древней Руси, под новым углом зрения. Вряд ли стоит уделять внимание такому чисто мифическому персонажу, как «князь Рюрик». Здесь просто нет предмета обсуждения. Его анкета совершенно пуста: «*не был*», «*не ходил*», «*не участвовал*», — в конечном счете просто «***не существовал***». Даже сама ПВЛ не оставила нам никаких зацепок в отношении деятельности «князя». Абсолютно не известный мировой истории Рюрик не фигурировал в византийских хрониках и, как следствие, не мог попасть в генеалогическую цепочку Илариона. Поэтому сочинители ПВЛ, удревляя сюжет своей повести на основе новгородских преданий, вынужденно отталкивались от самого первого властителя по версии Илариона, Игоря Старого, и сделали Рюрика его отцом. Не будем пенять им за это — для них это было самым простым, если не единственным выходом. Знали бы они, что эта простота ненароком породит целую династию, «династию Рюриковичей»!

ОЛЬГ ОЛЕГ

Победой прославлено имя твое;
твой щит на вратах Цареграда.
<...>
Но примешь ты смерть от коня своего.

А. Пушкин. «Песнь о Вещем Олеге»

Первая достойная внимания фигура в череде первых властителей древней Руси по версии ПВЛ — Вещий Олег. Он persona incognita для греков, хотя с легкой руки авторов ПВЛ его щит якобы покрасовался «на вратах Цареграда» и об этом благодаря Пушкину знает каждый мало-мальски образованный россиянин. Жаль только, что об этом так и не узнали жители Константинополя. Не потому ли, что имя Олега прославлено вовсе не никем не замеченной и не отмеченной победой под стенами Константинополя, а только и исключительно сочинителями ПВЛ и пошедшим у них на поводу Александром Сергеевичем?

Вещий Олег, а на самом деле некий безымянный персонаж ПВЛ, — это, скорее всего, собирательный образ ольгов начальной руси, введенный в ПВЛ «киевлянином-краеведом» в процессе его «плетения сюжетов» в качестве удачливого alter ego неудачника Игоря [1]. В конечном счете вся гиперактивная деятельность Олега на страницах ПВЛ — это смесь похождений героев скандинавских саг с ретроспективным воспроизведением деятельности реальных более поздних владык руси, в первую очередь Игоря, но с характерной закономерностью: Олег повторяет все неудачные предприятия Игоря, и всякий раз с неизменным успехом.

Самая яркая сказочная составляющая «биографии» Вещего Олега — предсказание кудесником гибели от собствен-

[1] Более предметно об этом см. «Читая «Повесть временных лет» (*В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010)

ного коня и последовавшая смерть от укуса змеи из конского черепа — взяты едва ли не дословно из саги об Одде-Стрелах (Örvar-Odds saga). Одду прорицательница предрекает смерть от своего коня. Такую же кончину кудесник предсказывает Олегу. Чтобы избежать предначертанной гибели, Одд убивает коня. Олег после предсказания расстается со своим боевым другом и больше никогда не садится на него. Одд много путешествует по свету, посещает Бьярмию, Финнмарк и Грецию. Олег вместе с Рюриком приходит в соседящий с Финнмарком и Бьярмией Новгород, а потом совершает поход на Царьград. Одд женится на дочери великого конунга, разбивает его врагов и расширяет границы земель, а после смерти тестя наследует правление большой и богатой страной. Олег, породнившись с Рюриком и убив Аскольда и Дира, становится правителем Киевской Руси и расширяет ее пределы. Одд возвращается домой, и змея, выползшая из черепа его коня, исполняет пророчество. Точно такая же смерть настигает Олега.

Подобно Кию, Аскольду и Диру Вещий Олег не известен никому в мире кроме авторов ПВЛ. Вплоть до того, что византийские хронисты прозевали нападение на них флота в две тысячи (!) кораблей и не заметили приколоченный к воротам их столицы чужой щит. Византийские источники хранят полное молчание не только о славном походе Вещего Олега, но и о нем самом. Ни мировой нарратив за рамками ПВЛ, ни археология не оставили нам ни малейшего вещественного следа кипучей деятельности «вещего князя». По утверждению ПВЛ, Олег правил в Киеве целых 33 года; но в киевской земле нет следов его деятельности, нет и намека на «город Олега», хотя на якобы полученную с Византии контрибуцию можно было отстроить второй Константинополь. Правда, ПВЛ утверждает, что Олег чем-то подобным занимался, «ставил города», но на территории Киевской Руси археологи не нашли ни одного (!) города, возникшего во времена летописного Олега. А ведь ПВЛ называет конкретные подвластные Олегу города. Князь, приколотив щит к царьградским воротам, взял с греков дань для Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча, не считая «других горо-

дов», очевидно тех, которые он «поставил». Но... все вышеперечисленные города археологически возникли только лет через 70—80 после того как коварная змеюка дождалась своего часа в конском черепе.

В итоге куда ни кинь везде одни фантомы — уцепиться абсолютно не за что.

На самом деле поход Олега из Новгорода на Киев и основание «матери городам русским» в ПВЛ, — это ретроспективная копия такого же похода будущего создателя и крестителя Киевской Руси, поставившего на днепровских кручах «город Владимира», из которого действительно выросла столица Киевской Руси. Сюда же можно было бы отнести и цареградскую кампанию как отражение двух военных предприятий Руси против Византии при Игоре и Ярославе Мудром. Однако именно здесь таится осложняющий ситуацию с Олегом нюанс, из-за которого нельзя априори со спокойной совестью вычеркнуть, подобно Рюрику, «вещего князя» из русской истории. В ПВЛ, в статьях за 907 и 912 годы, имеются копии договоров Вещего Олега с Византией. Правда, сейчас историки склоняются к мнению, что в действительности был только один договор, подписанный в 911 году, но отнесенный в ПВЛ к 912 году, а договор 907 года представляет собой фальшивку, скомпилированную сочинителями ПВЛ из других договоров Руси с Византией. Однако их комментарии к этому договору в статье за 907 год вполне могли отражать действительные события, предшествовавшие заключению договора 911 года. Так что договор 911 года, «список» с которого оказался в ПВЛ, — это единственный важный документ и единственный серьезный аргумент в пользу реальности существования Вещего Олега, настолько серьезный, что невозможно просто отмахнуться от него и пройти мимо.

Авторы ПВЛ не объясняют, откуда они взяли этот договор или, точнее, «список» с него и приписывают текст договора лично Вещему Олегу [1]. На самом деле структура до-

---

[1] Более подробный анализ этого договора в приложении «Как возникла начальная русь?».

говора в целом, текст отдельных параграфов и построение фраз характерны для византийских документов такого рода и того времени, из чего следует, что авторами текста всех положений договора все-таки были византийские дипломаты. В лучшем случае к некоторым параграфам есть краткие дополнения с русской стороны. Другого и не могло быть, поскольку византийские императоры могли подписать только документ, формулировки которого родились в недрах константинопольской канцелярии.

Первый наиважнейший вопрос: какое отношение данный «список» и сам договор, со всей очевидностью составленный греками, имеют к Вещему Олегу? Сочинители ПВЛ приписали договор ему, но мы не обязаны верить тому, кто не раз и не два откровенно нас обманывал. В самом тексте «списка» имя Олега упоминается один-единственный раз, в его преамбуле: «Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его, светлых и великих князей, и его великих бояр...» Больше имя верховного правителя Руси в договоре не встречается, а это единственное упоминание Олега более чем сомнительно.

Сомнения порождаются уже тем, что Олег именуется великим князем, как и все последующие владыки Киевской Руси в ПВЛ. Однако мы теперь знаем, что его ближайшие преемники, и тем более предшественники, князьями не назывались, а носили титул ольгов, но во внешних сношениях именовались каганами. Византийцы же величали их исключительно архонтами. Великим князьями всех их скопом задним числом волюнтаристски обозвали правщики ПВЛ. Без сомнения то же самое было проделано в отношении Олега. Это предположение превращает в уверенность чрезмерное усердие авторов ПВЛ, вследствие которого после переименования ими безымянного ольга руси в «Олега, великого князя русского» (внимание!) **под рукой** этого «великого князя Олега» **оказались другие великие князья**! Эта чушь, усугубляемая «великими боярами», дает нам основание не мудрствуя лукаво твердой рукой выбросить из текста до-

говора явно вставленные задним числом правщиками ПВЛ слова «великого князя». Тогда получившийся в результате такой вивисекции предположительный оригинальный текст: «...посланные от **ольга русского** и от всех, кто под рукою его...» превращается в еще одно косвенное подтверждение гипотезы об ольгах русских как верховных правителях начальной руси.

Не задаваясь целью анализировать по пунктам правовые аспекты договора 911 года, а лишь пытаясь выудить хоть какую-нибудь информацию о высоких договаривающихся сторонах, сразу перейдем к последнему параграфу, чрезвычайно интересному, который сто́ит привести целиком:

«В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы ивановым написанием на двух хартиях — царя вашего и своею рукою, — скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною троицею единого истинного бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись царю вашему, поставленному от бога, как божественное создание, по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420».

В этом абзаце, со всей очевидностью дописанном русской стороной, бросается в глаза удивительная двойственность руси. С одной стороны, русь противопоставляет себя христианам, то есть византийцам, что предполагает ее язычество, но, с другой, сама дает клятву «предлежащим честным крестом и святою единосущною троицею». Она клянется «по своей вере и своим обычаям», надо думать, языческим, но при этом признает православного «единого истинного бога» и божественность византийских императоров. Русь здесь странным образом попеременно предстает то языческой, то ортодоксально христианской. Эта поразительная двойственность начальной руси в договоре 911 года

откровенно проигнорирована историками, проигнорирована вероятно потому, что она совершенно не вписывается в контекст ПВЛ и, как следствие, всю опирающуюся на нее историю начальной руси. Поэтому об этом феномене нам еще придется порассуждать отдельно. А пока вернемся к «иванову написанию»

Итак, договор 911 года был написан в двух экземплярах. Не слишком внятный текст ПВЛ хочется понимать таким образом, что один исходный текст договора, экземпляр «царя вашего», был написанным по-гречески византийскими дипломатами оригиналом, в чем дополнительно убеждает дата по византийскому индиктовому календарю, а второй, писанный «своею рукою» неким «ивановым написанием», представлял собой перевод исходного текста на язык руси, возможно, с добавками русской стороны по отдельным пунктам. Я нарочно во избежание недоразумений говорю о **языке руси**, а не о **русском языке**. До сего дня никто внятно не ответил, более того, даже не пытался ответить на естественный вопрос: что же это за такое загадочное «иваново написание» и, уж тем более, какой прятался за ним язык? Более того, отечественные историки всячески замалчивали и дезавуировали саму правомочность такого вопроса. Так, Б. Рыбаков в полемике с норманистами утверждал[1]: «Договор 911 года, заключенный от имени Олега и содержащий около десятка скандинавских имен олеговых бояр, написан не на шведском, а на славянском языке». Как видим, академик не погнушался откровенной ложью. Ведь на самом деле договор был написан не на шведском (которого в то время еще и не было!) и не на славянском языке (такого языка, кстати, тоже не было), а, как сказано в самóм договоре, «ивановым написанием». О языке как таковом в договоре нет ни слова. Между прочим, как и о невесть откуда взявшихся у Рыбакова «боярах».

В свое время[2] я поддержал предположение С. Ляшевского, что таинственное «иваново написание» может быть

---

[1] *Б.А. Рыбаков.* История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1975.

[2] *В. Егоров.* Русь и снова Русь. М., 2002.

вариантом греческого алфавита для языка крымских готов, созданного в VIII веке епископом св. Иоанном Готским[1]. Это предположение и сегодня, кажется, остается единственным более-менее разумным фигурирующим в вольном Интернете. Что же касается языка начальной руси, то ответ нам дают Бертинские анналы, имена членов посольства руси в Константинополь 907 года в ПВЛ и Константин Багрянородный русскими названиями днепровских порогов[2]. Ответ этот однозначен: **русский язык IX—X веков был языком древнескандинавским.** А каким еще мог быть язык послов русского кагана, которого следователи Людовика Благочестивого в 839 году признали **свеями**? Каким мог быть в 907 году язык таких же послов русского ольга **Ингельда** с именами **Фарлаф, Веремуд и Рулав**? Конечно тем же самым, на котором в середине X века звучали названия днепровских порогов **по-русски** у Константина Багрянородного — со всей очевидностью древнескандинавским!

Надо полагать, гипотетический алфавит Иоанна Готского вполне сгодился для близкородственного готскому древнескандинавского языка, который и был в ту пору языком «рода русского». У начальной руси имелась возможность воспринять этот удобное для нее «написание» в Крыму, где скандинавы симбиотически слились со своими языковыми родственниками — давно прижившимися там готами-христианами[3], имевшими даже свою епархию, впоследствии доросшую до ранга митрополии, и традицию оригинальной письменности, восходящую еще к IV веку, к алфавиту Ульфилы с его переводами на готский язык некоторых книг Библии.

Все независимые свидетельства, как византийские, так и хазарские, однозначно указывают на то, что Игорь имел морскую базу где-то в восточном Крыму или на Тамани. В Кер-

---

[1] Ляшевский даже указывает, ссылаясь на Н. Карамзина, точную дату — 790 год.

[2] См. «Читая Константина Багрянородного». (*В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010)

[3] Об этом симбиотическом слиянии более подробно в приложении «Как возникла начальная русь?».

ченском проливе он в 941 году начал свои военные предприятия нападением на хазарский город Самкерц и туда же бежал после разгрома его флота византийским. Эту базу унаследовал Святослав, судя по тому, что Иоанн Цимисхий потребовал от него покинуть Болгарию и возвратиться «в свои владения к Босфору Киммерийскому», то есть все к тому же Керченскому проливу. Святослав мог существенно расширить контролируемые русью зоны черноморского побережья в результате своей хазарской кампании. Византийский хронист начала XII века Иоанн Скилица в связи с нападением руси на Константинополь 860 года писал: «Все лежащее на берегах Евскина [Черного моря. — *В.Е.*] и его побережье разорял и опустошал в набегах флот росов (народ рос — скифский, живущий у северного Тавра, грубый и дикий)». Как видим, Скилица прямо говорит, что русь обитала «у северного Тавра», а северным Тавром греки называли горную цепь западного Кавказа и ее продолжение дальше на запад — Крымские горы. А вот еще слова Евстафия Фессалоникийского: «К северу от Истра живут следующие племена: германцы, сарматы, геты, вастарны... тавры или росы, живущие около Ахиллова Бега...», — то есть русским был берег от устья Днепра до Крыма, хотя мы и не знаем, к какому конкретно времени относятся эти слова Евстафия.

В рассматриваемом нами договоре 911 года косвенно на Северное Причерноморье указывает специальный параграф, в котором подробно оговариваются формы взаимопомощи греков и руси выброшенным бурей на берег кораблям, что конечно же бессмысленно для Киевской Руси и любого другого внутриконтинентального государства.

О спорной принадлежности территории в устье Днепра, руси или херсонским грекам, говорит аналогичный договор Игоря. Вероятно одной из побочных целей болгаро-византийской кампании Святослава было окончательно решить этот застарелый спор в пользу руси, «живущей возле Ахиллова Бега». Святославу это не удалось, и его наследник Владимир вновь был вынужден вернуться к этому вопросу осадой таврического Херсона.

Как мы знаем из византийских источников, со своей секретной миссией к Святославу Калокир направился не куда-нибудь, а именно сюда, в тот же самый Херсон. Наконец, неподалеку, на Белобережье, Святослав вынужденно зимовал, будучи выгнан Цимисхием из Болгарии, и, весьма вероятно, там же нашел свой конец, если, конечно, не клюнуть на сказки ПВЛ о гибели князя на днепровских порогах и чаше из его черепа у хана Кури, кстати говоря, так же не известного мировой истории, как и мифический Вещий Олег.

В процитированном последнем параграфе договора 911 года послы руси, подписывая договор, «скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною троицею единого истинного бога вашего». Невнятность текста ПВЛ допускает два различных толкования. По первому послы руси, не будучи все поголовно искушенными в «ивановом написании», просто поставили под договором кресты вместо подписи. В конце концов в те не слишком просвещенные века, обычно называемые средними, даже короли подписывали государственные документы простым крестиком. По второму, к которому склоняет упоминание «единосущной троицы», русь, по крайней мере в лице своих послов, была крещеной. Вновь наперекор выдумкам ПВЛ. Но на самом деле здесь мы видим отражение уже отмеченного нами ранее важного факта этнической и, как следствие, конфессиональной двойственности начальной руси в начале X века.

Еще один интересный нюанс договора. Вело переговоры и заключало договор с Византией не государство Русь, киевская, новгородская или какая-либо еще, а некий абстрактный «род русский» («Мы от рода русского...» в начале текста). Послы представляют не страну Русь, не государство, а род, племя «русь» (некоторые российские историки любят говорить о неком социуме, этно-социальном слое) и его верховного правителя — ольга русского, переименованного авторами ПВЛ, наряду с другими ольгами-каганами, в «великого князя» и нареченного Олегом. В тексте договора нет упоминания ни конкретной территории Руси, ни ее границ, ни городов. Авторский комментарий компиляторов ПВЛ в

статье 907 года, в котором названы города, на которые якобы Олег взимал с греков контрибуцию, не стоит и ломаного гроша. Из перечисленных там городов археологически, то есть вполне объективно, Переяславль возник в самом конце X, а Любеч и Ростов — только в начале XI века. В 907 году, вообще во время правления Вещего Олега по хронологии ПВЛ, их просто-напросто не было. Да и сам Киев в начале X века еще не стал столицей Древней Руси и не мог быть резиденцией ее верховного правителя.

Таким образом, представляется наиболее вероятным, что рассматриваемый договор 911 года был заключен между Византией и какой-то причерноморской русью, возможно владыками некого черноморско-азовского полюдья, причем со стороны руси известны имена послов, имена безусловно германского происхождения, но верховный правитель этой руси в договоре остался безымянным. Если принять предложенный выше оригинальный восстановленный текст договора: «...посланные от ольга русского и от всех, кто под рукою его, владык руси...», то безымянный верховный правитель той причерноморской руси ограничился титулом «ольг».

Может быть, этого ольга руси звали Ингельдом, так как именно это имя стоит первым в перечне скандинавов-подписантов в преамбуле договора 911 года, и в то же время этот Ингельд, единственный из этого списка скандинав, не был участником константинопольского посольства 907 года. Два этих факта в совокупности предполагают высокий статус и, возможно, почтенный возраст Ингельда. Также стóит обратить внимание на само имя, в котором первый компонент «Инг-» одинаков с первым компонентом имени следующего за Вещим Олегом правителя руси по версии ПВЛ Игоря (***Инг***вар), а второй компонент «-ельд» совпадает со вторым компонентом имени бессменного «воеводы» Игоря и его преемников Свен***ельд***а.

Попутно можно заметить, что Свенельд был на самом деле больше чем простым воеводой. О более высоком положении Свенельда можно судить по меморандуму 971 года, подписанном Свенельдом как сподвижником Святослава, а не его подчиненным. Это же косвенно подтверждают авторы

ПВЛ, проговариваясь о кровавых разборках детей Свенельда и Святослава, в которых обе стороны фактически выступают на равных.

Итак, договор 911 года нельзя считать доказательством реальности Вещего Олега как конкретной исторической личности. Будучи в какой-то мере собирательным образом ольгов древней руси, в какой-то мере удачливым дубликатом неудачника Игоря, этот персонаж ПВЛ также нашел отражение в древнейшем герое русского фольклора Вольге (Волхе) Всеславьевиче, былины о котором сложились, по авторитетному мнению российского фольклориста В. Проппа, «задолго до образования Киевского государства». В вопросе об этимологии имени героя Пропп выбирает наиболее удобный для себя вариант: «Имя героя, Волх, указывает на то, что родился великий кудесник, волхв», оставляя без внимания гораздо более распространенный в былинах вариант «Вольга», который прямо указывает на исторические прототипы героя былин — русских ольгов, собирательным образом которых в ПВЛ стал Вещий Олег, а в былинах — Вольга Всеславьевич.

Касаясь вопроса об идентичности былинного Вольха и Вещего Олега ПВЛ, В. Пропп писал: «Большинство ученых с полной уверенностью утверждало, что Волх этой былины не кто иной, как Олег. Такая точка зрения должна быть признана совершенно фантастической. Поход Волха на Индию отождествлялся с походом Олега на Царьград, хотя в походе Волха, описанном в былине, нет... буквально ничего, похожего на поход Олега, каким он описывается в летописи». На самом деле, вопреки Проппу, у Вольги Всеславьевича и Вещего Олега много общего. В былине Вольга предстает «чародеем» по той же са́мой причине, по которой в ПВЛ Олег оказывается «вещим». Оба героя выдуманы, выдуманы и их походы, Вольги в Индейское царство, а Олега — на Царьград, и эти две выдумки, именно как выдумки, вовсе не обязаны быть точными копиями друг на друга. Но образы обоих собирательны и несут одну и ту же идею, что точно подметил сам же Пропп: «Как воин он [Волх. — *В.Е.*], однако, совершенно не похож на воинов позднейшего русского эпоса — на Илью, Добрыню, Алешу... Русский эпос знает

и признает для своих героев только один вид войн — войны справедливые, войны, целью которых служит защита родины от нападения врага... Волх первоначально совершал набег с совершенно иными целями: поход Волха был чисто хищнический». Аналогично деятельность Олега в ПВЛ — тоже сплошное хищничество: походы, захват городов и примучивание, обложению данью соседних племен и народов. «Биография» Вещего Олега в ПВЛ как бы дублирует «биографию» Старого Игоря, а сюжет былины о Вольге отражает особенности деятельности как Игоря, в частности вероломность агрессии против Индейского царства подобно игореву нападению на Самкерц, так и Святослава на Хазарский каганат, поскольку первоначально в былине Индейское царство и было царством Иудейским, то есть Хазарией. На то она и собирательность фольклорных образов. Эта собирательность служит причиной того, что (вновь цитирую В. Проппа): «Враг, на которого надвигается Волх, не имеет определенного исторического лица». Действительно, на кого только не нападали исподтишка за долгую историю викинга всякого рода скандинавские морские конунги, равно как и их собратья русские ольги!

СМУТНЫЙ АБРИС ДИНАСТА

На тых горах высоких,
на той на Святой Горы,
был богатырь чудный.
<...>
Не ездил он на святую Русь...

Былина о Святогоре,
сказитель П. Калинин

Первый в череде правителей Руси по Илариону, то есть основатель династии, Игорь Старый во всех отечественных энциклопедиях представлен как «Игорь Рюрикович, великий князь киевский». Ситуация такая же гротескная, как и с Вещим Олегом. На деле Игорь не был ни Рюриковичем, ни великим князем, ни киевлянином.

О жизни и деятельности «великого киевского князя-Рюриковича» ПВЛ нам поведала совсем мало. Похоже, подобно Илариону авторы ПВЛ извлекали крохи информации об Игоре из доступных греческих хроник, натужно дополняя их собственными фантазиями. Весьма в этом плане показательные первые «летописные» сообщения об Игоре стóит процитировать полностью, благо, они не отличаются пространностью. Однако достойны внимательного и вдумчивого прочтения.

«В год 913. После Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега».

«В год 914. Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся восвояси».

«В год 915. Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, попленяя Фракию; греки же послали за печенегами».

Вдумчивое прочтение этой «летописи» не может не оставить впечатления, что авторы ПВЛ ничего не знали о действительном начале жизнедеятельности «Рюриковича» и нашли, отдадим им должное, оригинальный выход, поставив выдуманные «события» начальной биографии Игоря в соответствие аналогичным реальным событиям примерно того же времени в византийских хрониках и привязав свою хронологию к их датировкам. То есть попросту в имеющиеся погодные статьи перевода византийской хроники сделали собственные приписки. В результате Игорь начинает княжить в год воцарения Константина Багрянородного; поход на древлян случается одновременно с походом Симеона на Константинополь; печенеги приходят на русскую землю заодно с их появлением вблизи границ Византии; Игорь заключает с ними мир в тот же момент, когда греки их привлекают в качестве союзников для отражения нападения болгар. Ну, не поразительны ли параллелизм и синхронизм истории игоревой руси и Византии?!

Эти параллелизм и синхронизм сопровождают Игоря до самой его смерти, которую ПВЛ датирует 945 годом. Однако, как справедливо подмечает С. Цветков, «в действительности 945 г. — это всего лишь дата окончания правления Романа I Лакапина (свергнутого в декабре 944 г.)... К слову сказать, смерть вещего Олега (912 г.) точно таким же образом приурочена в летописи к окончанию правления Льва VI. Получается, что летописец, не располагая подлинными данными смерти первых русских князей, «хоронил» их вместе с византийскими императорами, чьими современниками они являлись по русско-византийским договорам».

То есть, совершенно очевидно, что «биографии» Вещего Олега и Игоря в ПВЛ — это сплошь выдумки. Но самое, на мой взгляд, во всем этом поразительное то, что историки, включая только что процитированного Цветкова, несмотря на такие откровенные признания, продолжают строить свои фантастические концепции истории Киевской Руси на основании этих выдумок сочинителей ПВЛ, выборочно извлекая и как бы принимая за чистую монету все то, что так или иначе укладывается в русло этих концепций, но без зазре-

ния совести игнорируя и даже пороча все то, что им противоречит!

Однако продолжим обзор прижизненных событий параллельной истории игоревой Руси и Византии, которые мы прервали на 915 годе. Далее в ПВЛ следует пропуск в четыре года, поскольку об этом периоде молчат доступные сочинителям ПВЛ переводы византийских хроник, а затем ремарка в прежнем духе «параллельной истории»:

«В год 920. У греков поставлен царь Роман. Игорь же воевал против печенегов».

Воевал ли Игорь против печенегов? Бог весть. Вполне мог и повоевать, ведь, как мы помним, его «военно-морская база» находилась где-то в Крыму, а Северное Причерноморье в то время действительно было наводнено печенегами, которые активно включились в местные политические разборки, затронувшие греков с болгарами и, вполне возможно, крымскую базу ольга Игоря. Ну, запамятовали сочинители ПВЛ, что в предыдущем параграфе они заключили между печенегами и Игорем мир. Бывает. А может быть, Игорь коварно нарушил договор с соседями? Может. Что взять с самодура (Самкерц тому примером)? Да и какая нам разница? Интересно другое.

Авторы ПВЛ, изобретя мнимый конфликт Игоря с печенегами, полностью замолчали его действительную войну с Хазарией. Скорее всего не по злому умыслу, а просто потому, что ничего о ней не ведали — та не нашла отражения в имевшихся в их распоряжении византийских документах. Разумеется, о «Кембриджском анониме», который пролил крохи света на эту войну, они ничего не знали и знать не могли. Зато нашедший свое место в ПВЛ конфликт Игоря с печенегами, действительный или выдуманный, вновь, как и во всех предыдущих случаях, приурочен к событию из византийской истории, конкретно к смене царствующей персоны. Возможно таким образом авторы ПВЛ, не знавшие о хазарских злоключениях Игоря и истинные побудительные причины, заставившие его очертя голову ринуться в византийскую авантюру, хотели объяснить эту неспровоцированную с их точки зрения агрессию руси предварительной размолвкой с союзниками Византии печенегами.

Далее в ПВЛ следует двадцать один (!!!) год полного забвения героя. Неужели Игорь подобно Илье Муромцу пролежал два с лишним десятка лет на печке? Вряд ли. Просто авторам ПВЛ не попалось в византийских документах ничего, что можно было бы сопоставить с гипотетической деятельностью первого «Рюриковича». Повествование продолжается только в статье 941 года пиратским рейдом Игоря в византийскую Вифинию. Но на самом деле это не продолжение, это начало. Именно отсюда начинается настоящая история ольга Игоря, потому что, как я уже однажды обращал внимание читателя на сей поразительный факт[1], изложение событий этого нападения в ПВЛ явно ведется не с русской, а с греческой стороны. То есть мы наконец имеем дело не с фантазиями сочинителей ПВЛ, пусть даже белыми нитками пришитыми к византийской хронологии, не с какими-то гипотетическими и вряд ли существовавшими «отечественными архивами», а с реальными греческими хрониками, свидетельствующими о связанных с Игорем событиях, откуда в ПВЛ добросовестно переписаны имена противостоявших Игорю византийских военачальников, подробно описаны их маневры и указана точная численность участвовавших в баталиях византийских войск. Зато нет ни слова (!) о войске руси и его предводителях! Вот такая она «отечественная летопись», «образец всероссийского летописания». И чего, спрашивается, сто́ит отечественная древняя история, если все наши летописи написаны по этому образцу?!

Попутно можно заметить, что в тексте договора Игоря с Константинополем, в отличие от договора «Олега» 911 года, нет даты его подписания. ПВЛ датирует договор 945 годом, чему не верят даже лояльные к ПВЛ историки, так как якобы подписавший договор с византийской стороны император Роман Лакапин был отстранен от власти сыновьями годом раньше и, следовательно, в 945 году не мог подписывать какие-либо договоры. Поэтому в нашей исторической литературе иногда принято относить этот договор к 944 году. Но и эта дата ничуть не более достоверна, чем приведенная в

---

[1] См. «Читая «Повесть временных лет»» (*В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010)

ПВЛ. Поэтому в дальнейшем мы будем придерживаться общепринятой летописной датировки, держа в уме ее условность.

Описав военные действия по византийским источникам и приведя копию (к сожалению, не нотариально заверенную) текста договора, авторы ПВЛ вновь начали напихивать в нее отсебятину. В порядке компенсации провального рейда 941 года и для реабилитации Игоря они выдумали повторный поход на Константинополь в 944 году. Впрочем, для поднаторевших в сочинении «параллельной истории» Руси и Византии наших «летописцев» ничего особенно выдумывать нужды не было. Достаточно было повторить годом позже запись за 943 год: «Вновь пришли угры на Царьград и, сотворив мир с Романом, возвратились восвояси», — привычно заменив угров византийской хроники игоревой русью[1]. Совершив эту несложную подмену, сочинители ПВЛ больше ничем не смогли содержательно наполнить вымышленное ими событие, претендующее на то, чтобы быть исторически значимым. Потому в ПВЛ второй поход Игоря как таковой в конечном счете вроде бы состоялся, а вроде бы и нет; он не отмечен никакой конкретикой и закончился тоже ничем — византийцы якобы откупились. Может быть именно этот год на самом деле ознаменовался подписанием нового договора между Русью и Византией, но, разумеется, без всяких новых военных действий или приготовлений к ним.

Что ж, на нет и суда не было бы, кабы авторы ПВЛ со своими неуклюжими выдумками раз за разом не садились в лужу. В статье 945 года они явно перестарались с выдумыванием антуража: «Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли». Также и болгары послали весть, говоря: ««Идут русские и наняли себе печенегов»». А чуть ниже: «Игорь... повелел печенегам воевать болгарскую землю». Даже в своей собственной выдумке авторы ПВЛ не смогли толком свести концы с концами, так и не опреде-

---

[1] Любопытно завершение этой статьи ПВЛ за 944 год. Вместо слов «возвратились восвояси» записи 943 года здесь видим: «взял дань, и пошел в свои города». По сути тоже восвояси, но не в Киев однако!

лив для себя характер взаимоотношений Игоря с печенегами. Ранее он с ними воюет сразу после заключения мира, а теперь «нанимает», что предполагает равноправный характер отношений суверенных сторон, но тут же им «повелевает» как подчиненным и зависимым. Кстати вновь о «параллельной истории» Руси и Византии. Как раз в это же самое время греки нанимали печенегов, чтобы те, нападая с тыла на венгров, ослабили бы усилившееся давление тех на северные границы Византии.

Еще одна глубокая лужа расплескивается уседними местами авторов ПВЛ в связи с выдуманным победным походом 944 года, когда неожиданно выясняется, что дружина Игоря голодна, раздета и разута. И это всего-то через год после якобы получения огромной контрибуции от Византии!

Нельзя не обратить внимания на существенный момент в приведенной выше цитате из ПВЛ. О приближении флота Игоря Константинополь извещают сначала херсонцы, а затем болгары. Значит, маршрут движения флота руси проходил вдоль северного черноморского побережья сначала мимо Херсона, а потом вдоль берегов Болгарии, то есть никак не из Киева, а от Керченского пролива, где была вероятная «военно-морская база» Игоря и где он уже успел нашкодить в Самкерце. Значит, авторы ПВЛ все-таки знали, что на самом деле Игорь предпринимал свои походы не из Киева, а из восточного Крыма? Наверняка знали, не могли не знать, раз написали такое вопреки собственной выдуманной киевоцентрической истории древней Руси, но тем не менее в соответствии с этой историей, выдуманными родословием «Рюриковичей» и сценарием их правления упорно запихивали бедолагу Игоря в Киев и в великие киевские князья.

В «Слове о законе и благодати» Илариона, самом древнем дошедшем до нас объемном письменном памятнике Киевской Руси, имя Игоря сразу появляется в уже привычной для нас форме, которая представляет собой транслитерацию его греческого написания Ἴγγωρ, игнорирующую реальное произношение в среднегреческом языке с носовым *н*: *Ингор*. Наиболее естественно этот феномен объясняется тем, что имя было механически перенесено в «Слово о зако-

не и благодати» из какого-то греческого текста, переведенного переводчиком, знавшим византийский греческий лишь «по-письменному». Во время Ярослава Мудрого и Илариона таковыми были практически все монахи-переводчики, многочисленные благодаря увлеченности Ярослава греческой книжной премудростью, но лишь наскоро обученные письменному переводу, никогда в жизни не бывавшие в Греции и никогда не видевшие и не слышавшие живых греков.

На норманистском фланге современной российской исторической науки, в наше время численно преобладающем, весьма распространено мнение, что действительным именем Игоря было скандинавское «Ингвар» (Yngvarr). Но тогда, будь это имя знакомо Илариону в своем оригинальном скандинавском произношении, в «Слове о законе и благодати» оно должно было бы появиться в форме «Ингвар» или «Ягвар». Имеющаяся же там форма «Игорь» могла родиться только как транслитерация греческого написания, и это вновь косвенно свидетельствует о том, что местная киевская традиция ничего не знала об Игоре, что киевлянин Иларион никогда не слышал его имени в произношении самих представителей «рода русского», но узнал его только из византийских документов, откуда имя и было им позаимствовано и добросовестно, в прямом смысле буквально, то есть побуквенно, скопировано. Отсутствию памяти об Игоре в местной киевской традиции вполне соответствует и предельная краткость упоминания Иларионом деда восхваляемого им крестителя Руси.

Советский фольклорист В. Пропп как-то заметил: «К наиболее древним героям русского эпоса мы должны причислить также Святогора. В отличие от Волха, образ которого забыт и о котором имеется не более 4—5 полных записей песен о его походе, имя Святогора в эпосе чрезвычайно популярно, хотя его образ также заметно стерся», из чего Пропп делает логичный вывод, что Святогор чуть моложе Волха, но древнее богатырей киевского цикла. Вероятно основываясь на этом замечании Проппа, другой исследователь русских былин С. Горюнков выдвинул весьма любопытную гипотезу о том, что историческим прототипом былинного

богатыря Святогора был Игорь Старый [1]. Исходя из варианта его имени «Святигор» в самых ранних северных былинах, Горюнков предположил, что оно производно от исходного «свят-Игорь». Приняв гипотезу Горюнкова и разматывая этимологическую цепочку против вектора времени, можно заменить более позднее славянское «свят» на предшествовавший ему скандинавский эквивалент helgi, более подходящий «шведскому кагану» с именем «Ингвар». Полученный таким образом гипотетический helgi Yngvarr после естественной славянизации на киевской почве должен был в полном соответствии с законами лингвистики, слегка подправленными формальной транслитерацией Илариона, превратиться в **ольга Игоря**, где «ольг», уже по нашей гипотезе, — титул верховных властителей руси того периода. Затем сочинители ПВЛ превратили этого ольга Игоря начальной руси в великого князя Киевской Руси Игоря Рюриковича.

Если гипотеза Горюнкова верна, то необычайно важен тот факт, что былины о Святогоре не входят в так называемый киевский цикл. Былинный Святогор бродит в поисках приключений в неведомых далеких Святых Горах, то есть изначально в «ольгиных» горах (в Крыму, на Кавказе?) и вообще никаким боком не касается Киева. Но, тем не менее, наследником его богатырской силы и боевой славы становится один из главных героев былин киевского цикла Илья Муромец. Проецируя этот парадокс на реальных правителей древней Руси, можно додумывать, что ольг Игорь сам по себе не имел отношения к Киеву, то есть никогда не был вопреки всем учебникам и энциклопедиям «великим киевским князем». Оттого и никак не могут найти археологи, даже самые ангажированные украинские, «город Игоря» в киевской земле. Тем не менее, если верить былинам и принять гипотезу С. Горюнкова, каким-то образом деятельность Игоря способствовала возвышению именно Киева как столицы будущей Киевской Руси. Такое предположение хорошо согласуется по времени с двумя достоверно известными фактами истории начальной руси. Во-первых, со страшной катастрофой черноморской руси на

---

[1] *С. Горюнков*. Незнакомая Древняя Русь, или Как изучать язык былин. СПб., 2010.

рубеже 30-х и 40-х годов X века вследствие двух подряд тяжелейших поражений Игоря от хазар и греков, катастрофой, которая лишила крымскую русь всех ее черноморских баз и заставила искать альтернативу в Северном Причерноморье и Среднем Поднепровье. Во-вторых, с выводом независимых зарубежных археологов о том, что Киев приобрел черты столичного города только с середины X века при преемнице Игоря Ольге (ольге Прекрасе?), а столицей Руси стал только в конце века при ее внуке Владимире.

Для полноты картины надо сказать, что Ингвар — не единственный возможный вариант настоящего имени Игоря. Лиутпранд дает несколько отличающий спеллинг Inger, который, однако, все равно имеет носовое *н* и в славянской передаче должно было дать не «Игоря», а «Ягера», с возможным последующим превращением народной речью в «Егора». Помимо возможного следа в современном русском языке в виде имени «Егор» вариант «Ингер» интересен своими этимологиями. Наиболее вероятной выглядит древнескандинавское ynger — «младший», и тогда в случае Игоря речь идет не об имени, а скорее о прозвище-эпитете. Это прозвище могло бы объяснить две загадки биографии Игоря. Во-первых, оно само по себе предполагает наличие хотя бы одного старшего брата и, как следствие, тех самых племянников, которых мы видим в договоре Игоря с Византией в статье 945 года ПВЛ. Во-вторых, если Игорь — младший сын какого-то правителя варяжской руси, то в соответствии со средневековыми скандинавскими феодальными традициями он по достижении совершеннолетия должен был уйти в викинг, оставив наследственный феод[1] старшему брату. Как явствует из «Кембриджского анонима», именно это Игорь и делает, в лучших традициях морских конунгов начав свою достоверно нам известную биографию нападением с моря на хазарский Самкерц, которое возымело вынужденное продолжение в византийской Вифинии.

Стоит упомянуть и еще одну этимологию имени Ингер, возводимого к unger в значении «венгр» («угр»). Эта,

---

[1] По-древнескандинавски ódal, откуда, возможно, древнерусское «удел».

хотя и менее вероятная, этимология имеет свои достоинства: она объясняет иначе трудно объяснимую тесную связь сына Игоря Святослава с Венгрией. Венгры — постоянные союзники Святослава в его крупных военных предприятиях. В. Татищев называет первой женой Святослава «угорскую княжну», а первую жену зачастую выбирают сыну родители. Наконец, перечисляя земли, с которых он предполагает кормиться, обосновавшись на Дунае (то есть, по существу, очерчивая свою будущую большую гарду), Святослав, если верить ПВЛ, в числе первых называет Венгрию и лишь в последнюю очередь Русь.

Наверное можно найти иные этимологические объяснения имени Игоря. Удаление из истории Древней Руси мифического и совершенно не нужного ей Рюрика дает неограниченный простор версиям о возможном происхождении не только имени первого реально известного правителя Руси, но и его самогó. Ведь на самом деле нам не известны ни родители Игоря (в некоторых былинах вскользь упоминается слепой богатырь, отец Святогора), ни место его рождения, ни его биография до момента, когда он вероломно захватывает хазарский Самкерц. Можно лишь догадываться о существовании у него каких-то братьев, так как в договоре Игоря с Византией фигурируют его племянники, причем один из них — его тезка. Кстати, возможно именно наличие документально зафиксированного тезки-племянника заставило Илариона во избежание недоразумений назвать основоположника династии владык Руси «старым» Игорем.

Вот так выясняется, что династ Игорь — это всего лишь некий размытый абрис, грубый набросок основоположника династии русских властителей, еле-еле прорисовывающийся на строчках редких дошедших до нас византийских документов. Впрочем, смутность образа объясняет былина: «не ездил Святогор на Святую Русь». Не был Игорь на Святой, то есть Киевской, Руси. Не был! Хотя и династ. Да и династ ли?

ТРИ МЕСТИ СВЯТОСЛАВА

Мое ремесло — возмездие,
мой промысел — месть.
Ф. Шиллер. «Разбойники»

Княгиня Ольга — из числа самых противоречивых персонажей истории Древней Руси. С одной стороны, воспетая ПВЛ как великая и мудрая правительница, она была причислена православной церковью к лику святых в самом высоком равноапостольном ранге. С другой стороны, оставшись в народной памяти змеей и потаскухой, удостоилась выразительного эпитета «кровавая».

По версии ПВЛ Ольга — единственная жена Игоря Старого, жена настолько любящая мужа и преданная ему, что после гибели дорогого супруга буквально воспылала неутолимой жаждой мести и принялась методично и жестоко наказывать виновников его смерти. А заодно и их безвинных соплеменников. Утолив эту жажду реками крови, взрастила единственного сына Святослава и успешно правила Киевской Русью в качестве регентши при малолетнем наследнике. В ПВЛ Ольга — первая устроительница Киевской Руси, положившая начало государственному устройству и каменному строительству в Киеве, первая правительница, принявшая христианство и крещенная непосредственно в Константинополе самим императором и благословленная самим патриархом. Образ мудрой княгини и достойной преемницы княжеской власти как нельзя лучше соответствует статусу равноапостольной святой, поэтому ничего иного и нельзя было ожидать от авторов и правщиков ПВЛ с учетом канонизации Ольги православной церковью.

На деле эта «официальная» биография «великой княгини» такая же липовая и анекдотичная, как и биография ее супруга. Начинается все с самого начала, с рождения, с того, что у Ольги сразу несколько малых родин. В ПВЛ она

безродная псковитянка. В других наших летописях она то дочь Вещего Олега, то болгарская княжна, то знатная изборчанка из рода Гостомысла. В довершение житие св. Ольги дополняет этот и так не короткий список селением Выбуты, а происхождение «варяжским», но незнатным. Выбирай, что больше нравится. Если место рождения «княгини» знают все, хотя все эти места разные, то даты рождения не знает никто. ПВЛ выдает Ольгу замуж за Игоря в 903 году, но единственного их сына Святослава дает ей возможность произвести на свет только в 942 году, то есть минимум на пятом, а то и шестом десятке лет. Свадьба и рождение наследника происходят, естественно, в Киеве. Вот только любимый наследник почему-то упорно не желает жить в своей большой и прекрасной столице с отстроенным матерью каменным дворцом (следов которого, правда, археологи почему-то так и не нашли) и править взлелеянной родителями великой вотчиной — Киевской Русью. Вместо этого он упорно мотается по белу свету и рассылает соседям гонцов с размноженными под копирку грамотами, в которых грозно начертано «Иду, такие-рассякие, на вы!». Кстати, интересный вопрос: как и на каком языке писал Святослав эти грамоты? Уж не «ивановым» ли написанием? И не звучало ли на самом деле это грозное предупреждение по-древнескандинавски как славный боевой клич викингов: Ver sik — ek kom! То есть, «Берегись — я иду!»?

Греческий хронист Скилица вроде бы признает Ольгу женой Игоря: «И жена некогда отправившегося в плаванье против ромеев русского архонта, по имени Эльга, когда умер ее муж, прибыла в Константинополь...» Очень похоже на супружескую пару Игорь и Ольга в ПВЛ. Но это было написано Скилицей, современником Владимира Мономаха, на рубеже XI—XII веков, когда генеалогия Илариона уже была узаконена и зафиксирована в начальных версиях киевских летописей. А вот современник и главное непосредственно действующее лицо того самого посещения Константинополя «архонтиссой Эльгой», Константин Багрянородный, описывая тот визит в своем трактате «О церемониях византийского двора», ни словом не обмолвился о муже, хотя бы и

бывшем, посетившей его архонтиссы. Хотя о существовании некого «архонта Росии Ингора» знал. Может быть про ольгиного мужа императору говорить было не с руки потому, что (неужели здесь ПВЛ для разнообразия не соврала?) он и в самом деле поимел на нее какие-то виды? Зато, не затрагивая скользкую тему былого замужества архонтиссы, Константин упоминает при ней некого *анепсия* ('ανεψιος), который в общеизвестном переводе труда «О церемониях...» на русский язык почему-то трактуется как «племянник», хотя словарь древнегреческого языка дает для этого слова перевод «двоюродный брат» или более общее «родственник», а для «племянника» — совсем другое слово 'αδελφιδεος. Как тут не вспомнить путаницу с родством в переводе другого труда Константина «Об управлении империей», в котором переводчики представляют Святослава то сыном, то братом Игоря!

ПВЛ демонстративно проигнорировала родственников Игоря и Ольги, но пара племянников Игоря ненароком «засветились» в тексте его договора с византийцами, так что в появлении племянника архонтиссы в русской делегации вроде бы нет ничего неожиданного. Вот только почему-то этот странный племянник появляется безымянным и без собственной свиты. Между тем, судя по размеру полученных им денежных подачек от императора, его статус был очень высоким и уступал лишь статусу самой Ольги. На прием Ольга явилась со свитой из восьми «людей», не считая толпы сопровождавших ее женщин и прислуги; собственную свиту из нескольких «людей» имел посол; наконец, в делегации были «люди» Святослава, но... не было его самого́. И, что парадоксально, в многочисленной русской делегации совершенно нет «людей» таинственного *анепсия*.

Вот такая несуразица: в делегации нет сына архонтиссы Святослава, но есть его свита; зато есть какой-то безымянный высокопоставленный *анепсий*, но почему-то без свиты. Просто удивительно, что в комментариях к труду Багрянородного лишенный имени *анепсий* до сих пор не отождествлен с лишенным свиты Святославом несмотря на давно высказанное советским историком В. Пашуто предположение,

что Святослав скрывался под видом этого *анепсия*. А ведь такое отождествление прямо-таки напрашивается и худо-бедно сводит концы с концами, особенно если учесть обоснованные предположения историков, что одной из важнейших целей визита Ольги в Константинополь было сватовство Святослава за какую-нибудь императорскую родственницу. В таком случае совершенно непонятно и необъяснимо отсутствие в делегации жениха. Впрочем, так же непонятна скрытность, которую приписывает потенциальному жениху Пашуто. Тем не менее, предположение, что Святослав все-таки присутствует в делегации в естественном для него ранге второго лица и с полагающейся ему свитой, напрашивается само собой. При напрашивающемся отождествлении *анепсия* со Святославом *анепсий* получает имя, а Святослав — свиту. Вот только назван Святослав Багрянородным не сыном, а то ли племянником, то ли двоюродным братом Ольги в зависимости от того, как понимать *анепсия*. Но в любом случае не сыном. Что это? Ошибка? Если ошибка, то чья? А если не ошибка, то что из нее следует?

Итак, еще раз для ясности, в чем закавыка. По версии ПВЛ: у Игоря и его супруги Ольги был их общий единственный сын Святослав. По Багрянородному: у архонта Руси Игоря был то ли сын, то ли брат Святослав, а у русской архонтиссы Ольги — то ли племянник, то ли двоюродный брат, то ли просто родственник Святослав. При таком множестве вариантов прочтения Багрянородного эта закавыка может иметь соответственно множество толкований.

Во-первых, у супругов Игоря и Ольги могли быть сын Святослав и племянник Святослав, то есть существовали двоюродные братья-тезки Святославы подобно двум тезкам Игорям, дяде и племяннику. Но если два Игоря фигурируют в каком-никаком официальном документе, то насчет двух Святославов вообще никаких зацепок, ни в ПВЛ, ни в византийских хрониках. Если все же допустить, что Святославов было двое, то женить в Константинополе Ольга намеревалась не сына, а племянника. Однако тот оказался патологическим неудачником: с женитьбой у него не выгорело, а там и сам куда-то бесследно сгинул. Впрочем, как и вся многочисленная родня его дяди-бедолаги Игоря.

Во-вторых, Святослав мог быть младшим братом Игоря, если таинственный *анепсий* мог означать у византийцев деверя.

В-третьих, Святослав мог быть сыном Игоря, но племянником Ольги, если Игорь и Ольга были не мужем и женой, а братом и сестрой. Это совсем не невозможно. По крайней мере, в таких вопросах мы не обязаны слепо верить ПВЛ, которая изобретала фиктивные персонажи, не то что фиктивные браки. Здесь все зависит от того, откуда черпал информацию Скилица. Но этого мы тоже не знаем и вряд ли узнаем.

Четвертое возможное объяснение закавыки — понимать *анепсия* не как племянника и не как деверя, а как пасынка. Допустимо ли такое понимание, должны решить специалисты в среднегреческом языке. Для сравнения, тем не менее, стоит отметить, что в древнерусском языке, снявшем немало калек с греческого, слова «племянник», то есть этимологически «член племени», и «родственник», то есть «член рода», были практически синонимами. Относительно же среднегреческого на мой дилетантский взгляд зацепка может быть в том, что для пасынка, похоже, у греков не было специального слова, вследствие чего использовалось более общее *прогон* (προγονος) — «старший ребенок» и «дитя от первого брака», то есть пасынок или падчерица, но также «прародитель, предок». Не могли ли в каких-то случаях греки во избежание недоразумений заменять *прогона анепсием*, то есть словом, имевшим значение «родственник», именно в смысле пасынка? Но, оставив кесарю кесарево, то есть лингвистам лингвистические проблемы, взглянем на вопрос по-житейски: могла ли Ольга быть сестрой Игоря, и мог ли Святослав быть деверем или пасынком Ольги?

Ольга могла быть сестрой Игоря. Объективно этому ничто не препятствует кроме голословных утверждений авторов ПВЛ, возможно, продублированных Скилицей. Ведь мы ничего не знаем об их действительном происхождении. Есть только одна очень тонкая ниточка: новгородские летописи ведут родословные обоих супругов к Гостомыслу, то есть Игорь и Ольга в новгородской традиции как минимум кров-

ные родственники, вопрос только в степени родства. Это родство могло быть самым близким, если Ольга была одновременно и сестрой и женой Игоря. Такого рода пережитки эндогамии считались в языческом обществе не только допустимыми, но иногда и предпочтительными внутри правящих кланов. Судя по былинам, в частности былинам о Соловье Разбойнике, который женил своих сыновей исключительно на своих же дочерях, в языческой Руси[1] такая форма инцеста была нормальным явлением. Кроме того, сестринское родство в какой-то мере объясняет феномен перехода верховного правления от Игоря к Ольге: власть наследовала не столько жена мужу, явление для начальной руси уникальное, сколько сестра брату в соответствии с лествичным правом.

Святослав мог быть младшим братом Игоря и, тем самым, приходиться Ольге деверем. Такое родство объясняет откровенно враждебные отношения между Ольгой и Святославом, так как первая откровенно отстранила от власти ее законного соответственно лествичному праву наследника. Однако нельзя забывать, что византийцы довольно последовательно называют Святослава сыном Игоря.

Святослав мог быть пасынком Ольги. Трудно, очень трудно поверить, что у Игоря была одна единственная жена и один-единственный сын-наследник. Слишком это противоречит царившим в те времена нравам. Как правило, языческие властители имели по нескольку жен и наложниц, а потомство плодили десятками. В этом плане их нравы хорошо видны на примере князей великого княжества Литовского, дольше других застрявших в язычестве и тем самым давших возможность хронистам задокументировать эти нравы. Так, у Гедимина только от трех «официальных» жен было 13 детей, а Ольгерд и вовсе наплодил их целых два десятка. Да к чему примеры и параллели? Достаточно почитать записки

---

[1] По С. Горюнкову, постоянный эпитет Соловья «разбойник» сопоставим с «раскольником» (синонимичная пара «разбить» и «расколоть»), то есть отвергающим официальную веру, что для былинного времени эквивалентно язычнику. Собственно слово «язычник» появилось в русском языке относительно поздно.

Ибн Фадлана о порядках при дворе «царя руси» начала Х века, то есть как раз во время Игоря Старого[1].

Согласно Ибн Фадлану, правитель руси имел ни много ни мало сорок наложниц! Это, надо полагать, помимо жен. Да и та же ПВЛ признает в отношении жившего чуть позже св. Владимира Крестителя, что «был он такой же женолюбец, как и Соломон» и имел дюжину сыновей от нескольких жен. Это, надо полагать, помимо наложниц. А вот в отношении его деда ПВЛ нам пудрит мозги, дескать, была у Игоря всего одна-единственная женушка с одним единственным сынком? Ха-ха! Скорее поверим замечанию Иоакимовской летописи, что «были у Игоря потом другие жены...», понимающе улыбнувшись на дипломатичное «потом» Иоакима: о каком «потом» может быть речь, если Ольга намного пережила мужа. Многоженство Игоря фактически подтверждает Константин Багрянородный своим описанием посещения Константинополя «архонтиссой Эльгой», но об этом разговор впереди. Как бы то ни было, а на основании этой или других одному ему известных посылок В. Татищев предполагал наличие у Святослава младшего брата Глеба. То есть Игорь отнюдь не ограничил себя единственным наследником.

Между тем, даже в контексте ПВЛ Святослав гораздо органичнее смотрится в качестве пасынка, а не сына Ольги — отношения между ними вырисовываются отнюдь не материнско-сыновние. Мать, юридически вроде бы всего лишь регентша при любимом отпрыске, не допускает своего великовозрастного дитятю к управлению государством аж до 22 лет, то есть попросту узурпирует власть. Но ведь Святослав вполне мог быть сыном не Ольги — «старшей» жены Игоря, впоследствии унаследовавшей от него власть над русью, — а от какой-то другой, «любимой» жены. Тогда не удивительно, что между Ольгой и Святославом нет взаимной любви и взаимопонимания ни по бытовым, ни по концептуальным государственным вопросам, таким как вероисповедание. В конце концов повзрослевшему дитяте-пасынку

---

[1] Например, см. «Читая Ибн Фадлана» (*В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010)

Киев окончательно становится «нелюб», он плюет на фактически отнятый у него наследственный удел и пускается во все тяжкие. Вот тут-то и появляются гонцы с депешами «Делать мне, дорогие соседи, нечего, жить негде, править нечем. Потому, извиняйте, милые, вынужден идти на вы!».

Но вероятно на самом деле вовсе не так задирист был Святослав. То, что нам достоверно о нем известно, создает впечатление, что у покинувшего мачеху и отчий дом недоросля-княжича не просто бушевала горячая кровь, в его действиях просматривается четкая цель, одна сверхзадача: отомстить за отца его обидчикам. В общем-то, казалось бы, та же, что у Ольги по тексту ПВЛ (русь, мы это знаем еще по договору 911 года, кровных обид не прощает!), но не такая параноидальная и меркантильно мелочная, а залихватски масштабная, но в то же время вполне практичная.

Как мы помним, бедолага Игорь сначала получил по шапке от хазар, потом ему по полной программе накостыляли византийцы, и наконец последнюю точку в биографии поставили то ли древляне, то ли германцы. Принципиально в том же порядке выполнял свою масштабную программу мести Святослав. Но при этом он не повторял ошибки отца и не наступал на те же грабли. Отдавая себе отчет в истинной силе Хазарского каганата и Византийской империи, он действовал не как мелкий морской конунг неожиданными грабительскими набегами с моря, а каким-то образом создал хорошо организованную и боеспособную армию, которую А. Никитин очень метко назвал «морской пехотой своего времени», и сумел дополнить ее ударную мощь на суше маневренной венгерской конницей. С этой армией Святослав провел две широкомасштабные военные кампании с общей характерной отличительной чертой: завоеванные земли не оккупировались и не присоединялись к его государству. Думаю, это объяснялось двумя причинами. Во-первых, у Святослава после узурпации власти мачехой фактически не было своего государства. Во-вторых, цель обеих кампаний была принципиально иной: отомстить за отца, то есть, в понимании викингов и руси того времени, разгромить, разрушить, уничтожить и поголовно вырезать, чтобы духу не осталось.

И вот в намеченном порядке сначала повержена, разгромлена, вырезана, вчистую разграблена и оставлена позади в руинах Хазария. Следующая на очереди — Византия. Но по дороге еще попалась Болгария. Трудно сказать, в какой степени на планы Святослава повлиял Калокир и вообще кто из них кого использовал. Сухопутная кампания против Константинополя, особенно с союзниками венграми, заклятыми врагами болгар, так или иначе не могла не затронуть Болгарию. Но, главное, там, в Болгарии, мы видим то же самое, что и в предыдущей хазарской кампании: не щадящий никого и ничего сокрушительный смерч, неоправданные логикой войны жестокие расправы над пленными и мирным населением при полном равнодушии к захваченным территориям.

В результате в опустошенной Святославом Хазарии попрежнему правил хазарский каган, а в разоренной и обезлюдевшей Болгарии остался в своей столице при всех регалиях царь Борис. Святослав просто бросил на произвол судьбы покоренный каганат и абсолютно ничего не предпринял для защиты от Цимисхия казалось бы уже завоеванной болгарской земли. Полное впечатление, что ему это было ненужно и неинтересно, он по давно намеченному плану уже переключился на третьего обидчика своего отца. По ПВЛ, им должны были бы быть древляне, а по Льву Диакону — некие германцы. Но Святослав направился вовсе не в Искоростень или Овруч, и не в Германию. Он... возвратился в Киев. И после его прибытия туда, теперь уже в качестве не бесправного пасынка-недоросля, а взрослого мужа и опаленного войнами полководца во главе грозной победоносной армии, там скоропостижно отправилась в мир иной его то ли мать, то ли мачеха, то ли тетка Ольга. В изложении ПВЛ, «на его руках» по невероятному совпадению именно во время его единственного за много лет кратковременного визита в Киев со своим войском, а по объективному ходу вещей, исключив маловероятные случайные совпадения, от его руки.

Итак, третья месть Святослава за отца обернулась «страшной мстей» собственной то ли матери, то ли мачехе, то ли тетке, из чего следует, что вину за убийство отца он возлагал не на бедолаг древлян и не на каких-то там гер-

манцев, а на нее, кем бы она ему ни приходилась. Невероятно? Вовсе нет. Предположения о том, что истинной убийцей или по крайней мере инициатором и организатором убийства Игоря были не древляне, а его собственная супруга, высказывались давно и с различных позиций.

По свидетельству А. Королева[1], в конце XIX века историк и фольклорист Н. Коробка собрал на древлянской земле, непосредственно в районе летописных Искоростеня и Овруча, предания об убийстве княгиней Ольгой своего мужа князя Игоря. Преданий много, и в них есть несколько совершенно разных версий убийства. Общим оказывается только то, что княгиня приходит к древлянам во главе большого войска. Игорь же оказывается то неузнанным в чужой одежде, то купающимся вовсе без оной, то во главе другого большого войска, то осажденным в городе, в частности Искоростене.

Множество версий настораживает. Ясно, что речь может идти не об отражении каких-то реальных событий в ходе распри между державными супругами, а лишь о преломлении в народной памяти основы интриги, которая завершилась с появлением на древлянской земле большого ольгиного войска. В Овручском уезде крестьяне показывали Н. Коробке колодцы, из которых якобы Ольга пила; водоемы, в которых княгиня якобы купалась; огромные холмы, каждый из которых крестьяне ближайшего к нему села выдавали за курган, якобы насыпанный Ольгой над могилой убиенного ею супруга. В числе местных туристических достопримечательностей фигурировали «Ольгина ванна», «Ольгина долина», «Ольгина гора», «Ольгин колодец», «Игорев брод» и прочая и прочая. «Игореву могилу» около Коростеня местные жители в 1710 году показывали В. Татищеву, следовательно, местные предания о гибели в тех краях Игоря существовали уже в начале XVIII века.

Но когда они сложились? Королев считает, что гораздо раньше, так как «эти сказания были широко распространены в Овручском уезде задолго до того, как до крестьян могла дойти информация, содержащаяся в опубликованных в

---

[1] *А.С. Королев.* Загадки первых русских князей. М., 2002.

XIX веке летописях». Как будто крестьяне читали летописи или хотя бы интересовались ими! Чтобы в районе Искоростеня появились перечисленные туристические достопримечательности, достаточно было туда дойти отдаленным слухам об интересе «городских» к какой-то княгине Ольге и ее мести то ли за мужа, то ли мужу на древлянской земле. Все остальное доделало народное творчество. Это читать крестьяне не умели, а до всяких выдумок да баек во все века куда как горазды были! Так что, вряд ли местные древлянские легенды можно рассматривать как серьезный аргумент и тем более доказательство того, что Ольга была мужеубийцей. И уж в любом случае они ничего не проясняют во взаимоотношениях Ольги и Святослава. Даже если дым не без огня.

МОРАВСКИЙ СЛЕД

Поют на моравской земле,
как в древности пели, —
лицо обращая к звезде,
склоняясь у колыбели...
И солнце, и отчий дом,
и аиста постоянство, —
все было в напеве том,
живом напеве славянства!

В. Булдаков. «Моравские песни»

Продолжая свои сопоставления персонажей ПВЛ и северных былин, С. Горюнков вслед за обоснованным и многообещающим отождествлением прототипа Игоря со Святогором предлагает в былинные прототипы для Ольги и Святослава бабу-богатырку Латыгорку и ее сына Сокольника. Вслед за Ф. Буслаевым он объясняет «Латыгорку» как изначальную «латгалку», то есть выходку из племени латгалов, латыголы по-древнерусски, предков современных латышей. Действительно, о Балтийском море, крае янтаря, говорит в былине как о месте своего рождения сам Сокольник: «От моря я от Студеного, от камня я от Латыря, от той от бабы от Латыгорки...» Конечно, Латвия — не совсем Псков, Изборск или те же Выбуты. Даже (какой ужас!) вообще не Россия, но неподалеку, в планетарных масштабах совсем близко. Можно, не вдаваясь в детали, сойтись на северном прибалтийском происхождении Ольги, неважно латгальском или кривичском. (В конце концов непросто сказать, кем кривичи, в том числе так называемые псковские кривичи, были в IX веке больше, славянами или балтами.) Интрига сопоставления Ольги с Латыгоркой не в этом, а в том, что в былинах отцом Сокольника оказывается не кто иной, как сам Илья Муромец. Далее Горюнков, полагая Святогора прототипом Игоря, обращает внимание на тот факт, что былин-

ная супруга Святогора изменяет ему с тем же Ильей. И вроде бы все ладится: Латыгорка — неверная жена Святогора, Илья Муромец — ее любовник, а Сокольник — плод короткой богатырской любви. Просто и понятно.

В эту канву неплохо вплетается предначертанность брака Игоря и Ольги в некоторых летописях. Былинному Святогору судьбой предназначена невеста, женитьбы на которой богатырь любой ценой, включая попытку убийства суженой, тщетно пытается избежать. Похожим образом юный княжич Игорь случайно встречает будущую супругу, но женятся они много-много лет спустя (из-за чего Ольга вынуждена рожать в пенсионном возрасте!). ПВЛ к тому же между строк создает впечатление, что Игорь надевает на себя узы Гименея не по доброй воле, а по указке Вещего Олега.

Но, хотя параллели между былинным Святогором и летописным Игорем способны что-то как-то прояснить, вопросы все же остаются. Во-первых, как ни верти, в былинах жизненные пути Латыгорки и Святогора не пересекаются. Латыгорка, поленица и царица, ни в одной былине не предстает женой Святогора, а жена Святогора, в свою очередь, — царицей или богатыркой. Скорее наоборот, ведь Святогор постоянно возит свою склонную к изменам, но миниатюрную женушку с собой в ларце. А поленица Латыгорка на равных борется с самим Ильей Муромцем и, как можно понять из былин, в конце концов капитулирует, признав не столько богатырскую, сколько мужскую силу супротивника. Во-вторых, в былинах Илья Муромец ненароком губит своего внебрачного сына Сокольника, иногда под его горячую руку попадается и его бывшая возлюбленная Латыгорка, но иногда та принимает смерть от сыновней руки. Поэтому, исходя из былинных сюжетов, разобраться в сложных семейных отношениях Святогора, Латыгорки и Сокольника, то есть предположительно Игоря, Ольги и Святослава, без Ильи Муромца не представляется возможным.

Поисками изначального прототипа первейшего из русских богатырей занимались многие исследователи фольклора. В отличие от богатыря «номер два» киевского былинного цикла — Добрыни Никитича, — чей исходный прототип,

что называется, лежал на поверхности и давно идентифицирован, с Ильей Муромцем дело не заладилось. Какого-либо общепринятого решения проблемы нет и поныне. Однако результаты двух исследований, Н. Филина[1] и С. Горюнкова[2], возможно дают нам шанс немного продвинуться в решении богатырской загадки.

Исследуя самые ранние источники, имеющие отношение к Илье Муромцу, Н. Филин причисляет к ним германский эпос XIII века[3]: «Имя Ильи-Илиаса из Руси встречается в южно-немецкой поэме ломбардского цикла «Ортнит», записанной в первой половине XIII в. и северогерманской саге о Тидреке (Дитрихе) Бернском, записанной в Норвегии в середине XIII в.».

В поэме «Ортнит» Илиас из Руси — дядя и наставник короля Ортнита, правителя Гарды в Ломбардии. Здесь сразу привлекает внимание название государства — Гарда. Хотя действие поэмы происходит там, где та была сочинена, в Ломбардии, хочется думать, что оно имеет прямое отношение к какой-то гарде (полюдью), то есть части древней Руси. К имени ее правителя Ортнита мы еще вернемся, а пока сосредоточим внимание на имени его дяди и наставника. М. Халанский производил имя «Илиас», которое также встречается в вариантах «Илигас» и «Элигаст», от древнерусского имени «Олег» или скандинавского Helgi. Таким образом, по линии Илигас-Элигаст имеются завязки, с одной стороны, с Ильей Муромцем, а с другой, с неким русским ольгом (helgi), который, однако, в поэме не правитель Гарды, коим он должен был бы быть, а его дядя и наставник — роль, близкая роли Вещего Олега ПВЛ по отношению к Игорю. Однако ввиду мифичности летописного Олега и отсутствия реальных сведений о молодых годах Игоря, есть все основания предположить, что история их взаимоотно-

---

[1] *Н. Филин.* Об историческом прототипе Ильи Муромца. М., 1999.

[2] *С. Горюнков.* Незнакомая Древняя Русь или Как изучать язык былин. СПб., 2010.

[3] Парадоксально, что в поисках исторического прототипа Ильи Муромца приходится обращаться к германскому эпосу. Но что остается исследователям, если ПВЛ и другие наши летописи нигде ни единым словом не поминают героев отечественных былин?!

шений в ПВЛ — это отражение с переносом в прошлое действительных отношений Владимира Крестителя с его «дядькой» и дядей по материнской линии Добрыней.

Из-за таких хитросплетений возникает некоторая путаница между, во-первых, правителем-ольгом и его «дядькой», и, во-вторых, прототипами Ильи Муромца и Добрыни Никитича. Впрочем, ничего страшного в этом нет. Как замечает Филин, исследователи германской поэмы сходятся во мнении, что «предания об Илиасе Русском попали в немецкий эпос из русских эпических песен». При заимствовании чужого фольклора вполне возможно некоторое смещение и смешение функций его героев, но, тем не менее, факт смешения ролей Ильи Муромца и Добрыни Никитича мы для себя возьмем на заметку. Также необходимо отметить неожиданную и важную для нас наводку германского эпоса на связь русских ольгов с Крымом: «в основе преданий об Илиасе Русском лежали древнерусские предания о походах русов в Тавриду (Крым)».

В другом сюжете, скандинавской саге о Тидреке Бернском, Илиас уже не дядя, а сын русского князя Гертнита от наложницы. Отметим, что тут уже речь идет не о правителе гарды (хотя, возможно, «гарда» еще оставила свой след в изменении первого компонента имени правителя «Орт-» на «Герт-»), а конкретно русском князе. В саге статус Илиаса как незаконнорожденного княжеского сына тот же, что у Владимира Крестителя в ПВЛ. Но и тут не обходится без путаницы: в саге у Гертнита имеется другой сын как раз по имени Вальдемар, однако он, в отличие от Владимира ПВЛ, не бастард, а вовсе даже законный наследник. В качестве такового Вальдемар получает в наследство от отца Русь и Польшу, а Илье достается... Греция. По ходу действия саги предводитель гуннов Аттила в союзе с Тидреком завоевывает Русь и отдает ее в управление Илье. Сюжет, конечно, выдуман — все его главные действующие лица жили в разных столетиях и потому в жизни никогда не встречались. Если в саге есть хоть какая-то историческая подоснова, а под «Грецией» понимать все тот же Крым, то, вроде, получается, что владевший этой «Грецией» (Крымом?) Илиас (ольг?) в конце концов

получает «в подарок» от какого-то иноземного завоевателя в свое владение всю Русь. В качестве одной из возможных интерпретаций сюжета саги можно предложить, например, такое развитие событий: некому владевшему крымской гардой русскому ольгу удается распространить свою власть на то, что впоследствии станет Киевской Русью.

Сам факт упоминания Ильи в германском эпосе интересен, но мало помогает нам в разрешении проблем треугольника «Святогор — Латыгорка — Илья Муромец» отечественных былин. Чуть дальше позволяют продвинуться более поздние документы.

Согласно А. Кузьмину, ««Хроника всего света» Мартина Вельского и Хронограф Западнорусской редакции... сообщают о Моравской империи, включавшей в IX в. земли русского государства: «Святоплут, моравский король ... в то время держал русские земли»» а «чешская хроника Пулкавы конца XIV в. включает в состав Моравии времен Святополка «Полонию и Русию»». Что стоит за этими сведениями? Какие-то самые западные земли будущей Киевской Руси могли непосредственно входить в Великоморавское государство (в западноевропейской исторической традиции Великая Моравия числится империей), а какие-то не самые западные — находиться под его государственным патронатом и духовно-культурным влиянием. Когда Великая Моравия приказала долго жить, эти ее отдаленные окраины и находившиеся под патронатом соседние области как эстафету переняли традиции государственности у своего бывшего патрона и образовали собственные государства: Чехию, Польшу, Хорватию, Словению — все христианские и все со славянским языком Кирилла и Мефодия в качестве государственного.

Названные вновь образовавшиеся славянские государства окружили бывшую «метрополию» — Великую Моравию — с трех сторон: запада, севера и юга. Но вряд ли восток был чем-то хуже. Наоборот. Давняя схожесть материальной культуры, нашедшая археологическое выражение в типологически единой пражско-корчакской культуре, наверняка сопровождалось существенной общностью духовной культуры славянского населения Восточной Европы от

Влтавы до Днепра. Эта общность, имевшая прочную основу в едином старославянском языке, который к тому времени получил в Великой Моравии собственную письменность и превратился в древнецерковнославянский язык, неизбежно должна была провоцировать уподобление в государственном развитии, создание новых государственных образований по великоморавскому образцу. В конечном счете, восток тоже не остался в стороне, там наследницей моравской государственности стала Киевская Русь. Но более чем полувековой зазор между гибелью Великой Моравии в самом начале X века и возникновением Киевской Руси в последней его трети предполагает некого посредника, некое промежуточное в пространственном и временном отношениях государственное образование между ними. Таковым могло быть... нет, должно было стать некое Древлянское или Волынско-Древлянское государство X века.

К этому же приходит Н. Филин, завершивший свой поиск исторического прототипа Ильи Муромца (Моровца, Моровлина, Моровлянина в ранних версиях былин) следующим выводом: «Таким образом, лексическое значение всех вариантов имени Ильи Муромца, отсутствие упоминаний о нем в великорусских областях до XVII в., древность южнорусских преданий об Илье и их географическая ориентация на Моравию и Краков, говорит о том, что легенды об Илье зародились в Киеве и изначально связывали происхождение этого героя с Моравией, то есть городом Моровом русских летописей и былин». Таким образом, у Филина прототип Ильи Муромца оказался изначально связанным с Великой Моравией, а носителем этой связи выступил некий князь Олег Моравский.

Упоминание этого князя Н. Филин нашел в сообщении чешского историка XVII века Т. Пешины о том, что, когда в 939 году «Моравия отпала от Чехии после убийства князем Болеславом своего брата правителя Чехии князя Вацлава, прибывший из Руси князь Олег [в оригинале nomine Olgo — «по имени Олег» (или, быть может, более правильно «именуемый ольгом»?). — *В.Е.*] в 940 году был провозглашен королем Моравии». Однако через девять лет Олег Морав-

ский был изгнан венграми, а потом, по одной из версий, после долгих скитаний в 967 году вернулся на Русь. Что ж, допустим, прибыл; допустим, вернулся. Вопрос только в том, из какой Руси он мог прибыть в Моравию в 940 году и на какую Русь мог вернуться через четверть века?

В 940 году Киевской Руси, как она представлена в ПВЛ, еще нет, нет еще и города Киева в качестве ее столицы. Но практически в это самое время происходят важные события в Крымской Руси. Ольг Игорь терпит свои сокрушительные поражения сначала от хазар, а потом греков и вынужден уйти из Крыма в поисках для себя новой гарды. Почему не предположить, что он ушел в Моравию? Вполне возможно, если чуть-чуть, всего на год-другой, скорректировать даты Пешины. Если же эти датировки верны, то в Моравию ушел какой-то другой ольг руси, несогласный с политикой Игоря, посчитавший полученный от хазар урок достаточным и отказавшийся участвовать в следующей авантюре — нападении на Византию. Таким русским ольгом мог быть, например, один из братьев Игоря. Или другой родственник из не упомянутых в договоре 945 года. Или вообще любой другой ольг руси. Возможно он пришел в Моравию с небольшой дружиной, но, как можно понять со слов Пешины, отнюдь не прихватив с собой подобно Рюрику «всю русь».

Если такое предположение справедливо, то оно должно было иметь очень важное следствие: именно там, в Великой Моравии, и тогда, то есть в 40-х годах X века, в славянском окружении и при государственном славянском языке начался процесс славянизации руси, а сама идея суверенной государственности надолго увязалась для руси с Моравией и Дунаем. Эта идея нашла отражение в народной памяти и ПВЛ представлением о Дунае как славянской прародине, ее же можно увидеть в словах Святослава: «Хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей». Результат славянизации руси всего через одно десятилетие после появления первого русского ольга в Моравии, демонстрирует нам Константин Багрянородный в своем труде «Об управлении империей» равноправностью русских и славянских названий днепровских порогов.

С другой стороны, к русской истории хорошо привязывается само окончание правления Олега в Моравии — 949 год согласно Пешине. Где-то в конце 40-х годов X века появляется страна Киоав-Киова в полюдье Славинии, как они названы Багрянородным все в том же его опусе «Об управлении империей». Из административного центра этой Киовы, крепости Самват, некие архонты Руси каждую осень отправлялись в «кружение» по окрестным землям для сбора дани, которую следующим летом везли в Константинополь. В числе окрестных племен, охваченных «кружением», первыми названы древляне[1]. В итоге так и напрашивается предположение, что изгнанный венграми в конце 40-х годов из Моравии Олег Моравский ушел на восток, на дальнюю лесную окраину его былой державы. Может быть центром его новой страны стала Древлянская земля ПВЛ, а новой резиденцией — Искоростень или Овруч? Между тем, возможно, и эту землю Олегу Моравскому пришлось отвоевывать, если ее уже успел прибрать к рукам старший конкурент.

В пользу такого развития событий косвенно говорит свидетельство археолога С. Ширинского[2], обобщившего результаты исследований языческих погребений IX—X веков в Среднем Поднепровье. Согласно Ширинскому, среди основной массы погребений, совершенных по обряду трупосожжения, появляются захоронения-трупоположения с удивительным смешением христианских и языческих обрядов. Долгое время эти могилы считались норманнскими, однако С. Ширинский пришел к выводу, что они полностью соответствуют захоронениям конца IX и начала X веков в Великой Моравии. Если вывод Ширинского верен, то мы имеем объективное свидетельство переселения христиан Моравии в Среднее Поднепровье.

Другому ольгу руси — изгнанному хазарами и византийцами из Крыма Игорю — ничего не осталось кроме как попытаться, ибо ничего другого он делать не умел, в лучших

---

[1] Если, конечно, следуя традиционному переводу, считать древлянами неких «вервиан» Багрянородного.

[2] *С.С. Ширинский.* Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии. М., 1978.

традициях викингов захватить какое-нибудь другое ослабленное в данный момент государство. Вот тут-то он и мог положить глаз на Древлянское княжество. Столкновение со строптивым оппонентом (и, очень может быть, даже близким родственником) Олегом Моравским, стало последней авантюрой Игоря. И, как всегда, неудачной. Даже роковой.

ПВЛ во время описанных Т. Пешиной событий не ведает никаких Олегов. Вещий Олег давно упокоился сразу в нескольких могилах, а других Олегов ПВЛ еще не народила. На момент изгнания Олега из Моравии ПВЛ вообще не зафиксировала никаких событий: годы с 949 по 954 в ней пустые. Но цена датам в ПВЛ хорошо известна. Зато... через пару десятков лет, как раз тогда, когда западнославянские хроники возвращают Олега Моравского на Русь, ПВЛ нам подсовывает весьма подходящую кандидатуру — Олега Древлянского. Олег Моравский «возвращается на Русь» в 967 году, а Олег Моравский впервые упоминается в ПВЛ под 968 годом. В 970 году он якобы становится древлянским князем.

На первый взгляд может показаться, что ничего подходящего нет в этой незначительной эпизодической фигуре погибшего в юности древлянского князя. Однако, внимание, речь как-никак идет о русском ольге, возможно самом первом, если не считать мифического Вещего Олега, и к тому же древлянском князе. Последнее важно, так как нельзя сбрасывать со счетов теперь общепризнанный факт, что ПВЛ сознательно замалчивает и затушевывает все связанное с Древлянским государством и его правителями до их подчинения Киеву. Летописные замалчивания касаются не только Олега Древлянского, но и другого древлянского персонажа ПВЛ — князя Мала, последнего, по версии ПВЛ, представителя местной древлянской династии, которого С. Горюнков как раз считает изначальным прототипом Ильи Муромца и, следовательно, одним из углов богатырского треугольника «Святогор — Латыгорка — Илья Муромец».

БОГАТЫРСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Ах, люди слишком ветрены,
они страстей невольники,
не только в геометрии
случались треугольники.
<...>
В глубокой древности
на почве ревности
дома крушили,
людей душили.
И в современности
у нас, однако,
на почве ревности
бывало всяко.

«Любовный треугольник», слова Ю. Энтина; песня из к/ф «Бедная Маша»

Гипотеза С. Горюнкова о князе Мале как прототипе Ильи Муромца опирается на отождествление Д. Прозоровским двух персонажей ПВЛ: древлянского князя Мала и безвестного Малко Любечанина, отца Добрыни и Малуши. По Прозоровскому, Ольга после захвата Искоростеня сослала Мала пленником в Любеч с поражением во всех правах, вследствие чего ПВЛ именует его в дальнейшем с оттенком уничижительности Малко Любечанином, а его детей сделала своими рабами: Добрыню чем-то вроде конюха, а Малушу чем-то вроде ключницы[1]. Версия Прозоровского безоговорочно принята не только Горюнковым, но и многими другими историками. На сегодняшний день она, пожалуй, считается едва ли не непреложным фактом. И как-то никого не смущает, что во время «древлянской войны» и предполагае-

[1] В Ипатьевской летописи Малуша названа не ключницей, а милостницей Ольги. По В. Далю, милостник — лицо, пользующееся милостью (т.е. покровительством) другого лица (милостивца).

мой ссылки пленного Мала, то есть в конце первой половины X века, города Любеча вообще не существовало! По крайней мере, точно не существовало крепости или замка, которые могли бы использоваться в качестве надежной тюрьмы для лишенного власти, но высокородного и потому чрезвычайно опасного для Ольги пленника.

Древний Любеч копал-раскапывал не кто-нибудь, а самолично академик Б. Рыбаков, пристрастие которого к «полянским древностям» и приверженность идее автохтонной государственности приднепровских славян хорошо известны. Так что если сам Рыбаков не нашел в любечской земле ничего «городского» старше XI века, то этому нельзя не верить. Кстати, первое действительно летописное, достойное доверия упоминание Любеча в ПВЛ связано со съездом князей 1097 года, что вполне согласуется с археологическими находками Б. Рыбакова в любечской земле. Так что Любеч можно смело исключить из гипотетических мест заключения Мала, если таковое заключение вообще имело место.

Теоретически Любечу есть альтернатива — городок Любечанинов на Черниговщине, ныне село на окраине города Остер Козелецкого района. Любечанинов даже ближе к Киеву, чем Любеч, до него всего километров шестьдесят по прямой, но никто не знает, когда возник этот городок и когда получил свое название. Б. Рыбакова он как-то не заинтересовал, другие археологи тоже не посчитали нужным поковыряться в его черноземе, а историки — в его прошлом. Судя по названию, представляется наиболее вероятным, что город назван по его основателю, какому-то любечанину, но тогда Любечанинов заведомо моложе Любеча.

Итак, если мы поверим Б. Рыбакову, а при данных обстоятельствах не видно причин ему не поверить, то никакого Любеча во время правления Ольги еще не было, соответственно не было и никаких любечан. А уж коли чему-то не верить, так это тому, что Ольга, захватив в Искоростене своего непримиримого врага, убийцу ее мужа, оставила Мала в живых. Не те были времена, не те нравы, не та княгиня. Даже в более чем лояльной к ней ПВЛ кровожадная, пылающая жаждой мести Ольга дотла выжгла Искоростень, а пе-

ред этим методично раз за разом казнила лютыми казнями несколько делегаций ни в чем не повинных послов-сватов Мала. И возможно ли, чтобы после всего этого она пощадила самогó незадачливого жениха, личного обидчика и грозного политического конкурента? Нет, в русле событий, как их преподносит ПВЛ, такое абсолютно исключено!

Но нечто подобное становится возможным, если все, что написано в ПВЛ о кровавом противостоянии Ольги и Мала признать очередным враньем. Выдумками. Фольклором. Еще одним красиво выстроенным «кравеведом-киевлянином» сюжетцем с приписанными главной героине «казнями египетскими». Мал не мог остаться в живых по сюжету ПВЛ и не мог стать **любечанином** по результатам раскопок в Любече. Зато он мог не только сохранить жизнь, но и благоденствовать при Ольге в качестве Малка-**Любчанина**, то есть ее любовника. Не на такое ли положение дел намекает ПВЛ «сватовством» Мала к Ольге? Разумеется, в таком случае «Малко» оказывается не уничижительной, как считал Прозоровский, а наоборот уменьшительно-ласкательной формой его имени.

Этот на первый взгляд кажущийся чуть ли не кощунственным мотив любовной связи между Ольгой и Малом на самом деле оборачивается чрезвычайно плодотворной, в прямом и переносном смысле, и многообещающей идеей. Мал в качестве любовника Ольги разом решает удивительно много проблем. И, что самое неожиданное, этот, казалось бы, вычурный сюжетец на самом деле известен в наших былинах: жена Святогора изменяет-таки мужу с Ильей Муромцем! Как мы помним, С. Горюнков вполне обоснованно предлагает в прототипы былинных Святогора и Ильи Муромца реальных персонажей ПВЛ, соответственно Игоря Старого и Мала Древлянского. Можно осторожно добавить в прототипы Ильи Муромца также сына Мала Добрыню, о чем мы еще будем конкретнее говорить ниже, и такая добавка здесь ничему не противоречит. По здравому размышлению, Ольга могла быть любовницей и Мала, и его сына Добрыни, в какой-то момент предпочтя стареющему любовнику молодого.

Версия гибели Игоря в ПВЛ не лезет ни в какие ворота. Решив содрать с древлян еще одну «сверхплановую» дань, перед побором «великий киевский князь» отпускает свою дружину домой. Даже такой патологический бездарь, каким показан в ПВЛ Игорь, сообразил бы, что нельзя отправляться на подобное мероприятие без серьезной военной поддержки. Если бы не сообразил сам, то подручные не преминули бы надоумить. Нет, версия ПВЛ совершенно нереальна. А вот если у его жены был любовник... В былине Илья Муромец, став любовником жены Святогора, заточил того в волшебный гроб. В реальной жизни Мал вполне мог заточить в гроб Игоря, целиком или в виде двух половинок, если предварительно разорвал мужа любовницы надвое парой берез. Наверняка к этому приложила руку и сама нелюбимая женушка Игоря-Святогора, чтобы освободиться от бездарного постылого мужа и вырваться на волю из хрустального ларца, в котором держал взаперти свою неверную супругу Святогор.

Д. Прозоровскому понадобились весьма сложные чересчур искусственные построения, чтобы объяснить, каким образом могли в кровавой мясорубке, устроенной в Искоростене Ольгой, не только спастись, но и сделать головокружительную карьеру сам экс-древлянский князь и его дети, а внук Владимир, будучи якобы младшим, да к тому же незаконнорожденным сыном Святослава, в нарушение всех субординаций стать великим киевским князем, то есть каганом Всея Руси. Но если Мал был любовником Ольги, то все объясняется естественным образом без каких-либо искусственных построений. Дети Мала, даже если они не были детьми Ольги от него, стали ее «милостниками» в качестве приемных детей, а внук, сын милостницы Малуши, под покровительством всесильной бабки занял великокняжеский трон в обход других законных претендентов.

Мы уже говорили о том, что имеются веские основания считать Святослава неродным сыном Ольги. Действительно, если по каким-то причинам Ольга была насильно навязана Игорю (в былине Святогор тщетно пытается избежать женитьбы на суженой, в ПВЛ Игорю жену выбирает Вещий

Олег), то следует ожидать, что своих детей, сколько бы их ни было, так как кроме Святослава и некого гипотетического Глеба, мы о них ничего не знаем, Игорь прижил не с нелюбимой «старшей» женой, а с другими, любимыми «младшими» женами. Но нелюбимой и третируемой мужем Ольге удалось взять над соперницами реванш благодаря формальному старшинству в иерархии или, что более вероятно, адюльтеру с древлянским князем. Возможно, реванш предполагал устранение не только постылого мужа, но и его претендующего на наследство потомства. Так что не стóит удивляться ни характеру отношений между Ольгой и ее пасынком, ни неожиданной на первый взгляд направленности третьей мести Святослава.

Итак, С. Горюнков полагает исходным прототипом Ильи древлянского князя Мала, отождествляя его с Малко Любечанином ПВЛ. Далее он, следуя генеалогии ПВЛ, признает князя Мала отцом Добрыни, а Добрыню — княжичем по праву рождения. Но, сделав эти предположения, благоразумно останавливается, бросает новоявленного древлянского княжича и в дальнейшем исследовании сосредотачивается исключительно на его отце Мале. А между тем, продолжение по линии Добрыни прямо-таки напрашивается: ведь Добрыня ПВЛ — общепризнанный прототип другого былинного богатыря, героя номер два киевского цикла Добрыни Никитича. Получается, версия Горюнкова впрямую предполагает прототипа Илью Муромца отцом прототипа Добрыни Никитича?!

Да пóлно! При всем богатстве былинного материала об обоих богатырях в нем нет и намека на какие бы то ни было родственные отношения Ильи и Добрыни. Кроме того, представляется невероятным, чтобы местный древлянский князек, обладателем каких бы великих достоинств он ни был сам по себе, даже став любовником ольги-каганессы, смог подняться до «общегосударственного» уровня и претендовать на роль прототипа главного богатыря Руси. Вот его сын, если все-таки признать Добрыню сыном Мала, сумевший выйти на этот самый «общегосударственный» уровень главного распорядителя и управляющего всей Киевской Руси

при своем племяннике Владимире Крестителе, мог стать таким прототипом. Собственно, он им и стал. Но мы сейчас говорим не о Добрыне Никитиче, а об Илье Муромце и потому вынуждены ответить на несколько неожиданный вопрос: мог ли Добрыня ПВЛ стать прототипом сразу обоих главных богатырей киевского цикла былин?

Ни одна былина не считает Илью Муромца отцом Добрыни Никитича, но ни одна былина также не считает Илью и Добрыню одним и тем же лицом. Это вообще выглядит бессмыслицей. Но лишь на первый взгляд. Если бы Илья и Добрыня в своих первичных прототипах были отцом и сыном, то, думается, былины обязательно сохранили и в каком-то виде донесли бы до нас этот факт. А вот в том, что Добрыня ПВЛ мог стать прототипом обоих главных былинных богатырей, нет ничего невозможного. Просто один и тот же герой выступает в былинах под разными именами, причем одно из них, Добрыня, — данное при рождении языческое, а другое, Илья, — крестильное христианское. И как раз в этом случае между двумя ипостасями одной и той же личности нет и не может быть никакой явно выраженной родственной связи, тем более отцовско-сыновней.

Начальная дифференциация былинных образов Добрыни и Ильи должна была произойти по возрасту героя ко время действия: Добрыня моложе, горячее, эта «языческая» ипостась его прототипа в целом индифферентна к вопросам веры; Илья старше, мудрее, он «ста́рой казак», христианин[1] и глубоко верующий человек. В дальнейшем у каждой ипостаси героя выкристаллизовалась своя собственная «биография», очертился свой круг соотнесенных подвигов, что окончательно разделило двух былинных богатырей. В конце концов в некоторых поздних былинах оба одновременно оказываются действующими лицами, например, в рязанской по происхождению и уже потому относительно поздней былине «Поединок Ильи Муромца и Добрыни Никитича», но по-прежнему каждый в своем амплуа, которые в былинах не пересекаются.

---

[1] В дальнейшем «христианин» как важная характеристика Ильи вместе с эволюцией самого слова превратился в «крестьянин» и дал мотив его крестьянского «муромского» происхождения.

В объемном и очень эмоциональном исследовании прототипа Добрыни Никитича А. Членов[1] тоже следует упомянутому отождествлению Прозоровского и полагает Добрыню сыном древлянского князя Мала. У Членова Добрыня Малович, дядя Владимира Крестителя, совершает поистине богатырские подвиги и вносит в становление Киевской Руси неоценимый личный вклад, масштаб и значение которых трудно преувеличить (хотя самому Членову это, похоже, блестяще удалось). Размах деятельности Добрыни так велик, что практически все, приписываемое С. Горюнковым князю Малу, можно с лихвой отнести на счет его сына. Иногда, как мы увидим в дальнейшем (и как уже видели в прошлом, предполагая обоих, отца и сына, любовниками Ольги), даже с бóльшим основанием. Если читать параллельно Горюнкова и Членова, то образы главных героев двух повествований начинают как-то неразличимо сливаться воедино. Поэтому ничего удивительного нет в том, что в изначальном образе главного богатыря киевского былинного цикла Ильи Муромца могли точно так же тесно слиться отец и сын, древлянские князь и княжич, особенно если вслед за Членовым видеть в сыне Добрыне продолжателя дела Мала после гибели отца, причем не только в ольгиной постели[2].

Общепризнано, что столь популярные и колоритные былинные герои, как Илья Муромец, предания о которых формировались веками, имели не один и не два прототипа. Так что нет ничего невозможного в том, что в истоках былинного образа Ильи Муромца лежат две тесно связанные исторические личности, древлянский князь и его сын, и что последний, помимо того, послужил изначальным прототипом Добрыни Никитича. Не зря, выходит, мы в свое время взяли на заметку факт смешения ролей Ильи Муромца и Добрыни Никитича в древнегерманской поэме «Ортнит»! Бо-

---

[1] *А. Членов.* По следам Добрыни. М., 1986.

[2] Если справедливо существующее предположение, что в знаменитой «Черной могиле» под Черниговом, где во второй половине X века были захоронены два воина, лежат воевода Претич и его сын, то этот курган можно рассматривать как место упокоения «коллективно-семейного» прототипа Ильи Муромца.

лее того, самые глубокие корни образа Ильи Муромца могут врастать в еще более древнюю старину через Олега Моравского и ольга Игоря, он же былинный Святогор, невольно оставивший перед смертью Илье не только свою супругу, но и свою богатырскую силу как символ власти над Русью.

В свете своих интересных предположений развивает С. Горюнков взаимоотношения особ княжеских семейств Игоря и Мала. Не в пример упрощенной версии ПВЛ, у Горюнкова эти отношения оказываются куда как сложнее, многограннее и могут послужить неплохой канвой средневекового романа. Вкратце, в его интерпретации древлянский князь Мал, он же Малко Любечанин ПВЛ, не только остался в живых «узником Любеча», но и в какой-то момент нежданно-негаданно оказался на свободе, причем не просто вольным человеком, а черниговским воеводой Претичем, заключил сепаратное соглашение с печенегами, захватил в Киеве в заложники княгиню Ольгу с тремя внуками, затем, шантажируя заложниками Святослава, заставил того отказаться от прав на киевский трон в пользу сыновей и уйти в Болгарию, навсегда покинув Русь.

Еще более масштабную картину титанической битвы варяжского и древлянского княжеских домов за Киев и Киевскую Русь рисует А. Членов. В этой битве сообразно ее титаническому уровню Добрыня Малович — созидающее славянское начало в противовес разрушительному варяжскому в лице Игоря Рюриковича — выступает прямо-таки в роли демиурга. Поспевая и здесь и там, он возводит своего племянника Владимира сначала на новгородский, а затем киевский престол; за одну пятилетку, с 980 по 985 год, проводит в Киеве широкомасштабный эксперимент по последовательной смене трех (!) государственных языческих религий, а три года спустя крестит Русь в веру православную, причем не в византийской, а в некой «чешской» ее интерпретации; добывает для венценосного племянника соответствующую его новому статусу византийскую жену заодно с Корсунем; создает прецедент Лиги Наций, заключив мирные договоры со всеми соседями Киевской Руси — Швецией [1], Чехией и

[1] Тут А. Членов в очередной раз погорячился: в X веке Швеции еще нет.

Волжской Булгарией; строит против печенегов пять поясов укрепленных городов на южных рубежах государства, основывает славную династию новгородских посадников и... нет, сдаюсь, всего не перечислить. Да и что говорить? Богатырь Добрынюшка! Еще бы, пять поясов обороны по рубежам Русской земли — это вам не хухры-мухры! Правда, археологи утверждают, что эти пояса обороны, так называемые «змиевы валы», строились веками, начиная со II века до нашей эры. Но это проблемы строителей этих валов. Или археологов. Или кого угодно, но не Членова. У того никаких проблем, и всемогущий Добрыня [1] творит чудеса под стать самому богу.

Фантазии Горюнкова и Членова увлекают. Но все же попробуем им не поддаться и посмотреть на взаимоотношения двух якобы противоборствующих кланов, Мала и Игоря, более трезвым взглядом.

---

[1] В былинах и сказках Добрыня действительно сооружает валы наподобие Змиевых, но там ему все-таки помогает Змей Горыныч, запряженный в соответствующий сверхзадаче суперплуг.

ГОТСКОЕ НАВАЖДЕНИЕ

Мне осталась от тебя черная отметка,
мне осталась от тебя
только горстка пепла.
А. Ткаченко. «Наваждение»

Возвращаясь к любовному треугольнику «Игорь — Ольга — Илья Муромец», нельзя оставить без внимания частный, но важный для понимания событий того времени и отношений в рамках этого треугольника вопрос: как все-таки закончил свой жизненный путь неудачливый ольг Игорь? Кто положил конец его земным мытарствам: древляне во главе с князем Малом, как утверждает ПВЛ, некие германцы, как полагал Лев Диакон, или его собственная благоверная, как прямо следует из древлянских преданий и косвенно из череды «мстей» Святослава?

Интересный компромисс, объединяющий по крайней мере древлян с германцами, вслед за А. Никитиным развил все тот же С. Горюнков. Он связал древлянскую княжескую династию, последним представителем которой признавал князя Мала, с Амалами — правителями гóтов грейтунгов IV века (впоследствии остготов) в изложении Иордана[1]. Перечень аргументов Горюнкова начинается с созвучности личного имени древлянского князя готскому династическому имени: Мал — Амал. Далее вовлекается имя дочери Мала, которую ПВЛ, представляя как ключницу Ольги, уничижительно зовет Малушей, но однажды все же проговаривается и в кратком сообщении об ее кончине называет полным германским именем «Малфрида». В версии Горюнкова древняя древлянская династия, происходящая из готских Амалов, сохранила свое династическое имя в усеченном компоненте «Мал», который входил во все княжеские имена древ-

---

[1] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. (Гетика). VI век н.э.

лянских владык. В частности, полное имя князя Мала якобы было Малфред, его же унаследовала его дочь в «женском» варианте Малфрида, а «Мал» и «Малуша» ПВЛ — это упрощения соответственно для Малфреда и Малфриды, причем со свойственной ПВЛ уничижительностью в отношении всех членов древлянской династии, да и вообще всего древлянского.

Тому, что полное имя Мала было Малфред и этот Малфред стал исходным прототипом Ильи Муромца, Горюнков находит интересное косвенное, но зато комплексное подтверждение: «Два почти идентичных перечня русских богатырей в «Ядре российской истории» А. Хилкова и «Книге степенной царского родословия» различаются только тем, что у Хилкова вместо Малфреда Сильного вписан Илья Муромец». То есть, единственное расхождение в двух списках богатырей, в остальном идентичных, Горюнков разумно считает доказательством тождества разнящихся элементов этих списков: Малфреда Сильного и Ильи Муромца. При этом, исходя из того, что Малфред Сильный причислен к свите Владимира Крестителя, Горюнков идентифицирует его как князя Мала, хотя, на мой взгляд, логичнее было бы отождествить приближенного Владимира не с Малом, а с Добрыней. Но это на самом деле не столь важно, если, как мы условились, считать исходными прототипами Ильи Муромца как древлянского князя, так и его сына.

Пока что гипотезы С. Горюнкова выглядят приемлемыми. Некоторое сомнение вызывает возможность того, что готское династическое имя Амалов могло сохраниться в течение пяти с лишним веков в славянской среде. В итальянских остготских королевствах оно угасло уже в VI веке. Зато именно эта династия дала Теодориха Великого, он же Тидрек Бернский в упомянутой ранее саге, что через ее героя Илиаса еще теснее привязывает Амалов к Малу как Илье Муромцу. С другой стороны, как мы помним, норманны Нормандии тоже веками сохраняли свои личные германские имена, всего лишь адаптируя их к обиходному старофранцузскому произношению. А имена ПВЛ «Мал» и «Малуша» выглядят аналогичными адаптациями «Малфреда» и «Малфриды» в славянской языковой среде.

Имеется еще одна слегка смущающая неувязочка в гипотезе С. Горюнкова. Согласно Иордану, Амалы — династия правителей у грейтунгов (остготов), а древлян исторически, географически и этимологически соотносят с тервингами (вестготами), царствующей династией у которых были Балты. Но разделение царствующих домов грейтунгов и тервингов у Иордана на самом деле может оказаться весьма условным. Знал ли это сам Иордан или нет, но по-готски *амал* и *балт* — практически синонимы, то и другое означает «храбрый, смелый, неустрашимый, отважный, мужественный»[1].

Несмотря на отдельные шероховатости в гипотезе Горюнкова, она настолько привлекательна и так много чего проясняет из сокрытого авторами ПВЛ, что невольно хочется привести в ее поддержку и для уточнения отдельных деталей несколько дополнительных соображений, видимо ускользнувших от Горюнкова.

Имя «Мал» на первый взгляд выглядит как славянское, но на самом деле трудно себе представить это имя в качестве княжеского. Даже если его рассматривать как сокращение от Малфреда, оно все равно режет славянское ухо в отношении властителя государства, да к тому же прототипа величайшего из богатырей! Даже если Мал был невысокого роста (прототип Ильи Муромца-то?!), не пристало князя величать Малом[2]. Но имя «Мал» совершенно по-иному воспринимается в германском контексте. Так, С. Цветков обращает внимание на то, что Mal по-немецки означает «пятно, рубец, родинка», и превращает имя Мала в прозвище, что-то вроде «Меченый». Тоже не слишком ласкающее слух, но допустимое прозвище для князя. Однако все-таки немцы тут ни при чем. А вот готы как раз весьма уместны, тем более что по-готски *мал* означает... «сильный»! Не оттого ли в «Книге степенной царского родословия» появляется не просто Малфред, а

---

[1] Готскому *балт* родственно современное английское bold — «отважный, смелый, храбрый», а также «сильный, энергичный».

[2] ПВЛ не только сокращает, но и удачно обыгрывается сокращенное имя древлянского князя. Ольга требует от древлян «небольшой» компенсации за убийство мужа: то ли «мало», то ли «Мала».

именно Малфред Сильный — с эпитетом, представляющим собой тавтологическую кальку с готского *Мал*?!

Но, очевидно, источник этой кальки, само княжеское имя «Мал», чтобы оно не резало ухо подданных, предполагает для этих подданных не славянскую, а готскую языковую среду, то есть **готоязычие древлян**. На готскую языковую среду у древлян намекает и имя сына Мала по гипотезе Прозоровского «Добрыня» — простая славянская калька готского *Гуда*, которое может пониматься и как «хороший, добрый», и как «гот». Разумеется, необходимость готской языковой среды заставляет усомниться в полной ославяненности к середине X века древлян — прямых, кстати говоря, географических наследников готской черняховской археологической культуры — и, возможно, объясняет, почему у Льва Диакона князя Игоря казнят «германцы».

С еще более полным основанием готоязычие «древлян» можно принять, если под «древлянами» ПВЛ понимать не некое якобы славянское племя на правобережье Днепра, а крымских гóтов, на возможность чего первым указал А. Никитин. В славянском переводе хроники Амартола, обильно процитированном в ПВЛ, некий народ «дерви» помещен между Босфором[1], меотами и сарматами, то есть как раз в ареале расселения крымских гóтов. На основании этого Никитин делает вывод: «Так получается, что единственным реальным зерном во всей этой истории, столь ярко и впечатляюще отразившейся в ПВЛ, стало убийство Игоря «германцами», только не на «Древлянской земле» правобережья Днепра выше Киева, а, скорее всего, там, где они обитали, т.е. в Крыму». По-прежнему следуя за Никитиным, С. Цветков полагает, что речь может идти о крымских готах, имея в виду готов-тервингов, которых сочинители ПВЛ, отталкиваясь от Амартола, приняли за древлян.

Отождествление летописных древлян с «дервами» Амартола полностью решает языковую проблему, а заодно существенно упрощает задачу Игоря по сбору древлянской

---

[1] В данном случае имеется в виду Босфор Киммерийский, то есть Керченский пролив.

дани. При таком раскладе ему отпадает нужда ходить со своей крымской базы за тридевять земель в далекие заднепровские леса и болота, и он вполне мог ограничить свою чрезмерную активность по сбору сверхплановых даней крымскими соседями. Разумеется, эта версия никак не противоречит утверждению Льва Диакона, что Игоря разорвали березами германцы. Наоборот. Если дело происходило в Приднепровье, то непонятно, как о подробностях казни Игоря, неизвестных даже авторам ПВЛ, мог бы узнать Диакон. А вот если в Крыму, тогда информированность византийцев объяснима. Есть здесь, правда, одна загвоздочка: готы в Крыму жили, но это были не тервинги, а ветвь грейтунгов, конкретно в Крыму часто называемых тетракситами. И уж подавно никто теперь не знает, что подразумевал под своими «дервами» Амартол!

Для тех, кто еще не готóв принять князя Мала как Малфреда Сильного и последнего представителя «готской» древлянской династии, а также, в этом его новом качестве, как одного из начальных прототипов Ильи Муромца, у С. Горюнкова имеется еще одно подтверждение его гипотезе: «Если имя «Мал» («Малко») — уменьшительное производное от полного имени «Малфред», которое искажается с целью замалчивания фигуры древлянского князя, то в летописях могут встретиться уменьшительные производные от второй половины полного имени — от частицы «Фред», причем именно в ситуациях, позволяющих соотнести носителей таких имен с фигурой древлянского князя. Встречаются ли такие имена? — Да, это в первую очередь имя черниговского воеводы Претича, в котором исследователи еще досоветского времени усматривали ославяненное «Фредич» (звук «ф» был нехарактерен для восточнославянского произношения того времени)». Чрезвычайно интересная лингвистическая находка, существенно продвигающая нас вперед, хотя сама по себе она, увы, не совсем корректна.

Во-первых, то, что Претич — черниговский воевода, — чистый домысел Горюнкова. Этого нет даже в ПВЛ — там он просто некий воевода с левобережья Днепра. Но это мелочи. Во-вторых, Горюнков считает имя воеводы Претича

«славянской калькой» с Фреда (Мальфреда). Но **калька** — это пословный (поморфемный) смысловой перевод иностранного слова («Сильный» — как раз славянская калька с готского *Мал*), а в данном случае речь идет не о переводе, а о фонетической адаптации иностранного слова к нормам древнерусского языка. Но и эта лингвистическая оплошность Горюнкова тоже не так уж принципиальна. Кстати, сама по себе трансформация готского *Фред* в древнерусское «Претъ» лингвистически безупречна. Настоящая-то беда в том, что, в-третьих и главных, *Фреда* славяне могли переиначить в «Прета», но **никак не в «Претича»** — в «Претича» мог и должен был превратиться только «Фредич». Заранее подстраиваясь под готовый ответ, Горюнков считает «Фредича» **уменьшительным производным** от «Фреда». Это безусловно производное, но, извините, суффикс «-ич» никак не свойственен германским языкам, а в русском языке он никак не уменьшительный, а продуктивный для отчеств. В других славянских языках этот суффикс также служит показателем происхождения. Так что «Фредич» по-славянски — это отнюдь не готский «маленький Фред», то есть Малфред, как это пытается представить Горюнков, а «**сын Фреда**» и совсем не обязательно маленький. Следовательно, в случае с воеводой Претичем речь в ПВЛ может идти не о самом Малфреде-Мале, большом или маленьком, а о его сыне, в частности Добрыне, или, в общем случае, каком-то потомке Мала. Разумеется, эта необходимая поправка к интерпретации имени «Претич» не дезавуирует начальную установку Горюнкова, так как сохраняет постулированную им «связь этого имени с фигурой древлянского князя», но только не прямую, а близкородственную через сына, который, это уже по нашей гипотезе, тоже послужил прототипом Ильи Муромца «на паях» с отцом.

Затронув тему родственных связей прототипа былинного Добрыни, нельзя не обратить внимания на то, что в былинах («Добрыня и Змей», «Поединок Ильи Муромца и Добрыни Никитича») мать Добрыни зовется Амелфой (Амельфой, Амфелой), а одно из имен похищенной Змеем княжеской родственницы в былине «Добрыня и Змей» — Марфида.

При внешней похожести этих имен на греческие христианские они на самом деле таковыми не являются и могут быть объяснены только как народные переиначения все той же Малфриды (Амалафриды)[1].

Мы не знаем других сыновей Мала кроме Добрыни, но это не значит, что их не было. Претичей (Фредичей) могло и должно было быть много. Строго говоря, можно лишь предполагать, что во время гипотетического киевского сиденья Ольги с внуками в печенежской осаде либо сам Добрыня, либо кто-то из его братьев в ранге воеводы то ли освободил (версия ПВЛ), то ли взял в заложники (версия Горюнкова) мать и детей Святослава, пользуясь тем, что тот застрял в Болгарии. Кстати, в столкновении этих двух версий лично я бы встал на сторону ПВЛ, потому что маловероятно, чтобы Добрыня брал в заложницы любовницу отца, а возможно и свою тоже. К тому же это не имело смысла для шантажа Святослава, которого никак не заподозрить в любви к своей мачехе или тетке. Но все-таки на сторону ПВЛ я не встану, так как не верю ей ни на грош. В частности, не могу поверить в саму печенежскую осаду, потому что слишком много нагромождено вокруг этой осады откровенной ахинеи: и печенеги второй раз впервые пришли на Русскую землю, и некий киевский отрок откуда-то знал язык этих впервые пришедших к Киеву печенегов, а местный бездельник-воевода Претич понятия не имел о том, что столица государства в осаде, пока его не вразумил этот киевский гонец-полиглот.

Но продолжим наши экзерсисы с готским языком, так как именно он дает нам следующее дополнительное подтверждение гипотезы С. Горюнкова. ПВЛ называет столицей Древлянского княжества времен противостояния его коренной княжеской династии с пришлой варяжской город Искоростень. Имеющиеся объяснения этого названия возводят

---

[1] Кстати, если Мал — отец Добрыни, а Амелфа — его мать, то мы имеем княжескую супружескую пару Мала (Малфреда Сильного) и Амелфы (Малфриды-Амалафриды) с детьми Добрыней (Малфредом Добрым) и Малфридой-Малушей. Тогда, похоже, действительно в «готской» древлянской княжеской династии из поколения в поколение использовались одни и те же женские имена.

его либо к слову «короста», которое М. Фасмер объясняет как «струпья, чесотка», что выглядит бессмысленным для стольного града, либо к забытому ныне древнерусскому *корста* — «гроб, могила». Правда, полет фантазии А. Членова существенно расширяет эту этимологию: «Местные краеведы производят название города от древнего слова «корста», среди значений которого были «камень», «гранит». В переводе на современный язык «Коростень» звучит примерно как «Гранитоград»». Ссылка на безымянных «местных краеведов» избавляет Членова от обвинений в прямом обмане. Но замаскированный обман тем не менее имеет место. В древнерусском языке слово *корста* означала только «гроб» или «могилу», но ни в коем случае не «камень», тем более «гранит»; соответственно Коростень — это никакой не «Гранитоград», а город Гробов или Могилин (но, по законам русского языка, ни в коем случае не Могилев!). Странноватое название для города. Быть может, оно прекрасно подошло бы Искоростеню после кровавой оргии, устроенной в нем будущей равноапостольной святой, но ведь, согласно ПВЛ, город звался Искоростенем еще до появления под его стенами Игоря и тем более его жаждущей древлянской крови вдовы.

Так вот, местные краеведы, связывающие Коростень с камнем, не так уж неправы, но с одной существенной оговоркой. Разумеется, этимологизировать следует не позднюю форму Коростень, а первичную Искоростень. А вот ее-то из древнерусского языка удовлетворительным образом объяснить не удается. Зато это совсем неплохо выходит, если вновь обратиться к готскому языку. После удаления начального славянского протетического *И* в получившейся основе *скоростень* можно выделить два готских корня: *скор*, что означает «скала», и *стен* — «камень». Наличие в слове лишь одного из этих компонентов можно было бы посчитать случайным совпадением. Но присутствие сразу двух синонимичных компонентов, содержательно вполне соответствующих особенностям ландшафта окрестностей Искоростеня, стоящего на скальных выходах гранита, случайность практически исключают и заставляют признать, что название го-

рода, в котором в X веке княжил предположительно последний представитель готской династии Амалов, тоже готское по происхождению. Оно, правда, все равно означает не «Гранитоград», а «Скалоград» или, точнее, «Скалокаменск», но в этом Скалокаменске Готском уже не так вычурно смотрятся царствующие правители с готскими корнями и именами.

Готское прошлое Русской земли «в узком смысле», как определял ее А. Насонов, а также в равной степени древлянской и волынской земель объективно зафиксировано в черняховской археологической культуре, ареал которой накрывал практически всю территорию нынешних Украины и Молдовы, частично прихватывая юг России и север Румынии. Черняховская культура признана в своей основе готской во всем мире кроме нашей страны и Украины, где ее с упорством достойным лучшего применения числят славянской. А гóтов — чуть ли не кочевниками. Между тем, готы были оседлым народом, прилежно пахавшим в III—V веках приднепровские и приднестровские лесостепные черноземы. Земледельческие календари гóтов нашли отражение на знаменитых сосудах из Лепесовки[1]. Поэтому ничего нет удивительного в том, что забытое нами готское прошлое дает себя знать былинным отголоском в имени древнейшего богатыря-пахаря Микулы Селяниновича, которое, как ни странно, лучше всего этимологизируется не из славянских, а из германских языков, в частности из готского, в котором *микил* — «большой, могучий». По-видимому, привычная нам форма «Микула» представляет собой относительно поздний ославяненный вариант, появившийся под влиянием христианского имени «Николай» в упрощенной форме «Никола» с украинизированным вариантом «Микола».

Любопытна и, быть может, не случайна синонимичность имен былинного Микулы и Мала ПВЛ — то и другое имеют в готском языке практически одно и то же значение. Если ПВЛ перехлестнула под Искоростенем жизненные пути местного древлянского владыки Мала и пришлого князя-агрессора Игоря, то в былине о суме, в которой была «вся тяга

---

[1] С легкой руки Б. Рыбакова у наших историков они считаются славянскими.

земная», мы видим весьма похожую коллизию между мирным аборигеном-селянином Микулой (Микилом?) и пришельцем Вольгой (ольгом?) Всеславьевичем во главе буйной (варяжской?) дружины.

А между тем Микула-то наш (внимание, еще одна «завязочка»!) — былинный сват Мала, ведь младшая дочка Микулы Селяниновича Настасья в наших былинах числится замужем не за кем-нибудь, а за Добрыней Никитичем, то бишь Маловичем по Прозоровскому или Фредичем по Горюнкову. Вот такая готская семейственность, вот так отовсюду торчат-вытарчивают готские ниточки. Жаль, что историческое полотно из них все-таки не ткется — не хотят они ложиться в ровную ткань, норовят закрутиться, запутаться в клубок загадок.

Одна из таких ниточек, голубая да излучистая, пролегла по карте Северного Причерноморья. Истоки Южного Буга, находящиеся на стыке древлянской и волынской земель, то есть в центре гипотетического восточного государства-наследника Великой Моравии, могут быть готскими не только в прямом смысле, если там в X веке еще сохранялись династия готских Амалов и готское языковое пространство, но и переносном, так как само слово *буг* лучше всего объясняется из готского языка, в котором имеет вполне адекватный нарицательный смысл: «кривизна, изгиб, колено; излучина (реки)». Вообще Побужье — географический центр черняховской культуры и готских государств III—IV веков в Северном Причерноморье, здесь же проходит южная граница ареала археологических следов другой археологической культуры, вельбаркской, маркирующих миграцию восточных германцев в начале нашей эры из Балтийского Поморья в Северное Причерноморье вдоль Вислы и обоих Бугов, Западного и Южного.

Наконец, уже обсуждавшийся нами выше компонент «гард-» в топонимах «Хольмгард» и «Кянугард» может иметь как скандинавское, так и готское происхождение, так как в готском языке тоже есть слово *гард* с весьма подходящими значениями «дом, домашнее хозяйство, двор, семья». Причем «дом» и «семья» могут пониматься, в том числе, как ди-

настия правителей («Древлянский княжеский дом» у А. Членова), что вполне согласуется с высказанной мною выше гипотезой об именовании гард будущей Руси в скандинавских сагах по династическим именам или локальным титулам их потомственных правителей.

Может быть, пара имен, пусть даже княжеских, да название пары рек и столицы никем не признанного и ни на каких картах не отмеченного государства, плюс обобщающая дефиниция протогосударств будущей Руси — еще недостаточное основание для категорических выводов? Может быть. Но задуматься есть над чем.

ГОТСКИЙ КОШМАР

Я медленно встал и двинулся к свету.
Сделав шаг на ступень лестницы в небо,
я с чистою верою в Бога сделал второй,
но следом я понял,
что нет ничего у меня под ногой!
9 грамм, «Кошмар»

Идя в своем расследовании «по следам Добрыни», А. Членов рисует картины апокалиптического противостояния на норманско-антинорманском фронте: борьбы не на жизнь, а на смерть древлянского, в его понимании — местного славянского, и варяжского, то есть пришлого скандинавского, княжеских домов. Однако, как мы только что выяснили, местная сторона этого противостояния оказывается не такой уж стопроцентно славянской: и правящая династия Древлянского княжества, и название его столицы Искоростеня достаточно отчетливо демонстрируют готские корни. Но еще удивительнее то, что в этом судьбоносном противостоянии «готский след» тянется и на другую сторону баррикад — в «варяжский» княжеский дом.

Этот след прорисовывается в самом первом известном нам официальном документе, связанном с ранней русью, — договоре Олега с Византией 911 года, который представлен в ПВЛ под 912 годом вместе с комментариями по процедуре его подписания, отнесенными ее составителями к 907 году. В комментариях названы имена послов, ведших непосредственные переговоры с греками, а в преамбуле самóго договора, включенного в статью 912 года ПВЛ, перечислены имена подписавших договор со стороны руси. Имена подписантов уже приводились выше, но теперь обратим внимание на то, что они разделены на две группы явными этническими детерминативами: «карлы», то есть скандинавские «мужи», коих четверо (Инегельд, Фарлоф, Вельмуд, Рулав), и «гуды»,

то есть готы, коих девять (Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид). Две эти группы не только неравночисленны, но и неравноправны: «мужи», то есть скандинавы, в перечне имен стоят первыми, эти же «мужи» (Фарлоф, Вельмуд и Рулав) участвуют в константинопольской делегации 907 года в качестве послов, в то время как готы к переговорам вообще не были допущены за исключение одного-единственного гота Стемида, причем вероятно не отличавшегося родовитостью, так как его имя даже в перечне подписантов-го́тов стоит последним. Но дело в том, что этот Стемид, как справедливо заметил еще А. Сахаров, выполнял в русском посольстве роль секретаря. Включение в посольство в качестве секретаря именно гота, да к тому же не отличавшегося знатностью, могло иметь только одну причину: знание греческого языка, что естественно для готов, несколько веков живших в Крыму бок о бок с греками, а также, в не меньшей степени, просто грамотность, а именно необходимое для выполнения секретарских функций владение «ивановым написанием», которым был записан русский экземпляр договора[1]. По счастью, каким-то образом копия («список») этого экземпляра в переводе на древнецерковнославянский язык сумел попасть в ПВЛ.

Этнический дуализм начальной руси объясняет ту ее конфессиональную двойственность, которую мы отмечали при первом рассмотрении договора 911 года. Скандинавы, привилегированная и лидирующая компонента начальной руси, ведшие переговоры в Константинополе, в начале X века все еще оставались язычниками и при личных договоренностях с византийцами клялись по своей вере и своим обычаям. Но крымско-готская компонента, к переговорам не допущенная, была давно крещеной и ортодоксально православной, так как несколько веков находилась под культурным влиянием греков соседнего Херсона и имела свою подчиненную Константинопольской патриархии Доросскую епископию, которая со временем даже приобрела статус митрополии. Поэтому при составлении текста догово-

---

[1] Более подробно обо всем этом в приложении «Как возникла начальная русь?».

ра 911 года секретарь посольства гот Стемид, выражая волю своих скандинавских начальников и по возможности точно переводя их речь, противопоставил русь христианам и зафиксировал клятвы послов руси «по их вере и обычаям», но, тем не менее, в формулировках текста договора все же использовал близкие ему лично как православному христианину христианскую православную терминологию.

Чисто готские имена мы все еще видим в аналогичном договоре Игоря, отнесенном ПВЛ к 945 году. Там среди имен послов и купцов руси встречаются три посла с именем «Прастен» (Прастен Тудоров, Прастен Акун, Прастен Бернов) и два купца с похожими именами Фрастен и Фуростен. С учетом закономерного перехода при заимствовании древнерусским языком иноязычного *Ф* в *П* основа исходного имени реконструируется как *Фрастен*. Это популярное среди руси X века имя хорошо этимологизируется из готского языка, в котором *фраст* означает «ребенок, отпрыск». Существенно, что корень *фраст* чисто готский, его нет ни в скандинавских, ни в других германских языках.

Косвенно с готами связывает начальную Русь упомянутая выше древнегерманская поэма «Ортнит». Настало время уделить внимание вынесенному в название поэмы эпическому имени властелина Руси. Оно состоит из двух основ, причем основ не старого верхненемецкого, на котором написана поэма, а опять-таки готского: *орт*, что по-готски означает «сад», и *нит* со значением «кровное родство, династия», близком по смыслу готскому *гард*. Странное на первый взгляд появление сада на самом деле легко объяснимо. Вспомним, что действие поэмы происходит в Гарде, то есть одном из полюдий будущей Руси. Но для автора поэмы, жившего в Германии и говорившего на верхненемецком, «Гарда» не имела ни завязок с непонятным ему компонентом *нит*, ни вообще смысла и воспринималась его германским ухом как похожее *гартен*, что по-немецки и сегодня означает «сад». Однако сам факт, что в имени правителя Гарды поэма зафиксировала не верхненемецкое *гартен*[1], а готское *орт* в паре с

[1] Что мы, вероятно, имеем в скандинавской саге, где правитель зовется ***Герт***нитом.

готским же *нит*, дает основания предположить изначально готские истоки сюжета и позволяет говорить о том, что начальная русь была все-таки имела готскую компоненту.

И, наконец, снова злосчастное «иваново написание». У начальной руси IX—X веков, кантовавшейся где-то в районе Крыма, уже была своя письменность, использовавшаяся для оформления международных договоров. Никак не футарк, для таких целей непригодный и никогда не применявшийся. Вообще письменностей, используемых для составления юридических документов уровня межгосударственных договоров, в X веке было — раз-два, и обчелся. Тем более непонятно и непростительно упорное игнорирование отечественными историками «иванова написания» — одной из немногих письменностей такого высокого статуса, бывшей в ходу у начальной руси.

Как уже отмечалось выше, таинственное «иваново написание» с наибольшим вероятием могло быть готской письменностью, основанной на готском алфавите Ульфилы и введенной в обращение в VIII веке в своей крымской епархии епископом св. Иоанном Готским. Именно с этим «написанием», перенятым от гóтов скандинавами и получившим статус универсально русского, мог столкнуться св. Константин-Кирилл во время своей хазарской миссии 860—862 годов, — подчеркнем, все в том же самом Крыму! — и, исходя из принадлежности его начальной руси, естественным образом назвать «русскими письменами», а впоследствии положить в основу того, что ныне мы называем кириллицей. Кстати, необъяснимая непопулярность в Киевской Руси, в отличие от остального славянского мира, глаголицы возможно как раз обусловлена тем, что для руси издревле привычным было готское «иваново написание». Поэтому ославянившаяся русь в силу привычки использовала исключительно его наследницу кириллицу.

Готские корни начальной руси парадоксально превращают изобретенное А. Членовым апокалиптическое противостояние двух княжеских домов X века, древлянского и киевского, двух династий, Мала и Игоря, и, самое главное, двух якобы несовместимых этносов, нехороших «варягов» и хоро-

щих «славян», в некую внутриготскую разборку. Но в целом, если не придавать вопросу вселенский масштаб, Членов прав: из готских корней правобережья среднего Днепра выросло славянское дерево с государственностью, заимствованной из Великой Моравии, сохранившее готское наследие всего лишь в именах своих правителей; а древние готские корни начальной руси вскормили тесно оплетших и паразитически присосавшихся к ним скандинавов. Но, вопреки фантазиям Членова, нет никаких оснований говорить о какой-то несовместимости и тем более антагонизме между начальной германской русью и русью приднепровской славянской. Русь с самого начала была этнически неоднородной, и вся ее дальнейшая история только подчеркивала полную индифферентность руси к «пятой графе» и абсолютную ее неозабоченность любыми аспектами «национального вопроса».

Вот и выходит, что удивительный этнос-социум, который отвоевал свое место под солнцем под именем «русь», возник в результате симбиоза двух этносов: давно прижившихся в Крыму гóтов-христиан с родственными им пришлыми язычниками-скандинавами. В основе этого симбиоза наверняка лежала языковая общность. Добравшись в начале IX века до Северного Причерноморья, скандинавские викинги оказались в совершенно чуждой им среде, ином климате и незнакомом окружении. И огромной удачей, уникальным везением для них было встретить в Крыму народ, давно живущий по местным обычаям и внешне не отличимый от прочих аборигенов, но (о, чудо!) говорящий на понятном им языке. Конечно, скандинавы не могли упустить такую оказию. Крымская Готия была обречена стать первой причерноморской гардой нового формирующегося из двух германоязычных народов этноса — руси.

Теперь с этих позиций можно вновь вернуться к истории «противостояния» русского и древлянского княжеских домов.

По сюжету ПВЛ пути Игоря и Мала впервые могли бы пересечься в 914 году, когда «пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой». Но на самом деле не пересеклись. Ведь этот мнимый древлянский

поход падает, как мы это выясняли ранее, на целиком выдуманный авторами ПВЛ период «параллельной истории» игоревой Руси и Византии. В частности, на древлян Игорь пошел одновременно с походом Симеона Болгарского на Царьград, оба синхронно получили с противника большую дань и благополучно вернулись восвояси. Этого похода не было, объективно не могло быть еще и потому, что в 914 году Игорь должен был быть еще в пеленках. Или вообще «в проекте». Если в 941 году он впервые появляется на мировой исторической сцене, а годом позже, в 942 году по хронологии ПВЛ, у него родится первенец Святослав, то дату рождения самогó Игоря следует отнести к середине или даже концу 10-х годов X века, а скорее к 20-м годам.

Мы не знаем, откуда был родом Игорь, но уже успели выяснить, что к Киеву Игорь-Святогор отношения не имел. В начале его достоверно известной биографии вероятной резиденцией Игоря была какая-то база (гарда?) в районе Керченского пролива: то ли на Таманском, то ли на Керченском полуострове. О том, как он там оказался, можно лишь строить догадки на основании глухих упоминаний в северных былинах, в которых «молодой Святогор живет на содержании у богатого Садко, и тот снаряжает его»[1]. Садко — герой новгородских былин, из чего можно сделать предположение о «новгородском» происхождении Игоря. На самом деле в первой половине X века Новгорода Великого еще нет, но есть Ладога, Рюриково городище, Гнездово наконец, и там уже прочно обосновались «варяжские гости», что достоверно установила археология прошлого века. Сюда же можно добавить результаты расследования С. Горюнкова, хотя и не бесспорные, определяющие возможную родину Игоря-Святогора в Ижорской земле (Ингерманландии) или эстонской Роталии. (Мало вам латышского происхождения Ольги, так вот вам еще и эстонское Игоря!)

---

[1]Обращает на себя внимание созвучность имен Садко и первосвященника Иудеи времен Давида и Соломона Цадока (в среднегреческом и православной традиции Садок). Не было ли «снаряжение» Святогора-Игоря фактически помазанием его на русское каганство?

Но в тех же новгородских былинах Садко не только лихой гусляр и бесстрашный дайвер, он также богатый удачливый купец, тесно связанный с Поволжьем и торговлей на Волге. С другой стороны, в ярославском Поволжье скандинавы археологически прослеживаются со второй половины IX века. Поэтому нет ничего невозможного в том, что, будучи «новгородского» происхождения, конунг Ингвар снарядился на средства богатых купцов «новгородской гарды» и отправился с торговой миссией уже хорошо к тому времени известным и хоженым волжским путем «из варяг в хазары». Была ли его миссия чисто торговой или особой, либо он сам превратил ее в особую, благополучно добравшись по Волге и Дону до Крыма и осев на одной из имевшихся там баз руси, сказать невозможно. Но база, похоже, была где-то в районе Керченского пролива. И было нападение в том самом проливе на хазарский Самкерц, которое повлекло за собой цепь далеко идущих последствий: поражение руси от регулярной армии каганата, вынужденное обязательство воевать с Византией, вновь страшный разгром армией и огнеметным флотом империи, необходимость искать новое пристанище.

Следующее возможное пересечение Игоря с древлянами ПВЛ относит к 945 году, сразу после подписания мирного договора с Византией. Это уже более-менее достоверный период биографии Игоря, основанный на византийских документах. Так что нечто подобное вполне могло иметь место. С единственной оговоркой: если Игоря и занесло в древлянскую землю, то не из Киева. Сама ПВЛ не оставляет нам сомнений, что и исходным и конечным пунктом игорева рейда 941 года на Византию был все тот же Керченский пролив. Оттуда, начиная поход, он последовательно проходил вдоль берегов Крыма и Болгарии (именно в таком порядке в Константинополе получали предупреждение об его продвижении от херсонцев и болгар); туда же он после разгрома бежал «едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды», по словам Льва Диакона. Да, база в восточном Крыму безусловно была. Но естественно предположить, что после двух последовательных сокрушительных поражений сначала от хазар, а потом от византийцев, эта база, даже если

ему удалось ее сохранить, потеряла всякое практическое значение.

Впрочем, зачем предполагать? Это прямо следует из «Кембриджского анонима» и текста его договора с Византией 945 года. Игорь лишился возможности грабить Хазарию и Византию. В довершение неудач попытка освоения альтернативного «кавказского направления» закончилось для руси быстрым и сокрушительным крахом. Основать новую гарду в Арране на Куре не удалось. Поскольку больше из Крыма грабить было некого, Игорь был вынужден искать новое прибежище, новые источники пропитания и дохода себе и остаткам своей дружины, то есть новую гарду-кормилицу. Если не принимать в расчет выдуманное авторами ПВЛ мероприятие 944 года — мнимый повторный византийский поход с получением огромного отступного, — семья и остатки потрепанной хазарами и греками дружины Игоря к середине 40-х годов действительно должны были быть нищими, нагими и голодными. Вот тут-то Игорь с отчаяния и мог рвануть «в Деревá». Не из Киева, где он никогда не был, а из потерянного для него Крыма. То ли прямо, то ли через Моравию, то ли через Киев, если речь все-таки о днепровских древлянах, а не крымских «дервах».

ЯЗЫК ДОВОДИТ ДО КИЕВА

Поверил Добрыня Змею, отпустил его в живности.
Улетел Змей, да не в свою пещеру,
полетел он на святую Русь, в стольный Киев-град.
Былина «Добрыня и Змей»

Оказавшись фактически бездомным, Игорь наверняка сделал то, что всегда в такой ситуации делали предводители викингов норманнов и варягов руси: отправился искать где что плохо лежит. Поскольку все черноморское побережье для него было безнадежно потеряно, оставалось только подняться вверх по какой-нибудь реке черноморского бассейна, найти там и «приватизировать» небольшое, но способное прокормить его самогó, семью и дружину государство-гарду. Именно так поступали викинги в Англии, Франции и Италии, именно так поступала сама русь, в частности, поднявшись по Волхову до Рюрикова городища и по Куре до Бердаа, так она будет поступать и впредь, когда Святослав попытается осесть на Дунае в болгарском Переяславце.

В 941 году у Игоря особого выбора не было. Дон, Кубань и прочие реки Приазовья исключались, так как контролировались Хазарским каганатом. Днепр и Южный Буг выглядели малопривлекательно по целому ряду причин. Поднепровье и Побужье, по которым недавно прокатились орды венгров, вряд ли сулили хорошую поживу. К тому же обе реки были перекрыты труднопроходимыми порогами, а в их низовьях и у тех самых порогов уже кочевали печенеги. Отношения Игоря с печенегами в ПВЛ весьма запутаны. Но из других источников известно, что византийские императоры в X веке старательно поддерживали с печенегами союзнические отношения и регулярно нанимали их для отвлечения сил наседавших на северные границы империи болгар и венгров. Поэтому независимо от предыстории после пиратского нападения Игоря на Византию печенеги автома-

тически стали его врагами. Зато столь же автоматически по принципу «враг моего врага — мой друг» его объективными союзниками становились болгары и венгры, которые, правда, были «на ножах» между собой, из-за чего Игорю пришлось бы выбирать между ними. Но выбор был несложен.

В начале 40-х годов при царе Петре Болгария находилась в глубоком упадке под постоянным давлением византийцев с юга и мадьяр с севера и к тому же ослаблялась изнутри движением богомилов. Зато на «пассионарном» подъеме находились венгры, уже осевшие в Паннонии и заставившие победоносной кампанией 934 года выплачивать себе регулярную дань все балканские государства и даже саму Византию. Конечно, союз Игоря с венграми мы можем лишь предполагать, но у этого предположительного союза имелось вполне вещественное продолжение в совместных с венграми хазарской и болгарской кампаниях Святослава.

Итак, по идее, изгнанный из Крыма Игорь должен был бы направиться на Дунай. Может быть и направился. Но... Как мы помним, у Т. Пешины «именуемый Олегом» предводитель руси прибыл в Моравию в 940 году, то есть за год до второго катастрофического поражения Игоря. Если допустить, что Пешина ошибся на год-другой (что немудрено на расстоянии в семь веков!), то этим русским ольгом и был Игорь, изгнанный из Крыма и нашедший новую гарду в восточном осколке бывшей Великой Моравии. Если же даты Пешины верны, то его Олег Моравский — это какой-то другой ольг руси, вероятно один из тех, кто после хазарского урока не захотел влезать во вторую, византийскую, авантюру Игоря и пошел своим путем. Но все равно по тем же соображениям без вариантов на Дунай. Правда, не союзником, а противником венгров, от которых несколько лет более-менее успешно оборонял свою новую моравскую гарду, но в конце концов был вынужден уступить, навсегда покинуть Моравию и «вернуться на Русь».

Да вот беда, к тому времени крымской Руси уже не было. Куда же в таком случае Олег Моравский мог вернуться в 967 году? Очень может быть, что в Киев. И очень может быть, что к преемникам Игоря. Ведь где-то в середине X ве-

ка в Киеве уже правили архонты руси, причем, дословно читая «Об управлении империей» Багрянородного, архонты во множественном числе. Еще бы! Царственная родня Игоря, судя по его договору с Византией 945 года, не уступала своей многочисленностью болезненным родичам Юрия Деточкина в кинофильме Э. Рязанова «Берегись автомобиля». Жаль только, сочинители ПВЛ как-то не обратили внимания на сей безусловно того заслуживающий факт. Так что «вернуться на Русь» бывший моравский князь мог в Киев. Но мог до Киева не добраться. Однако пока оставим Олега Моравского и проследим злоключения Игоря.

Если Игорь не удирал в Моравию и не был тем моравским ольгом, о котором писал Т. Пешина, то куда же он подался после печального возвращения из византийского рейда «с несколькими лодками вестником своей беды»? Почему-то не на Дунай вслед за своими союзниками венграми. То ли место было занято другим ольгом руси — Олегом Моравским, — то ли дружба дружбой, а табачок-то врозь. Вряд ли обретавшие новую родину мадьяры горели желанием делиться ею с кем бы то ни было, и вряд ли им улыбалась перспектива поменять в Моравии одного русского ольга на другого, хотя бы и формального союзника.

С исключением Дуная выбор для Игоря стал предельно ограниченным: Днепр или Южный Буг. Но какой бы из двух путей он ни выбрал, по Днепру или Бугу, конечным пунктом и новым объектом захвата должно было оказаться волынско-древлянское междуречье Днепра и Южного Буга — Древлянская земля ПВЛ. Важно помнить, что слово «земля» на языке ПВЛ означало в нашем сегодняшнем понимании государство (Русская и Греческая, Венгерская и Болгарская, Английская и Волошская, а также Египетская и тому подобные «земли» ПВЛ). То есть очередным объектом агрессии для руси Игоря могло быть не богом забытое захолустье, дикое лесное племя древлян, в чем нас пытается убедить ПВЛ, а некое уже существовавшее в Поднепровье и Побужье государственное образование. Весьма вероятно, что оно образовалось вследствие развала Великой Моравии, и не исключено, что было тем самым предполагаемым Д. Про-

зоровским и А. Членовым княжеством Мала. Это государственное образование, будучи политическим и духовным наследником Моравии, просто обязано было быть в середине X века христианским с государственным языком на основе славянской грамоты Кирилла и Мефодия.

Считается, что Искоростень был основан в начале VIII века. Только не спрашивайте на основании чего. Просто так считается. В общем, та же самая история, что и с Киевом. Все документальные данные — липовые, из той же ПВЛ, и такая же полная неразбериха в археологии: множество мелких поселений по обоим берегам Ужа, существовавших с незапамятных времен, но ничего конкретно городского для IX—X веков. Пожалуй, интерес представляют только большой курганный некрополь, о котором, правда, не отыскать никаких сведений, да пара находок: золотые височные подвески «аналогичные подобным украшениям Великой Моравии» и клад серебряных украшений «чешского происхождения». Так что в каком-то виде Искоростень вполне мог существовать в IX веке, но был ли он тогда «древлянской столицей», утверждать невозможно. Однако следует обратить внимание на две упомянутые находки моравского и чешского происхождения.

После гибели Великой Моравии в конце IX века вокруг ее бывшей территории в течение исторически очень короткого промежутка времени возникает несколько новых славянских государств: на западе Чехия Пржемысловичей, на севере Польша Пястов, на юге Хорватия Трпимировичей. Из всех частей света обделенным кажется только восток — волынско-древлянская земля. Но скорее всего именно кажется. Идея славянской государственности, получившая в Великой Моравии хорошую закалку и твердую основу в славянской письменности Кирилла и Мефодия, наверняка не имела каких-либо предпочтений в распространении по сторонам света. Волынь и днепровское правобережье, издревле объединенные с Чехией и Моравией единой культурой основой, археологически представленной культурой Прага-Корчак, не могли не воспринять, не унаследовать эту идею государственности одновременно с другими соседями Великой

Моравии. Или даже раньше. Но Чехия, Польша и Хорватия сохранились как самостоятельные государства и сберегли свою древнюю историю. Нашему гипотетическому, но вполне вероятному древлянскому государству не повезло. Именно оно могло быть и очевидно стало объектом захвата русью Игоря Старого и Свенельда, а затем новгородских «находников», вследствие чего, поглощенное в конце концов Киевской Русью, потеряло свою самостоятельность, а вслед за ней свою истинную историю в скудном и лживом освещении ПВЛ.

Весомым фактором выбора новой гарды именно в славянском Поднепровье и Побужье мог стать для руси Игоря языковой фактор. Если справедливо предположение С. Горюнкова о восходящей к готским Амалам правящей династии древлян, которую мы дополнили возможностью сохранения у них готской языковой среды, то общность языка должна была привлечь к государству Мала внимание обеих исходных компонент руси, скандинавской и готской. С другой стороны, если справедливо основанное на анализе былин предположение, что сам Игорь был выходцем с Новгородчины, конунгом, снаряженным в поход к Черному морю купечеством новгородской гарды (вновь вспоминаем: Садко снаряжает Святогора), то в его окружении должны были быть и даже играть не последнюю роль балтийские славяне, они же словене ПВЛ. Это предположение в какой-то мере подтверждается договором 945 года с Византией, в котором мы встречаем среди имен правителей руси и родственников Игоря неких Святослава, Володислава и Предславу. Тогда общность языка балтийских и днепровских славян [1] могла послужить дополнительным аргументом для искавшей новую гарду руси Игоря направиться на днепровское правобережье. Да вот беда, у нашего неудачника-ольга все мероприятия, даже вполне разумные по своей сущности, неизменно оканчивались крахом.

---

[1] В ПВЛ «русский и словенский языки — одно суть». Словенами ПВЛ называет жителей Новгородчины, а русью в ней «прозвались поляне», то есть обитатели Киевщины.

Мы не знаем и наверное никогда не узнаем, что же на самом деле происходило в конце первой полвины X века в Среднем Поднепровье. Как признает А. Никитин, это совершенно невозможно даже для начала следующего века: «...нумизматические и сфрагистические материалы убеждают, что мы ровным счетом ничего не знаем не только о том, что происходило в первой четверти XI в. в Киеве и на территории Среднего Поднепровья, но и кто был участником этих событий...» [1]. Поэтому все, о чем дальше пойдет речь, — не более чем предположения и гипотезы, базирующиеся на исходных посылках разного происхождения и разной степени достоверности. Но, и это хочется особо подчеркнуть, ничуть не менее достоверных, чем исторические реконструкции сочинителей ПВЛ, построенные вообще непонятно на чем, никак не объясняемые, но, тем не менее, почему-то почитаемые официальной отечественной историей чуть ли не истиной в последней инстанции.

Совокупляя все известные нам сведения, предположительно можно говорить о том, что лично Игорю покорить древлян не удалось. Сильно потрепанная хазарами и греками дружина Игоря («нагая и голодная» по словам ПВЛ) оказалась к этому неспособной. Более того, в Древлянской земле Игорь вероятно в самом деле нашел свою погибель. Но произошло это вовсе не так, как это представляет нам ПВЛ, не при сборе некой сверхплановой дани с давно покоренной подвластной территории в сопровождении небольшой части дружины, бóльшая часть которой якобы была отослана в Киев, а при первой же попытке захватить Древлянскую землю всем имевшимся в его распоряжении войском, которое действительно превратилось в «малую дружину» после двух страшных трепок, полученных от хазар и греков. В итоге очередное авантюрное мероприятие оказалось не только

[1] В числе известных монет XI века киевской чеканки есть монеты Владимира, Святополка, Ярослава и какого-то Петра. До сих пор достоверно не установлено, какой из Владимиров приложил к этому руку, Креститель или Мономах. Но, главное, оказывается, в Киеве правил и чеканил свою монету некий Петр, про которого в ПВЛ нет ни слова! (Существует предположение, что Петр — крестильное имя Святополка.)

безуспешным, к чему Игорю было не привыкать, но и фатальным для него лично.

Тем не менее, русь в конце концов сумела покорить Древлянское государство, и вместо последнего представителя местной готской династии князя Мала правителем Древлянской земли стал какой-то русский ольг. Новгородские летописи в этом качестве нам представляют Свенельда, якобы имевшего дань с древлян и уличей, а ПВЛ — Олега Древлянского в ранге удельного князя. Первого из них сочинители ПВЛ зачислили в воеводы Игоря, а второго — в сыновья Святослава.

Здесь напрашивается небольшое отступление о «воеводах» ПВЛ и Свенельде в частности.

С. Горюнков справедливо подмечает, что для того времени невозможно говорить об иерархии в отношении титулов «князь» и «воевода» и соответственно о какой-то взаимной подчиненности князей и воевод. Собственно говоря, титул «князь» мог быть только у правителя Древлянского государства, наследовавшего Великой Моравии. У руси в то время такой титул еще не прижился, а ее германоязычные верховные правители, как мы уже выясняли, звались ольгами-каганами. Титул «воевода» был в ходу в славяноязычной среде, о чем нам достоверно известно, потому что он был заимствован венграми для их верховных предводителей и зафиксирован в греческих документах. Титул воеводы у венгров был примерно равноценен титулу князя в Киевской Руси. Далее, Горюнков обращает внимание, что В. Татищев называет Игоря и Святослава «варяжскими герцогами», то есть в переводе на русский — воеводами, а Свенельда и его сыновей — «царями». Все наоборот в сопоставлении с терминологией ПВЛ! Можно ли в этом вопросе верить Татищеву больше, чем ПВЛ? Отвечая вопросом на вопрос: а почему нет? Как бы то ни было, становится понятным, что рискованно однозначно говорить о подчиненности воевод князьям или ольгам. Равно как и наоборот.

Подтверждение примерного паритета князей и воевод ПВЛ дает меморандум Цимисхия 971 года (традиционно считающийся в отечественной историографии очеред-

ным договором руси с греками), который Свенельд вроде бы подписал **вместе и наравне** со Святославом. Более того, ПВЛ проговаривается, что у Свенельда не только **была своя дружина**, но и что Свенельд **был богаче Игоря** и его **дружинники были лучше накормлены и одеты**, чем их коллеги у Игоря. Все это ясно указывает на тот умалчиваемый ПВЛ факт, что «воевода» Свенельд был сам себе хозяином и не подчинялся ни ольгу-неудачнику, ни его потомкам и преемникам. Источником богатства и независимости Свенельда могла быть фактическая власть над Древлянской и, возможно, Уличской землями. В пользу такой возможности говорит уход его дружины из-под болгарского Доростола в 971 году не морем в Крым вместе со Святославом, а верхóм посуху, так как именно сухопутная дорога с Дуная в его древлянско-уличскую вотчину была естественной и кратчайшей.

Другая возможная кандидатура на роль нового древлянского властителя — это «вернувшийся на Русь» Олег Моравский. Разумеется, он не просто вернулся на Русь, которой, собственно, еще и не было, а вынужден был — такова уж доля всех ольгов начальной руси — отвоевать себе новую гарду в Древлянской земле. Не исключено, что для этого ему пришлось поцапаться с семейством Свенельда, который взимал с древлян дань и мог рассматривать Древлянщину как свой удел, и что в этой сваре Олег действительно, как утверждает ПВЛ, убил какого-то Свенельдича. Может статься, в результате кровавой заварухи Олег и Свененльдичи поделили древлянские земли. Косвенно на это ПВЛ указывает наличием в Древлянском княжестве двух столиц: Искоростеня, который брал приступом Свененльд во время кампании подчинения древлян, и Овруча как резиденции Олега Древлянского. Разумеется, в таком случае Олег Моравско-Древлянский не мог быть сыном Святослава, как нам представляет его ПВЛ. Но он мог быть близким родственником Игоря, его братом или сыном, то есть приходиться Святославу дядей или братом. Этот Олег, то есть очередной ольг руси, как и большинство других ольгов, остался безымянным; по крайней мере он вряд ли упомянут в договоре 945 года, так как в то время воевал не с греками в Вифинии, а с венграми в Моравии.

Вообще родственные отношения внутри клана первых владык руси покрыты полнейшим мраком. Генеалогия, начертанная митрополитом Иларионом и «развитая» ПВЛ, не подтверждается ни одним достоверным документом, а поводов для сомнений оставляет множество. В первую очередь, фантазиям сочинителей ПВЛ противоречат включенные ими же в нее же копии договоров руси с Византией. С ПВЛ так или иначе не вяжутся иностранные источники и отечественный фольклор. Мы уже видели пример с *анепсием* Ольги Святославом у Константина Багрянородного. Эти примеры можно множить. Но это — большая самостоятельная тема. Отдельный разговор, он нам еще предстоит, и о представленных в ПВЛ «детях» Святослава. А пока продолжим разговор о его родичах старшего поколения.

Основу взаимоотношений исторического прототипа Добрыни с княгиней Ольгой, если он не был ее любовником или до того, как стал им, возможно передает былина о борьбе Добрыни Никитича со Змеем Горынычем, который, как подчеркивает С. Горюнков, во многих вариантах былины на поверку оказывается... змеей: «Символичен образ Змея в былинном сюжете «Добрыня и Змей». О том, что практически все исследователи пытаются найти в нем иносказательный смысл, уже говорилось выше. Но еще важнее то что в подавляющем большинстве случаев речь в былинах идет не о Зме́е, а о Змее́, причем достаточно часто эта Змея мыслится явно в образе женщины: «Он схватил Змею за косы»». Таким образом, Змей оказывается то змеем, то змеей. Эта вариативность пола противника Добрыни в совокупности с прозвищем-эпитетом позволяет, превращая Змея Горыныча в Змею Горынинку и наоборот, отождествить двуполого змея и с бедолагой Игорем, и с княгиней Ольгой — символическими обитателями киевской Горы, где ПВЛ располагала апартаменты-терема великих киевских князей. В итоге, продолжает Горюнков, прозвище «Горыныч» или «Горынинка» «содержит одновременные указания на связь со сказочным Змеем (Горыныч), и на связь с Киевом (по Ф. Буслаеву, ссылающемуся на материалы древнерусской письменности, слово «горыня» синонимично слову «киевлянин»»). В поль-

зу такого отождествления говорит и место первой встречи противников — былинная Пучай-река, то есть киевская речка Почайна, устье которой под Горой издревле служило торговой гаванью города, воротами Киева.

Герой былины «Добрыня и Змей» дважды бьется со змеем. После первой относительно легкой победы «с помощью шапки земли Греческой» Добрыня отпускает змея, взяв с него клятву не приближаться к Киеву. Горыныч, разумеется, тут же нарушает зарок, летит в Киев и похищает там родственницу Владимира Красно Солнышко. Добрыня вынужден повторно биться с чудищем в его логове на Сорочинских горах, и на сей раз он одолевает врага с большим трудом, а оружием, с помощью которого Добрыня все-таки одерживает победу, несколько неожиданно оказывается конская плеть. Если допустить, что былина пусть своеобразно, но отражает некоторую историческую реальность, можно ли как-то реконструировать эту реальность с учетом той, хотя и извращенной, но вряд ли целиком выдуманной истории, которую преподносит нам ПВЛ? По крайней мере, можно попытаться.

Реконструировать события, происходившие в Среднем Поднепровье в конце первой половины X века, можно, в большей степени опираясь либо на ПВЛ, либо на былинные сюжеты. Можно и вовсе игнорировать одно или другое, как это делала наша официальная история, целиком и полностью доверившись ПВЛ. Противоположную позицию пытался занять С. Горюнков в своих интересных интерпретациях былинных сюжетов, но он так и не смог полностью отрешиться от въевшихся в печенки сказок ПВЛ.

Наиболее близкий к версии ПВЛ результат может получиться, если первое нанесенное Змею Горынычу (с помощью «шапки земли Греческой») поражение соотнести с итогом византийского похода Игоря, после которого побежденный греками Змей-Игорь вероломно устремляется к Киеву и находит убежище на Горе («на Сорочинских горах»), захватив там родственницу Владимира, в качестве каковой могла оказаться, например, мать последнего Малфрида-Малуша. После гибели Змея-Игоря «в Деревах» в змеином гнезде-

логове на Горе остается Змея-Ольга. В борьбе с ней Добрыня освобождает плененную родственницу князя Владимира, которая к тому же доводится самому Добрыне родной сестрой. Возможно, союзниками Добрыни в этом акте борьбы со Змеей выступали печенеги, внесшие решающий вклад в победу над зловредной рептилией, что, возможно, нашло отражение в былине конской плетью как главным оружием Добрыни.

Те же события можно соотнести не с Игорем, а со Святославом. Тогда первым поражением Змея можно считать разгром руси под Доростолом, где Святославу противостояла не просто шапка, а сама корона земли Греческой на челе императора Цимисхия. Побитый такой «шапкой» Святослав направляется к матери или мачехе в Киев, но в дело вновь вмешивается конская плеть, то есть все те же печенеги.

Если же не придерживаться канвы ПВЛ и не пытаться соотнести содержание былины «Добрыня Никитич и Змей» с событиями и псевдособытиями, а также персонажами и псевдоперсонажами, которыми начинена ПВЛ, то обобщенно в фабуле былины можно увидеть победу Добрыни Маловича, он же Претич-Фредич, он же наполовину Илья Муромец, над обитателями киевской Горы, вероятно не без помощи степняков-печенегов, и освобождение матери Владимира Малфриды, она же сестра самого́ Добрыни Малуша[1]. Главной же целью подвигов Добрыни, судя по конечному результату, не отраженному ни в былинах, ни в ПВЛ, была расчистка пути к киевскому престолу племяннику Добрыни Владимиру, что в целом верно ухватил в своем расследовании А. Членов.

В одном существенном моменте былинный сюжет борьбы со Змеем сходится не только с ПВЛ, но и с археологией Киева. Побежденный Змей Горыныч удирает к Киеву и хозяйничает на Горе (Сорочинских горах), и Киев археологически начинает превращаться в столичный город именно с середины X века. И тут нельзя не обратить внимания на то,

---

[1] Амелфа (Мамелфа) Тимофеевна в данной былине выступает в роли матери Добрыни, но есть у нее и универсальная роль матери былинных богатырей: Добрыни Никитича, Алеши Поповича и Василия Буслаева.

что с серединой X века и между собой связана целая цепочка событий помимо археологического превращения Киева в «мать градам русским». В это время катастрофически завершается история крымской руси Игоря. В это время ПВЛ делает Ольгу великой киевской княгиней. В это же время, как информирует нас Константин Багрянородный, Киевщина (Киав-Киова) становится центром полюдья и резиденцией архонтов руси. И, наконец, в то же самое время, вероятно как следствие перебазирования руси в Среднее Поднепровье и, возможно, захвата ею некого «древлянского княжества», начинается быстрая ее славянизация, отразившаяся, в частности, у того же Багрянородного в хождении уже в середине X века параллельных названий днепровских порогов: русских, то есть все еще звучавших по-древнескандинавски, и славянских — в самом деле старославянских по языку.

ОЛЬГА ОЛЬГА

Княгиня Ольга там — сама Марина Влади,
с ней рядом нет того, кто раньше с нею был...
Но что ей до того! Она была в Царьграде,
сам Константин Седьмой ей что-то говорил.

Попурри из песен В. Высоцкого
в перефразировке автора

Итак, вдова ольга Игоря, перенявшая после гибели мужа его титул и таким образом ставшая ольгой, завладела каким-то личным доменом на Киевщине с резиденцией либо непосредственно на киевской Горе, либо, что более вероятно, в Вышгороде, который ПВЛ называет «Ольгиным городом»[1]. В этом домене она образовала нечто вроде царства амазонок. О последнем можно догадываться по тому, что во время ее «документированного» Константином Багрянородным в трактате «О церемониях византийского двора» визита в Константинополь «архонтиссу Эльгу» сопровождал большой, исключительно женский эскорт из множества «приближенных родственниц-архонтисс», служанок и рабынь.

Относительно этих «родственниц» Ольги, число которых доходило до шестнадцати во время одного из императорских приемов и которые размерами денежных подачек приравнивались к «людям» княгини, С. Цветков высказал любопытное соображение. Обоснованно отметя предположения о том, что это были сестры Ольги, либо жены ее братьев или других архонтов Руси, он остановился на единственно возможном разумном объяснении такого количест-

---

[1] Тому, что Ольга владела Вышгородом, а не Киевом, есть исторические параллели в ПВЛ. Там соблазнившую Святослава Малушу сама Ольга отослала в село Будутино. Владимир посадил свою жену Рогнеду сначала на Лыбеди, а позже передал ей город Изяславль. Ярослав Мудрый отдал своей супруге Ладогу. Судя по этим примерам, существовал обычай наделять «отступными» владениями отвергнутых (?) жен.

ва незамужних женщин в ольгиной свите: «...простое и самое естественное предположение, что «архонтиссы» были женами Игоря, расставляет все по местам: получает объяснение и их титул, и занимаемое ими высокое положение,... и неопределенность их родства с Ольгой (ср. характерное выражение Константина: «родственные ей архонтиссы»; христианский государь, понятно, затруднился точнее определить, в какой степени родства находятся между собой Ольга и прочие жены Игоря), и отсутствие упоминания об их мужьях». Тут трудно не согласиться с Цветковым, хотя ситуация, прямо скажем, комическая. Ольга вместе с верховной властью и титулом ольга-кагана поневоле унаследовала от мужа его гарем и вынуждена была не только терпеть при себе сварливых нахлебниц и конкуренток, но даже таскать их с собой аж в Константинополь! Невольно на ум приходит мысль о том, что Ольга была лесбиянкой. В пользу такой версии косвенно говорит очевидная напряженность отношений в семье Игоря, но с ней не вяжется предполагаемая любовная связь Ольги с Малом и Добрыней. Наконец, говорить о лесбиянстве равноапостольной святой как-то неприлично.

Кроме мужнего гарема в многочисленной свите русской архонтиссы наличествовало только два лица мужского пола: переводчик и таинственный *анепсий* — то ли ее пасынок Святослав, то ли какой-то нам не известный племянник. К огромному нашему сожалению, словоохотливый император в своем объемистом труде слишком зациклился на милых его сердцу формальностях придворных церемоний, они занимали его гораздо больше, чем высокопоставленная гостья, сопровождавшая ее делегация и вся далекая варварская Русь. В итоге для нас так и остались тайной и этот *анепсий*, и степень родства Ольги и Святослава, и откуда прибыла в Константинополь русская архонтисса, и даже в чем заключалась цель ее визита. Знай мы ответы на эти вопросы, многое бы прояснилось во мраке, ныне окутывающем такой важный для истории древней Руси переход от варяжско-черноморского этапа к этапу славянско-днепровскому.

Вынужденно, из-за отсутствия каких-либо достоверных сведений, вступая в область догадок, мы можем лишь предполагать, что руси Игоря удалось зацепиться за район бу-

дущего Киева (Киоав-Киову Багрянородного), где была поставлена крепость Вышгород (Самват? [1]), в которой разместились жены и дети Игоря, возможно включая малолетнего Святослава. Можно допустить, что какие-то опорные пункты у руси были на днепровском левобережье в районе современного Чернигова, так как устойчивая связь черниговского княжения с бывшей крымской гардой руси, впоследствии Тмутараканским княжеством, прослеживается вплоть до середины XI века.

Но, похоже, острие экспансии руси Игоря было направлено не на Северщину. То ли левобережье было до того обобрано хазарами, что не представляло интереса для руси, то ли спины Игоря и его дружинников еще чесались от хазарской плетки, и они не хотели вновь нарываться на конфликт с каганатом на подвластной тому территории. Как бы то ни было, Игорь отправился завоевывать менее привлекательное, но зато и независимое от Хазарии днепровское правобережье, подчинять гипотетическое Волынско-Древлянское государство Мала, и нашел смерть «в Деревах», имея в виду то ли Древлянскую землю, то ли две согнутые березы, то ли то и другое сразу. Если, конечно, его аппетиты не ограничились соседними «дервами» в Крыму.

Судя по намекам новгородских летописей, дело покорения приднепровских древлян и обложения их данью успешно завершил Свенельд. После завоевания Древлянской земли он устремился дальше за Южный Буг, а потом и за Днестр к Дунаю «примучивать» уличей и тиверцев. Но на самом деле, зная цену нашим летописям касательно того смутного времени, нельзя исключать возможность прямо противоположного хода событий. Если Свенельд действительно был воеводой Игоря, как утверждает ПВЛ, то более логично, чтобы он, уходя с Игорем из Крыма, вторгся в Древлянскую землю с юга. Тогда подчинившиеся ему территории новой лесостепной Руси ближе всего находились бы к черномор-

---

[1] Есть этимологизации этого Самвата якобы из хазарского языка как «высокой крепости». Если бы это было так, то Вышгород действительно оказывается его славянской калькой. Беда однако в том, что никто толком не знает ни хазарского языка, ни откуда взялась эта этимологизация.

скому побережью и Дунаю, что, возможно, и предопределило присоединение Свенельда к войску Святослава, плывшего из Крыма в Болгарию. Под таким углом зрения для Свенельда болгарская капания была по существу продолжением военной активности по расширению его гарды. В своем продвижении на запад он присоединился к Святославу, причем, похоже, не в качестве подчиненного «воеводы», а самостоятельного независимого союзника. Болгарская кампания оказалась неудачной. Ничего Свенельд в Болгарии не навоевал, ничего не добыл. По версии ПВЛ, он совместно со Святославом подписал со стороны руси навязанный ей византийским императором Цимисхием меморандум 971 года, по существу акт о капитуляции. А византийские хронисты, Лев Диакон и Иоанн Скилица, и вовсе утверждают, что второй или третий по значимости после Святослава предводитель руси — то ли Сфенкел, то ли Сфангел, что очень похоже на Свенельда ПВЛ, — сложил свои косточки в болгарской земле.

Если вопреки обыкновению ПВЛ ближе к правде, чем византийские ученые мужи, и Свенельд все же не погиб под Доростолом, а выжил и ушел со Святославом и остатками своего войска восвояси, то сто́ит обратить внимание на такой интересный нюанс. В ПВЛ пути Святослава и Свенельда домой разделились в устье Днепра. Святослав после голодной зимовки на Белобережье поплыл вверх по реке, попал на порогах в печенежскую засаду и был убит, а Свенельд сразу пошел на конях посуху и якобы благополучно прибыл в Киев. Его печенеги почему-то не тронули. Эта «размолвка» князя со своим воеводой послужила историкам поводом для разных домыслов вплоть до обвинения Свенельда в измене и даже заговоре против Святослава. Однако разделению русского войска около устья Днепра, если оно вообще имело место, есть простое и естественное объяснение безо всякого коварства и измен. Где-то на берегу Бугского лимана два предводителя руси по-товарищески простились, обнялись и дальше пошли каждый своей дорогой. Для обоих это была прямая и естественная дорога домой: у Святослава на восток морем в Крым, у Свенельда на север сушей в свой уличско-древлянский удел. Разумеется, оба направились не в Киев, до которого обоим не было никакого дела и где никто никого из

них не ждал. Святослав ушел недалеко, во время какой-то остановки на черноморском берегу (если не еще раньше, на зимовке в районе Белобережья) его достали печенеги. Свенельду повезло больше, ведь он уже практически был дома.

Пока Свенельд и его потомки, Свенельдичи ПВЛ, создавали, теряли и вновь отвоевывали себе обширную гарду от Днепра до Днестра, цапаясь с Олегом Моравским, да поливали кровью, своей и вражеской, землю Болгарии, вдовы и дети Игоря вероятно оставались в Вышгороде, в своем «девичьем царстве» ни с чем. Ни с чем остался и бывший властитель древлянской земли Мал, владения которого поделили Свенельдичи и Олег Моравский, превратившийся в Олега Древлянского ПВЛ. Надо ли удивляться, что Мал в намерении вернуть свою вотчину подыскал себе союзницу. Интерпретация былин С. Горюнковым дает основания предположить, что не только союзницу, но и любовницу он нашел в Вышгороде. Такой сценарий дает ответ на вопрос, почему Ольге удалось то, что никак не удавалось ее мужу и почему потрепанная, но все же боевая дружина Игоря приняла вопреки традициям и элементарному здравому смыслу женщину в качестве своей предводительницы. Ведь если прав Горюнков, то дружина Игоря подчинилась не столько Ольге, сколько Малу — как-никак князю по праву рождения и легитимному преемнику верховодства на правах победителя их прежнего вожака-ольга.

Может статься, Мал действительно победил и убил Игоря, но и сам был сражен его вдовой. Причем, в отличие от сказок ПВЛ, совершенно бескровно. Нередко женские чары оказывались самым сильным оружием против мужчин, будь то хоть князь, хоть Илья Муромец. Особенно если женские чары подкреплены серьезными политическими планами. Вдова Игоря, русская ольга, былинная неверная супруга Святогора, сумела стать любовницей Ильи Муромца, а в реальности то ли самогó Мала, то ли его сына Добрыни. То ли обоих сразу. То ли по очереди. В конце концов, какая разница, если своего прототипа Илья Муромец поимел в обоих лицах, отца и сына. Не обошлось и без святого духа: оба любовника, Ольга и Илья, в конце концов приобщились к сонму святых.

Однако все это из области гипотез, более или менее вероятные реконструкции хода событий на основании явно недостаточных данных с даже толком не известными действующими лицами, из которых достоверно существовали только двое: Игорь и Ольга.

В киевском Софийском соборе частично сохранилась фреска с изображением святой княгини. По этому, к сожалению сильно подпорченному, изображению я бы признал в ней скорее болгарку, чем псковитянку. Кто-то другой вероятно признает что-то другое. Но кто возьмется утверждать, что та древняя фреска вообще имеет какое-то портретное сходство? Даже если бы стены Софийского собора расписывались при жизни Ольги, ее лик скорее определяли бы византийские каноны изображения царственных особ, чем стремление к точности передачи реального образа. А собор был освящен через шестьдесят восемь лет после смерти княгини, и расписывавшие его художники даже во младенчестве вряд ли лицезрели живую натуру. В итоге мы остаемся в неведении относительно ее действительного облика.

Да и ладно бы только облика. О чем можно говорить всерьез, если, за исключением визита в Константинополь, нет ни одного достоверного факта в биографии так называемой княгини — одного из главных действующих лиц трансформации начальной черноморской Руси в известную нам приднепровскую. По разным источникам, она могла быть простолюдинкой и принцессой, северянкой из Пльскова (так назывался Псков по-древнерусски) и южанкой из Плиски (древней болгарской столицы). Без портрета Игоревой вдовы мы бы как-нибудь обошлись, но без знания происхождения Ольги мы не в состоянии оценить ее пра́ва на верховную власть над русью после гибели Игоря и потому можем только фантазировать о способах добывания ею этой власти. Тем не менее, опираясь на факт посещения Константинополя «архонтиссой Эльгой», не приходится сомневаться, что она какую-то власть над какой-то русью и соответствующий титул каким-то образом заполучила. И надолго. Константин Багрянородный величает ее архонтиссой в середине X века, а два десятилетия спустя Лев Диакон называет Святослава, верховного главнокомандующего противо-

стоящего всей империи русского войска, всего лишь катархонтом. То есть Святослав все еще ниже по рангу своей то ли матери, то ли мачехи, то ли тетки, которая, надо полагать, продолжает оставаться архонтиссой, то есть ольгой-каганессой Руси.

В ПВЛ, заполучив верховную власть, Ольга занялась установлением даней и налогов. Насчет даней и налогов, это, конечно, очередная отсебятина сочинителей ПВЛ. Трактат Багрянородного «Об управлении империей» свидетельствует как раз для времени вокняжения Ольги, что архонты руси еще не получали даней и не собирали налоги, что свойственно организованному централизованному государству, а кормились полюдьем — по старой привычке викингов-варягов кружили (выражение Багрянородного) по окрестностям и прибирали к рукам все, что плохо лежало. То есть попросту обирали аборигенов. А то и продавали их самих в рабство. И это тоже свидетельствует о том, что никакого настоящего государства еще не было — государи не торгуют своими подданными.

Хотя никаких даней Ольга не устанавливала и никаких налогов не собирала, сто́ит обратить внимание на географию устроительной и фискальной деятельности, которую ПВЛ приписывает новоиспеченной княгине. Сначала, в 946 году по хронологии ПВЛ, ее первыми упорядоченными данниками стали покоренные и приведенные к покорности древляне, а на следующий год Ольга отправилась устанавливать новые порядки в Новгородскую землю по рекам Мсте и Луге. Вернувшись в Киев после этого вояжа, она неожиданно отошла от государственных дел и целых семь лет отдыхала: годы с 948 по 954 в ПВЛ пусты. Если это означает, что порядок во всей ее стране уже был наведен, то владения Ольги в интерпретации ПВЛ включали в себя только Киевщину, Древлянщину и Новгородчину.

В этой связи полезно заглянуть чуть-чуть вперед на наследство, которое якобы ставил своим детям ее то ли сын, то ли пасынок, то ли племянник Святослав. Оказывается, все то же самое: Ярополку — Киевщину, Олегу — Древлянщину, Владимиру — Новгородчину! Вряд ли это случайное совпадение. Киевская Русь времен Ольги и Святослава скорее всего ограничивалась этими тремя составными частями и, соответ-

ственно, тремя регионами полюдья — источниками доходов. (Прямо как в марксизме-ленинизме: три источника и три составные части!) А всякие там якобы ранее примученные вятичи да радимичи, кривичи да уличи — не более чем очередной треп сочинителей ПВЛ, чтобы придать побольше форсу выдуманной ими довладимировой Киевской Руси и чем-то занять мифических «киевских князей» от Кия до Вещего Олега.

Но даже зная все три составные части исходной Киевской Руси, вряд ли возможно очертить ее границы. Если с Киевщиной особых вопросов нет, то, когда разговор заходит о Новгородчине и особенно Древлянщине, мы погружаемся в туман неопределенности. Ведь во время вокняжения Ольги Новгорода Великого еще не было физически, зато Древлянщин было целых две: земля приднепровских собственно древлян ПВЛ и место обитания каких-то причерноморских «дервей» все той же ПВЛ. Плюс к этому, в тех же краях, а именно в Крыму, был свой Новгород — Неаполь[1] Скифский. Разрушенный в III веке готами, бывший греческий полис тем не менее всегда оставался в сфере интересов Крымской Готии и, как следствие, начальной руси. По предположению некоторых историков, именно он был резиденцией одного из первых предводителей руси Бравлина, совершившего самый ранний зафиксированный источником, а именно одной из редакций Жития св. Стефана Сурожского, пиратский рейд по крымскому побережью где-то на рубеже VIII—IX веков.

Лишив доверия ПВЛ, мы в попытках выявить крохи истины вынуждены обращаться к другим, то есть «зарубежным» источникам, поскольку иных отечественных просто нет. Можно было бы надеяться, что мрак над событиями, связанными с вокняжением Ольги и трансформацией крымской руси в приднепровскую, на которые отечественные былины лишь бросают тонюсенький лучик света, смогут рассеять два письменных документа того времени: договор Игоря с Византией, помещенный в ПВЛ первой из двух статей за 945 год, и объемное описание Константином Багрянородным визита Ольги в Константинополь.

Увы, не рассеивают.

---

[1] По-гречески Νεαπολις — «новый город».

С договором, точнее его «списком» в ПВЛ, чересчур много непонятного. Текст «списка» явно правлен и «обогащен» сочинителями и редакторами ПВЛ. Чего сто́ит одно только упоминание в нем в качестве русских городов Киева, Чернигова и Переяславля. Можно спорить, был ли уже в то время Киев русским городом и столицей Руси, можно сомневаться, существовал ли в то время Чернигов, но вот Переяславля в середине X века точно не было! Город возник в самом-самом его конце. В этом пункте археология не оставляет нам ни малейших сомнений.

В само́м договоре нет даты его подписания, а вставка текста договора отдельной статьей за 945 год — явный волюнтаризм составителей ПВЛ[1]. Поэтому мы не можем с полной уверенностью утверждать, что договор вообще имеет отношение к Игорю и Ольге. Правда, в преамбуле договора они оба названы впрямую, но ситуация здесь ничуть не лучше, чем с Вещим Олегом в договоре 911 года. Вновь Игорь представлен великим князем, а Ольга — княгиней, вновь видим великих бояр, то есть вновь имеем дело с очевидными анахронизмами. Очевидно, что эти имена и титулы вставлены в текст договора задним числом, вероятно вместе с «русскими городами» в комментарии к нему.

Кроме трех имен великокняжеской семьи мы находим в «списке» договора множество других, о носителях которых абсолютно ничего не известно, так как их имена более нигде в ПВЛ не встречаются, что, кстати, тоже говорит в пользу очень поздней вставки «списка» договора в ПВЛ. Из этих имен наибольший интерес вызывают некие Володислав и Предслава, чьи статус и отношение к семейству Игоря никоим образом не прояснены, а также два племянника Игоря, одного из них зовут тоже Игорем, а другого вроде бы Прастеном Якуном.

Имена обоих племянников, заметим, все еще германские. Помянуты они почему-то в разных местах и в разных контекстах. Первый назван одним именем, второй — почему-то двумя, причем одно имя — готское «Прастен» (*Фра-*

---

[1] Из-за этой механической поздней вставки в ПВЛ оказались две статьи за один год — уникальный случай.

стен), а другое — скандинавское «Якун» (Hakón). У первого имеется собственный посол, некий Слуды, второй послом не обзавелся, он сам выступает в роли собственного посла. Первый помещен непосредственно вслед за Игорем, Святославом и Ольгой, а второй — где-то в середине длинного списка. Между ними около десятка имен, среди которых есть вроде бы и собственно владыки руси, и представляющие их послы.

Я не зря оговорился «вроде бы» — структура преамбулы невнятна. Перечень имен открывается личным послом Игоря (Ивором). Потом несмотря на подзаголовок «общие послы» перечисляются не общие, а личные послы Ольги (Искусеви), Святослава (Вуефаст), Игоря младшего (Слуды), Володислава (Улеб), Предславы (Каницар) и вдруг зачем-то жены Улеба (Шихберн Сфандр). Наконец, далее идет последовательность имен пáрами, в которых все вторые компоненты имеют окончание «-ов» (с одним исключением, в котором исследователи договора предполагают ошибку переписчика). Эти пары можно понимать двояко. Во-первых, как имя и фамилию (например, Егри Евлисков, Прастен Бернов, Истр Аминдов), но как-то странно видеть «фамилии» на «-ов», образованные от германских корней при германских же именах[1]. Да и рановато для таких фамилий. Считается, что фамилии появились на Руси не ранее XIV века. Во-вторых, также пары могут образовывать имена посла и его патрона (то есть, Егри — посол Евлиска, Прастен — посол Берна, Истр — посол Амунда), но тогда мы вновь имеем не общих, а личных послов или представителей. Наконец, замыкает список череда купцов, а обещанных в начале «общих послов» мы так и не увидели. То есть оригинальная структура договора явно нарушена в его «списке», представленном в ПВЛ.

Аналогично договору 911 года, далеко не все «имена» в преамбуле договора 945 года могут быть безусловно признаны таковыми. Вновь в этой запутанной донельзя мешанине

---

[1] На древнескандинавском: Егри (eggþrima) — «битва»; Берн (bjorn) — «медведь»; Истр (istra) — «пузатый». Имя Прастен образовано от готского *фраст* — «ребенок, потомок».

якобы имен встречаются слова, которые очень трудно признать именами, например, «Каницар». Некоторые имена, как и в договоре 911 года, подозрительно стоят во множественном числе: «Слуды», «Искусеви».

Что касается «Слуды», то здесь можно предположить, что мы имеем дело со множественным числом славянизированного и, как следствие, «сатемизированного» готского корня *хлуд* в смысле «известные, знатные». Не могу придумать сколько-нибудь разумное объяснение для «Искусеви», разве что латинское exclusivi — «исключительные, высокородные». Однако откуда бы взяться в договоре латыни? Но в любом случае отказываюсь, просто не могу признать «Искусеви» именем человека. То же самое для «Каницара», что, впрочем, вполне может быть испорченным германским Kanzler — «канцлер»[1] в смысле секретаря посольства. (Как тут не вспомнить секретаря посольства 911 года Стемида!) Может быть мои этимологии наивны и не совсем точны, но эти «знатные», «высокородные» и «канцлер» вполне уместны и самодостаточны в преамбуле договора.

Продолжая попытки по возможности восстановить исходный текст договора 945 года, нельзя обойти Володислава и Предславу, которых вряд ли могли выдумать и внести в договор правщики текста «списка», так как нигде в ПВЛ больше эти имена не встречаются. Поэтому именно Володислав с Предславой и были, вероятнее всего, главными фигурантами в оригинале договора, к которым относились все эти *слуды, искусеви* и *каницары*, превратившиеся в «имена»[2] только тогда, когда между ними (но, разумеется, перед Володиславом, Предславой и всеми прочими!) составители ПВЛ воткнули казавшихся им здесь необходимыми, но почему-то пропущенными «великого князя», «княгиню» и «княжича», вследствие чего во главе «списка» договора перед Володиславом и Предславой появились имена Игоря, Ольги и Святослава. Очевидно при вставке вместе с ними случайно за-

---

[1] Опять же от латинского cancellarius — «секретарь».

[2] Еще раз вспомним, что в древности не было заглавных букв, и имена собственные на письме ничем не выделялись.

тесались слова «общие послы», оставшиеся невыполненным обещанием.

Окончательно запутывает дело странная грамматическая чересполосица в изложении остального текста договора. Первое предложение преамбулы 945 года повторяет начало договора 911 года «Мы [выделено мной. — *В.Е.*] — от рода русского [далее следует частично рассмотренный выше длинный список имен. — *В.Е.*]... посланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжья, и от всех людей Русской земли». Здесь представители «рода русского» сами говорят о себе в первом лице. Но уже во второй фразе первое лицо неожиданно сменяется третьим: «И им [выделено мной. — *В.Е.*] поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбцем дьяволом, и утвердить любовь между греками и русью». Ясно, что не сами послы рода русского говорят о себе в третьем лице. Да и вряд ли они, все еще язычники, упомянули бы «враждолюбца дьявола». За них это сделал какой-то монах-компилятор.

В следующем предложении однако вновь возвращается первое лицо: «Великий князь наш Игорь, и бояре его, и люди все русские послали нас [оба выделения мои. — *В.Е.*] к Роману, Константину и Стефану, к великим царям[1] греческим...» — чтобы в дальнейшем тексте бесповоротно смениться совсем другими, неграмматическими, византийскими лицами, диктующими текст договора и навязывающими руси свою волю на правах победителей.

То есть совершенно очевидно, что помещенный в ПВЛ так называемый «список с договора» на самом деле представляет собой сложную компиляцию различных исходных текстов неизвестного происхождения с наложением произвольных правок компиляторов и правщиков ПВЛ. Это в свое время отметил еще А. Никитин: «Сам факт существования подобного интерэтнического и, в то же время, суперстратного по отношению к местным племенам социума

---

[1] Ох уж эти правщики «списков» договоров! У них «великими» стали не только русские князья, но и византийские цари.

росов... объясняет недоумение по поводу многочисленности Росий / Русий и, в свою очередь, ставит перед исследователем проблему дифференцированного подхода к сведениям о разных группах росов / русов, которые содержатся в письменных источниках. При этом главным препятствием оказывается не разнообразие источников, а многовековой стереотип идентификации руси / Руси исключительно с районом Среднего Поднепровья, наиболее последовательно проведенный авторами и редакторами ПВЛ, **адаптировавших в ее состав** [выделено мной. — *В.Е.*] тексты самого разного происхождения, в первую очередь, договоры с греками». Эх, кабы речь шла только об адаптации!

Итак, договор 945 года явно не оправдал наших надежд в качестве объективного свидетельства состояния дел в среде руси на момент гибели Игоря и вокняжения Ольги. Поэтому перейдем ко второму документу, с которым мы связывали эти надежды, — трактату Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» с описанием посещения Константинополя «архонтиссой Эльгой».

И тут нас с самого начала поджидают неприятности. У историков до сих пор нет единого мнения даже о том, когда этот визит имел место. Конкурируют две даты с интервалом в одиннадцать (!) лет. ПВЛ датирует эту поездку 955 годом, но этой ее датировке, как обычно липовой, по счастью в данном случае имеется объективное опровержение. В отчете о двух приемах «архонтиссы», Константин Багрянородный не указывает год, когда состоялись приемы, но приводит числа месяцев и дни недели. Их сочетание для времени правления Константина соответствует только 946 и 957 годам. Одни историки, в частности из наших современников Г. Литаврин, отстаивают первую дату, другие, например А. Назаренко, — вторую. Однозначно выбрать одну из них не представляется возможным. Каждая из альтернатив имеет свои плюсы и минусы. Здесь не место вдаваться в подробности противостояния и рассматривать аргументы обеих сторон, весьма изощренные, но, надо признать, не слишком убедительные. Между тем, то, куда направилась Ольга сразу после гибели мужа, имеет немалое значение.

Не доверяя датировкам ПВЛ, мы не обязаны считать годом гибели Игоря именно указанный там 945 год. Однако в любом случае это произошло после катастрофы 941 года, следствием которой стала необходимость уйти из Крыма и начать покорение приднепровских славян и ославяненных гóтов. Если договор, отнесенный в ПВЛ к 945 году, был действительно заключен лично Игорем, а не какими-то Володиславом с Предславой, то заключен через год-другой после рейда 941 года, и тогда смерть Игоря наступила где-то в первой половине 40-х годов. В данном случае ПВЛ если и ошибается, то несильно. Приняв в качестве ориентировочной дату гибели Игоря, приведенную в ПВЛ, и вновь обращаясь к году визита его вдовы в Константинополь, мы имеем два варианта ответа и соответственно можем предполагать две разные его причины.

Если визит состоялся в 946 году, то логично было бы связать его с потерей Ольгой супруга и желанием опереться на Византию в борьбе за верховную власть над русью, например с теми самыми Володиславом и Предславой, в лихое время утери отчизны и, как следствие, внутреннего разброда и шатаний. Если же визит относится к 957 году, то побудительные мотивы могли быть иными. В контексте почти одновременного посольства Ольги 959 года к императору Оттону I с просьбой направить на Русь священников для распространения в ней христианской веры можно предположить, что во второй половине 50-х годов главной заботой Ольги стала не столько легитимизация и упрочнение личной власти в борьбе с разными Володиславами и Предславами, сколько христианизация страны в качестве главного аргумента в ее противостоянии Святославу. Поэтому сразу вслед за неудачей в Константинополе следует обращение к Риму.

С другой стороны, провал русской миссии епископа Адальберта заставляет заподозрить, что и в конце 50-х годов власть Ольги все еще не была абсолютной и достаточно прочной. Она так и не смогла одолеть внутреннюю оппозицию ее курсу на христианизацию Руси, возглавляемую, как принято считать, ее то ли сыном, то ли пасынком, то ли племянником Святославом. Хотя на самом деле с равной ве-

роятностью речь может идти о продолжении противостояния с Володиславом и Предславой, перешедшем в конфессиональную сферу, или о каком-то новом конфликте, например, со Свенельдом или Ярополком.

Традиционно с поездкой Ольги в Константинополь тесно увязывается тема ее крещения. ПВЛ прямо утверждает, что крещение было главной целью вояжа и что княгиня приняла его лично от императора вместе с благословением патриарха. Но это может быть очередной «уткой» сочинителей ПВЛ. Как уже было замечено выше, Константин Багрянородный не указывает цель визита архонтиссы, но это полбеды — другим был озабочен император. Но в любом случае трудно себе представить, чтобы он вообще не упомянул факт крещения архонтиссы-варварки, особенно совершенное им собственноручно.

Некоторые историки, тоже не доверяя ПВЛ в данном вопросе, считают присутствие в русской делегации некого попа Григория решающим аргументом в пользу того, что Ольга приехала в Константинополь уже крещеной. Вряд ли этот аргумент столь решающ, да и вообще сколько-нибудь значим. Текст Константина вовсе не дает оснований полагать, что речь идет о личном духовнике Ольги. В реестре получавших императорские подачки этот поп вписан рядом с двумя общими переводчиками, а получал он даже меньше их (его 8 миллиарисиев против 12 у переводчиков), в то время как личный переводчик архонтиссы упомянут отдельно, и он удостоился почти вдвое большего куша (15 миллиарисиев). То есть вписанный рядом с общими переводчиками поп, причем поп явно невысокого ранга, тоже, скорее всего, был общим. В многочисленной делегации руси наверняка были христиане, которых поп должен был окармливать. Наконец, этот поп Григорий вообще не обязан был обслуживать ни княгиню, ни членов делегации, он вполне мог быть, например, делегатом какой-то христианской общины руси.

Таким образом, представляется более вероятным, что в Константинополь Ольга ездила, не будучи крещена. На мой взгляд, в пользу этого говорит еще одно умолчание в опусе Багрянородного. Если бы Ольга была христианкой, то она

обязательно посетила бы службу в дворцовой церкви, а то и в самóй Софии, и это, хочется думать, тоже не преминул бы отметить Константин. Не отметил.

Вояж Ольги в Константинополь остался очередным темным местом ее биографии, хотя сам факт посещения княгиней Константинополя сомнений не вызывает. Более того, ряд историков даже полагают, что Ольга совершила в Царьград целых две поездки. Одна из них была задокументирована Константином Багрянородным, хотя и не дала результата, а вторая, успешная, во время которой якобы Ольга крестилась и подписала очередной договор с Византией, нашла отражение только в ПВЛ. Эх, найти бы тот договор! Ну, на крайний случай, хотя бы «список» с него.

Ненадежность, мягко говоря, ПВЛ как источника заставляет весьма скептически отнестись не только ко второму визиту Ольги в Константинополь, но и к ее вояжу на Новгородчину, приуроченному ПВЛ к 947 году. С другой стороны, без такого вояжа объяснить события середины X века в Среднем Поднепровье будет еще сложнее, чем с ним.

В пользу реальности поездки говорит трактовка С. Горюнковым образа бабы Латыгорки в северных былинах как латгалки и обсуждавшаяся выше возможность северного прибалтийского происхождения Ольги. Тогда датированную в ПВЛ 947 годом поездку в Приильменье логично было бы представить вынужденным обращением молодой вдовы к своей, а может быть и мужниной тоже, родне за помощью в борьбе за киевское полюдье. Похоже, поездка оказалась результативной, и власть в Киеве в конечном счете захватили приглашенные Ольгой «находники» с севера, что ПВЛ отразила непрерывной чередой походов новгородцев совместно с варягами на Киевщину: сначала Аскольда с Диром, потом Вещего Олега, наконец Владимира и Ярослава.

КУКУШАТА ГНЕЗДА СВЯТОСЛАВОВА

У старинушки три сына:
старший умный был детина,
средний сын — и так, и сяк,
младший — вовсе был дурак.
П. Ершов. «Конек-горбунок»

У А. Членова в его хождении «по следам Добрыни» в неимоверном нагромождении фантастических несуразиц есть, в частности, и такая мелкая, однако настолько любопытная, что невозможно пройти мимо нее. Разумно отметая братьев Рюрика как фигуры вымышленные, Членов тем не менее традиционно сохраняет его самого в качестве реального персонажа истории Руси, но отказывает в знатности и называет варяжским авантюристом, безродным кондотьером, захватившим новгородский трон и узурпировавшим власть в Новгороде. Да и ладно бы. Ни в молчаливом отождествлении Рюрика Новгородского с564Реком Ютландским, ни в сочинении «биографии» мифического Рюрика, ни в изобретении «истории» не существовавшего в то время Новгорода Великого Членов отнюдь не первый. Да и наверняка не последний. Внимание привлекает другое. Членов неожиданно обвиняет Рюрика-Ререка в узурпации не только новгородского трона, но и «тронного имени, соразмерного княжеству новгородскому». Опустим тот ныне общеизвестный факт, что в Рюриковы времена никакого «княжества новгородского» в природе не было и его размеры соответственно — круглый ноль квадратных метров. Поговорим не о владениях, а об имени «узурпатора».

А. Членов убежден, что безродный авантюрист не мог иметь имя «Ререк», которое он переводит как «могучий славой» и считает присущим только конунгам и ярлам. Не берусь судить, какие имена давали родители детям в предвидении, что те вырастут безродными авантюристами, и прису-

ще ли кондотьеру имя «Ререк», но сам перевод этого имени у Членова не совсем точен. На самом деле Ререк (Hrørekkr[1]) этимологизируется из древнескандинавского языка примерно как «славный повелитель» или «прославленный воитель» и в своем истинном значении действительно смотрится подходящим скорее конунгу, чем простолюдину. Так вот, любопытно то, что перевод Членова «могучий славой», не совсем точный для Ререка с древнескандинавского, оказывается практически точным «переводом» для... Святослава со смешанного готско-славянского. Дело в том, что готское слово *свинт*, которое в славянских устах прозвучало бы, с учетом назализации гласной, как «свентъ» (с носовым *е*), означало как раз «сильный, могучий» [2]. Тогда *Сфендостлавос* Багрянородного в таком комбинированном готско-славянском «переводе» действительно превращается в... «могучего славой». Это имя настолько подходит Святославу, каким мы его знаем из ПВЛ и византийских хроник, что рождает подозрение в том, что «Святослав» не имя от рождения, а прозвище князя. Точнее кеннинг с учетом его предполагаемого германского, по крайней мере по отцу, происхождения.

Наверное для читателя не лишним будет пояснить, что за зверь такой этот кеннинг. Всегда находящаяся под рукой палочка-выручалочка в таких вопросах, Википедия, разъясняет его так: «Кеннинг представляет собой описательное поэтическое выражение, состоящее как минимум из двух существительных и применяемое для замены обычного названия какого-либо предмета или персоны. Пример: «сын Одина» — Тор, «вепрь волн» — корабль, «волк пчел» (то есть Беовульф) — медведь», — добавляя к этому, что кеннинги характерны для скальдической поэзии. В более широком плане кеннинги — атрибут германского эпоса, непременный

[1] Hrørekkr выводится из древнескандинавских hróðr — «похвала, восхваление» и rekkr — «воин», «мститель» и «повелитель» (различные значения из-за многофункциональности глагол reka — «колоть, наносить удар; мстить; править; свергать, низлагать» и др.

[2] Общеславянское *свентъ* в восточнославянском закономерно превращается в *святъ*. Тогда не готского ли происхождения наше слово «святой» — в своем первичном значении «всемогущий»?

элемент этикета героического повествования. Если «Святослав» — это славянизированный германский кеннинг, то предлагаемое его значение «слава силы» как нельзя более подходит к привычному для нас образу его носителя.

Так мы вплотную подошли к чрезвычайно важному для истории древней Руси вопросу об именах Святослава и его детей по версии ПВЛ: почему у властителей руси с германскими, казалось бы, именами «Игорь» и «Ольга» один сын получает германское имя «Глеб»[1], а другой — славянское «Святослав», и у него из якобы трех сыновей двое тоже имеют славянские имена «Ярополк» и «Владимир», а третий — по-прежнему германское «Олег»?

Собственно, ответ на последний вопрос мы уже знаем. Не было у Святослава никакого сына по имени «Олег», как не существовало в то время и самого́ такого имени. Был некий древлянский правитель-ольг — потомок ольга руси, пришедшего «в Дерева́» то ли из Крыма, то ли из Моравии, то ли еще откуда-то. Может быть, если следовать реконструкциям С. Горюнкова, его настоящее имя было «Малфред», как у всех правителей в его роду. Вряд ли он был сыном Святослава. В любом случае этот «Олег» не сыграл никакой роли в истории днепровской Руси. Поэтому авторы ПВЛ, не особо заморачиваясь, не стали придумывать ему ни имени, ни биографии и сразу убрали с исторической сцены руками Ярополка. Во всем этом достойно интереса только одно. Здесь мы вновь сталкиваемся с ярким примером так называемого «опрокидывания» современности в прошлое сочинителями наших «летописей».

Суть этого незамысловатого приема заключается в том, что действующим лицам далекого прошлого, реальным, но про которых толком ничего не известно, а то и вовсе выдуманным, автор приписывает широко известные деяния своих современников. Так захваты Киева новгородцами сначала

---

[1] В. Татищев на основании каких-то только ему известных данных считал, что у Святослава был брат Глеб, чье имя в первоначальном виде «Улеб» этимологизируется их древнескандинавского ulv — «волк». (Некоторые лингвисты допускают влияние промежуточного финского yleva — что-то вроде «верховный» от ylä — «верхний»).

во второй половине X века при Ярополке (поход Владимира Крестителя), а затем в первой половине XI века при Святополке (поход Ярослава Мудрого) «опрокинулись в прошлое» мифическими походами IX века из Новгорода на Киев Аскольда с Диром и Вещего Олега. Точно так же череду братоубийств среди детей Владимира, произошедшую в XI веке фактически на их глазах, сочинители ПВЛ воспроизвели еще раз в прошлом аналогичными убийствами у изобретенных ими же детей Святослава [1]. В результате в ПВЛ Олега, якобы сына Святослава, губит его якобы брат Ярополк, а Ярополка, в свою очередь, убивает якобы брат того Владимир.

Можно предположить, что такой поворот событий был специально введен авторами ПВЛ в процессе «плетения сюжетов». С одной стороны, они конструировали историю Киевской Руси в соответствии с узаконенной веком ранее митрополитом Иларионом генеалогией царствующего дома, в которой у всех властителей Руси имелся один-единственный наследник. С другой стороны, они потихоньку приучали читателя к череде братоубийств, чтобы тому уже не казалось столь отвратительно противоестественной вакханалия резни среди многочисленных отпрысков крестителя Руси, которые, словно кукушата в чужом гнезде, методично и сноровисто выпихивали из гнезда, то бишь самого богатого киевского полюдья, по очереди всех братьев-соперников. И без колебаний приканчивали их, чтобы обезопасить свое царственное «гнездо» в будущем. Толкотня продолжалась, пока в «гнезде» не остался один-единственный «благоверный каган Ярослав-Георгий», последний в идеализированной илларионовой цепочке единственных и потому абсолютно легитимных наследников власти над Русью. Тут можно было бы провести параллель и с «Десятью негритятами» А. Кристи, если бы этот последний оставшийся в живых кукушонок подобно судье Уоргрейву лишил бы жизни и себя. Но Ярослав не по-

---

[1] В ПВЛ мифические братья-князья фантомного прошлого предпочитают фигурировать тройками: Кий, Щек и Хорив; Рюрик, Синеус и Трувор; Ярополк, Олег и Владимир. В общем, «У старинушки три сына...». Сказка — она и есть сказка.

следовал сюжету «Негритят». Не читал он детективов, да и револьвер отыскать ему было трудновато.

Исключив не существовавшего в природе сына Олега, мы остаемся один на один с загадкой появления в среде руси первых славянских имен — самого Святослава и записанных авторами ПВЛ ему в сыновья Ярополка и Владимира.

Если «Святослав» — имя от рождения, то дать его сыну могла только мать-славянка. Например, ольга Прекраса, она же великая княгиня Ольга ПВЛ, но мы так и не знаем, славянка ли она и, кроме того, действительно ли была Святославу матерью, а не мачехой или теткой. Помимо ольги Прекрасы нам предположительно известна только одна высокородная славянка того времени — мельком упомянутая в договоре Игоря 945 года некая Предслава. Может оказаться принципиально важным, что у нее, как и соседствующего с ней в договоре какого-то Володислава, общий со Святославом второй компонент имени «-слав». Это наводит на мысль о родовом характере этого компонента (подобно «Малу» в готской династии древлян) и, следовательно, близком родстве всей троицы. Отсюда буквально один шажок до предположения, что Святослав был сыном Володислава и Предславы. Или хотя бы Игоря и Предславы, если не лишать признаваемого греками отцовства Игоря. Впрочем, одно может не исключать другого, если Игорь и Володислав — два имени одного и того же лица. Но о такой возможности поговорим чуть позже.

В свое время В. Татищев высказывал предположение, что Предслава была женой Святослава. В принципе, конечно, это возможно. Но не жена же давала имя мужу, а кто-то ведь должен был дать Святославу славянское имя! Кроме того, общий компонент «-слав» у Володислава, Предславы и Святослава склоняет скорее к их кровному родству, а не свойству.

Если же «Святослав» не имя, а кеннинг со значением «славный силой», то таковой мог появиться только в дружинной среде, причем смешанной германско-славянской. Тогда следует признать, что войско Святослава в значительной степени состояло из славян, что, впрочем, следовало бы

предположить без всяких этимологий из самых общих соображений. Как мы теперь знаем, Святослав отправлялся в свои славные походы на хазар и болгар не из Киева, а из Крыма, и трудно себе вообразить, что он смог бы набрать свою сокрушившую Хазарский каганат и потрясшую Византийскую империю армию только из крымской руси, отнюдь не многолюдной изначально, да к тому же основательно прореженной войной с хазарами и византийцами. Между тем археологи единодушны в том, что в Крыму X века еще нет никаких следов славян.

Появление массы славян в окружении Святослава можно было бы объяснять присоединением к нему Свенельда с его древлянами и уличами. Однако славянство древлян мы уже поставили под сомнение, а славянство (да и само существование, удостоверяемое только ПВЛ!) уличей вряд ли можно считать доказанным фактом. Наконец, не славянское это дело выдумывать кеннинги. Тем более свенельдовым славянам — кеннинг Святославу. Более вероятным кажется предположение, что воинский контингент Святослава существенно пополнился славянами уже непосредственно на Дунае. Вот только вряд ли болгарами, как фантазирует С. Скляренко в своем романе «Святослав», изобилующем трогательными примерами беззаветной взаимной братской любви между пришлыми восточными и местными южными славянами. В отличие от пылавшего любовью к братьям-славянам героя романа Скляренко настоящий Святослав с настоящими болгарами не братался, а воевал, воевал по-настоящему и по ходу войны попавшихся ему под горячую руку местных славян вешал и распинал без разбору и без счета, целыми городами, не щадя ни женщин, ни детей. В конце концов в Доростоле он казнил даже присоединившихся к нему представителей антивизантийски настроенной болгарской знати. Нет, болгары не смотрятся в качестве массовых волонтеров его ополчения.

Однако наверняка на северном берегу Дуная еще оставалось немало славян, бывших моравских подданных, частично покоренных венграми, частично вообще «бесхозных», которые с радостью присоединились бы к кому угодно ради

военной добычи и клочка земли. В этом плане, по-моему, следует обратить внимание на слова самогó Святослава в ПВЛ. Вынужденно соглашаясь на капитуляцию под Доростолом, Святослав так объясняет ее необходимость своему войску: «Заключим же с царем [императором Цимисхием. — *В.Е.*] мир: ведь они уже обязались платить нам дань [эта дань — очередная бессовестная ложь сочинителей ПВЛ, победители побежденным даней не платят. — *В.Е.*], — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». То, что в этой сентенции имеется в виду днепровская Русь, заставляет усомниться сам Святослав. Непосредственно перед этим он признает, что «Русская земля далеко» и поэтому на помощь оттуда рассчитывать не приходится. А кроме того, он еще раньше признавался, что с днепровской Руси рассчитывает получать «меха и воск, мед и рабов». Рабов, не воинов. Поэтому более вероятно, что сам Святослав, если бы он на самом деле где-то когда-то говорил своим людям что-либо о собирании множества воинов для новых походов, то имел бы в виду не далекую поставляющую меха, мед и рабов днепровскую Русь, не столь же далекий и отнюдь не изобилующий человеческими ресурсами Крым, а именно дунайское левобережье, тамошних славян. Русь, в смысле Киевской Руси, в его речи стала подразумеваться в интерпретации сочинителей ПВЛ, которые ничтоже сумняшеся приписывали своим персонажам угодные самим сочинителям мысли и действия и даже очень любили вкладывать им в уста собственные слова в виде прямой речи.

Нельзя исключить и возможность того, что в те времена в Подунавье существовала какая-то иная Русь. Кто знает, куда растеклись и где осели остатки крымской руси Игоря после учиненного ей хазарами и греками разгрома? В версии Т. Пешины какая-то русь объявилась в Моравии. И тут нельзя пройти мимо очередного временнóго совпадения. В середине X века, когда появляются первые сообщения о Киеве в трактате Багрянородного «Об управлении империей» и «Киевском письме», одновременно с ними персидский географ аль-Истахри впервые говорит о трех «разрядах» руси: Куябе, Славии и Арте (Артании).

Два первых «разряда» традиционно соотносятся историками с Киевом и Новгородом. Относительно Арты единого мнения нет, но я считаю возможным соотнести эту Арту с Крымом[1]. Что же касается Славии, то ею, вопреки общепринятому мнению, не мог быть Новгород, который в середине X века еще физически не существовал. Гораздо более, на мой взгляд, разумно соотнесение Славии аль-Истахри, которую тот считает самым далеким «разрядом» руси, с Подунавьем, где, кстати говоря, располагает Славию, то есть славянскую «прародину», наша ПВЛ. Именно славянское левобережье Дуная, предположительно Славия аль-Истахри, могло в то время предоставить Святославу практически неистощимый рекрутский контингент для реализации его амбициозных планов. Может быть именно оно так притягивало к себе Святослава, что тот бросил фактически завоеванную Болгарию и вернулся к Дунаю, потом, выкуриваемый Цимисхием, до последнего не хотел уходить из Доростола и, наконец, если верить ПВЛ, небольшой болгарский городок Переяславец Дунайский, а не столичные, но далекие от Дуная Плиску и Преслав (и уж конечно не Киев!) называл серединой своей земли.

Кроме того, Святослав еще до болгарской кампании успел покуролесить по заселенным славянами землям Северного Причерноморья. Чего стóит один его хазарский рейд. Позднее, непосредственно перед походом в Болгарию, как считал В. Татищев, Святослав поднимался вверх по Днестру на соединение с венграми. Там и тогда к нему вместе с венграми могли примкнуть приднестровские славяне. Но не приднепровские. Похождения Святослава на Волге, Дону и Тереке косвенно удостоверяют арабские авторы. Военные действия на Дунае подробно описаны византийцами. И только с Днепром биография Святослава пересекается единственно в ПВЛ, что настораживает само по себе. Там этих не внушающих доверия пересечений всего два, и оба как-то мельком: освобождение Киева от печенежской осады

---

[1] Более подробно об этом в приложении «Как возникла начальная русь?».

да гибель на днепровских порогах. И то и другое — далеко не факты. И то и другое не доказуемо. Хотя и не опровергаемо. Но то и другое в изложении ПВЛ так напичкано несуразностями, что многократно усиливает априорное недоверие к ПВЛ.

Печенежскую осаду с Киева сначала в отсутствие Святослава снимает воевода Претич, а героический князь поспевает к шапочному разбору. Причем, заметим, печенеги бегут врассыпную не от атаки дружины Претича, а от одного имени Святослава, от слуха о его приближении. А чуть позже на днепровских порогах те же печенеги почему-то не думают бежать не только от имени, но и от самого грозного князя, а преспокойненько дожидаются его и убивают не дрогнувшей рукой. Получается, Святослав с «малой дружиной» только одним своим именем гонит взашей печенегов от Киева, а во главе своей возвращающейся из Болгарии закаленной в боях десятитысячной армии настолько их боится, что остается на тяжелейшую зимовку на Белобережье, лишь бы избежать встречи с ними. Однако после зимовки все-таки прет на рожон вверх по Днепру с уже ослабленным голодовкой и поредевшим войском, хотя, как показывает пример Свенельда в самой ПВЛ, был безопасный сухопутный путь в Киев. И, кроме того, была, это-то мы теперь знаем точно, старая надежная база в Крыму, где можно было придти в себя и отдохнуть от ратных трудов! Ан, нет, Святославу зачем-то всенепременно понадобилось в нелюбый ему Киев.

Но мы отвлеклись от имен первых владык руси.

ИМЕНА, ИМЕНА...

Сколько в мире людей,
сколько в мире прекрасных имен.
Имена, имена...

«Мария», русский
текст Л. Дербенева

Первые «славянские» имена правителей руси — на самом деле не такие уж и славянские. Они, я бы сказал, имена-«перевертыши», которые могут этимологизироваться на основе как славянского, так и германского лексикона.

Первый компонент имени «Святослав» можно производить из славянского «свят», что, однако, трудно объяснимо с не лингвистической, а исторической точки зрения для той сугубо языческой среды, в которой Святослав должен был получить свое имя. Но этот же компонент имеет более логичное и релевантное объяснение из готского *свинт* — «сильный, могучий», что на славянском субстрате должно было закономерно превратиться в «свент» (с носовым *е*, что мы действительно видим в греческой передаче *Сфендостлавос* у Константина Багрянородного), а в восточнославянском с утерей ринизма столь же закономерно перейти в «свят».

Даже второй компонент «слав», кажущийся на двести процентов славянским, может оказаться готским в оригинале. То есть, форма «слав» безусловно славянская, но, можно допустить, переиначенная славянами на свой лад из готского *слах*, что означает «драчун» — подходящее имя для забияки-Святослава. Впрочем, это всего лишь замечание по ходу дела. Не будем забывать, что Константин Багрянородный и византийские хронисты называют его все-таки «Свендостлавос». Да и среди первых моравских, чешских и лучанских князей, живших до Святослава, можно найти Ростислава, Внислава и Властислава.

В имени «Владимир» «перевертышами» оказываются оба компонента. У первого компонента «волод» / «влад» имеются близнецы, готский *валд* и древнескандинавский vald, с похожими значениями «владыка, властитель, повелитель». А второй компонент может оказаться даже более готским, чем славянским с учетом превалирующего в летописных материалах написания этого имени «Владимер» (обычно через ять). Вряд ли компонент «мер» произведен из славянской «меры», в то время как готское *мер* — «славный, известный» тут выглядит куда более уместным.

Не чуждый лингвистике А. Пересвет как-то заметил по поводу славянских имен в договоре Игоря с Византией[1]: «Понятно, что Володислав или Предслава столь же надежно этимологизируются, как Ивор или Руалд... Но уже имена типа Вуефаста, Гуды, даже Карлы вызывают полемику». Полемизировать, конечно, можно и даже порой полезно. Но мы в эту полемику ввязываться не будем, потому что уже знаем, что «карлы» и «гуды» — вообще не имена, а этнические детерминативы двух составляющих начальной руси: скандинавов и гóтов. Непонятно, предметом какой полемики может стать имя «Вуефаст», с совершенной очевидностью этимологизирующееся из древнескандинавских búa — «строй, боевой порядок, отряд» и fast — «крепкий, надежный». Зато вполне можно пополемизировать по поводу «надежной этимологизации» Володислава и Предславы.

На самом деле имя «Володислав» — такой же «перевертыш», как и имена «Святослав» и «Владимир», а имя «Предслава», как это ни парадоксально, вообще плохо поддается славянской этимологизации. Не считать же, право, его первым компонентом предлог «перед» в неполногласном варианте «пред». Зато, опять же, компóнент «пред» хорошо и, главное, чрезвычайно уместно для женского имени объясняется из готского *фрид* и соответствующего ему древнескандинавского fríđr — «красивая». Разумеется, это объяснение учитывает уже знакомую нам регулярную замену

---

[1] *А. Пересвет.* К этимологии некоторых неславянских имен начальных русских летописей. (Интернет)

при заимствовании начального германского *ф* на славянское *п* и последующее уподобление на письме полученного *прид* аналогично звучащему славянскому предлогу. Безошибочным указанием именно на такую адаптацию служит кажущаяся краткая, а не полногласная форма предлога «перед», как следовало бы ожидать, если бы источником первого компонента имени вопреки здравому смыслу был бы этот предлог. Будь в «Предславе» первый компонент славянским по происхождению, то в X веке, когда восточнославянский язык еще сохранял полногласие, парой полногласному В*оло*диславу должна была бы быть столь же полногласная П*ере*дслава.

Известно, что сын Владимира Мономаха Мстислав имел второе имя «Харальд»[1], под которым он фигурирует в скандинавских сагах. По некоторым данным, «Хильдульф» было вторым именем сына Ярослава Мудрого Изяслава. Примечательно, что ПВЛ никогда не называет Мономашича Харальдом, а Ярославича Хильдульфом. В свою очередь, саги не называют их Изяславом и Мстиславом. Ареалы использования обоих имен не пересекаются. Экстраполируя этот пример, разумно допустить, что предшественники Изяслава и Мстислава — Святослав, Ярополк, Владимир и другие властители Руси — помимо славянских имен, под которыми они известны нам из ПВЛ, могли иметь другие имена, в частности германские, но те, проигнорированные ПВЛ, остались нам неизвестными.

Может быть поэтому мы с удивлением встречаем в греческих хрониках сообщения типа того, что в 1016 году при подавлении восстания стратига Херсона в Крыму совместно с византийцами принимал участие брат Владимира Сфенг. Судя по дате, речь должна идти о Владимире Крестителе, но у того мы не знаем брата Сфенга. ПВЛ нам в качестве братьев Владимира преподносит только Ярополка и Олега, причем второй из них, как следует из наших предыдущих рассуждений, — вообще некий фантом. А вот Ярополк вполне мог

---

[1] Считается, что имя Харальд было дано Мстиславу в честь деда. Но на самом деле его деда по матери, короля Англии, звали по-саксонски Харольдом, а форма Хар*а*льд — скандинавская.

иметь второе скандинавское имя «Сфенг». Правда, в изложении ПВЛ ни Олег, ни Ярополк, ни сам Владимир не дожили до 1016 года. Но разве можно в таких вещах верить ПВЛ? Тем более что, как мы уже вынуждены были допустить, междоусобицу и резню между выдуманными ими же детьми Святослава изобрели сочинители ПВЛ, «опрокинув в прошлое» череду братоубийств среди сыновей Владимира.

Наши историки решили проблему Сфенга в традиционном стиле. Поскольку ПВЛ в отечественной исторической науке безгрешна, новоявленный брат крестителя Руси ею так и не был признан, а в Сфенги зачислили Мстислава Удалого[1], который в ПВЛ не брат, а сын Владимира, хотя ничегошеньки ни о матери[2], ни о дате, ни о месте рождения Мстислава якобы Владимировича сочинители ПВЛ нам не сообщают. А между тем Мстислав Удалой гораздо органичнее вписывается в историческую ретроспективу в качестве сына именно Святослава, а не Владимира, начать хотя бы со славянского имени Мстислава с сохраненным вторым компонентом «-слав», таким же, как в имени отца, к которому тот добавил сыну начальное «мсти-», что смотрится очень естественно для Святослава, посвятившего свою жизнь глобальному мщению всем и вся за отца.

Далее, в ПВЛ Владимир отдает Мстиславу Тмутараканское княжество сразу после корсуньского похода. Но во время этого похода и взятия Херсона Тмутаракань и вообще район Керченского пролива никак не были затронуты военными действиями. Также ПВЛ ничего не говорит нам о какой-либо возможности для Владимира заполучить Тмутаракань до этого похода. То есть, в версии ПВЛ Тмутараканское княжество Руси во время правления Владимира — deus ex machina. На самом деле в 988 году она не могла входить в состав Киевской Руси и соответственно не могла быть пере-

---

[1] Зачисляя Мстислава в Сфенги, наши историки фактически молчаливо признают возможность того, что известные из ПВЛ властители руси могли иметь второе имя, причем никак не славянское.

[2] В ПВЛ Владимир прижил Мстислава «еще от одной жены». Действительно, непросто это — все время придумывать новые персонажи и имена. Иногда можно и малость схалтурить.

дана Владимиром в княжение сыновьям. С другой стороны, если Мстислав Удалой был сыном Святослава, то он естественным образом унаследовал от отца его удел[1] — старую базу начальной руси в Керченском проливе, что автоматически сделало его «князем Тмутараканским».

Наконец, в ПВЛ сын Владимира Мстислав, победив в решающей схватке за власть над всей Русью брата Ярослава, почему-то не воспользовался плодами победы и не занял престол своего отца, а оставил Киев побежденному Ярославу. Очередной абсолютно нереальный сюжетец ПВЛ. Однако если Мстислав — сын Святослава, которому Киев всегда был «нелюб», то понятно пренебрежение Мстислава скромным захолустным городком на Днепре, с которым его ничто не связывало и который в подметки не годился не только большой и богатой Тмутаракани, но даже своему соседу Чернигову. Хотя, конечно, к тому времени отстроенный Владимиром Киев был существенно больше того ничтожного городишки времен Игоря, который сама ПВЛ так характеризует в статье за 945 год: «Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина». То есть весь Киев на момент появления в нем руси умещался на территории четырех дворов (!), и примерно половину этой территории занимал княжеский двор. Воистину «мал градок», как откровенно признает сама ПВЛ! Да и «княжеский двор» не шибко велик.

Однако вернемся к загадке славянского имени Святослава. Возможно она имеет простое решение. Все предводители начальной руси на стадии ее славянизации могли иметь по нескольку имен, в числе которых были и скандинавские, и славянские, и еще бог весть какие. В ПВЛ попадали в основном славянские, хотя это правило не без исключений, в то время как в скандинавских сагах и византийских документах фигурировали и те и другие. К носителям только германских имен в наших летописях можно, например, при-

---

[1] Не от того ли его прозвище «Удалой»? Кстати, по-древнескандинавски слово óðal — «удел, наследственное владение» звучит практически так же, как в русском.

числить Игоря и его сына Глеба, якобы убитого своим братом Святославом. Зато у последнего, наоборот, до нас дошло только его славянское имя. В любом случае в ПВЛ один и тот же персонаж не выступает под двумя именами, разве что по недоразумению, как, возможно, это имело место в договоре 945 года, где Игорь и Ольга могли оказаться продублированы со славянскими именами.

Развивая тему двойных имен, можно допустить, например, что вторым славянским именем или прозвищем Игоря было «Володислав». Его Игорь мог получить, например, если действительно был снаряжен купечеством Приильменья (вспоминаем: былинный Садко снаряжает Святогора!) и отправился на юг к Черному морю во главе дружины, в значительной степени состоявшей из приильменских славян. Вероятно здесь необходимо пояснение. Похоже, приднепровские славяне X века сами себя славянами не именовали. Даже ПВЛ не называет обитателей Киевщины тех времен славянами, они в ней — «поляне», впоследствии «прозвавшиеся русью». А вот жители Новгородчины — те в ПВЛ как раз славяне, точнее «словене», которые «прозвались своим именем». Поэтому, принимая Володислава как прозвище Игоря, вряд ли стоит соотносить «владение» Игорем славянами с Киевщиной и Поднепровьем. Если славяне вообще имеют отношение к Игорю и его прозвищу, то это должны быть славяне приильменские.

Итак, допустим, Игорь имел второе имя «Володислав» и под ним был вписан в договор 945 года. Соответственно, «Предславой» этого договора следует предположить Ольгу, у которой В. Татищев знавал славянское имя «Прекраса». А Прекрасе по смыслу соответствует скандинавская Фрида, она же в славянизированном варианте Прида или... Предслава по аналогии с Володиславом. Если такое допущение верно, то ситуация приобретает прямо-таки гротескно комический характер. Компиляторы ПВЛ, вставившие в ее текст «список» с договора руси с греками статьей 945 года, не узнали в этих Володиславе и Предславе «списка» своих главных героев «великого князя и княгиню», решили, что казавшиеся им тут обязательными имена Игоря и Ольги пропущены по

недосмотру, и поспешили вставить их в текст. Разумеется, в привычном для себя виде с титулами великого князя и княгини. Разумеется, вместе с наследником Святославом. Разумеется, в самом начале, впереди каких-то неизвестных и лишенных приличествующих титулов Володислава и Предславы. В итоге получилось, как в советских времен анекдоте о двух кепках у памятника Ленину: одна, кавказская кепка-аэродром, красуется на голове Ильича, другая, пролетарская со сломанным козырьком, зажата в руке.

По-иному, но ничуть не меньше запутано дело с именем воеводы Свенельда. Казалось бы, здесь все ясно: стопроцентный скандинав, даже отечественная историческая наука с этим смирилась и отразила сей факт в советских и российских энциклопедиях. Действительно, национальность этого персонажа ПВЛ вряд ли подлежит сомнению. Проблема не в ней, а в долголетии вечного «воеводы», который впервые возникает на страницах ПВЛ рядом с Игорем, а окончательно покидает их только с Ярополком, успев тридцать два года прослужить верой и правдой трем князьям и одной княгине, да еще по ходу дела воскреснуть после гибели в сражении у Доростола. Такое долголетие, а главное, воскрешение из мертвых, позволило мне сравнить череду сменяющих друг друга, но выглядящих в ПВЛ на одно лицо свенельдов с незаметно подменяющими друг друга зайцами в рекламе батареек Energizer[1]. Вслед за этим С. Горюнков выдвинул гипотезу о наследственном характере имени «Свенельд» по аналогии с его же гипотезой о наследственном имени «Мальфред» в династии готских правителей древлян. В этой связи Горюнков высказывает дельную мысль: «Современная историческая наука вообще начинает все чаще и чаще сталкиваться с ситуациями, когда оказывается, что имена в генеалогических преданиях правящих родов носят характер не личных, а наследственно-титульных». Сознаюсь, это приятно. То, о чем я давным-давно твержу-долдоню, вроде бы наконец начинает признавать «современная историческая наука». Что ж, пожелаем ей так держать и далее!

---

[1] См. «Читая «Повесть временных лет»» (*В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010)

Разумеется, родовые, наследственные и титульные имена гораздо более в ходу и на слуху, чем личные. Личные имена правителей имеют хождение только при их жизни и только в узком кругу приближенных. Немногие удостаивались широкой известности и памяти потомков. А поскольку ПВЛ и прочие наши летописи описывали события X века спустя полтора-два столетия, личные имена их участников уже мало кто помнил. В случае же властителей руси ситуацию усугубляло то, что у германцев личное имя вообще было табуировано, а вместо него использовались разного рода заменители от родовых и титульных имен до принятых при жизни прозвищ и кеннингов. Именно к таким наследственно-титульным сам Горюнков отнес имена Мальфреда (Мала и Малко ПВЛ) и Свенельда. К сожалению, он не включил в свой перечень самое главное наследственно-титульное имя «Олег» — на самом деле титул верховных правителей начальной руси, впоследствии превратившийся в наследственное родовое имя. Но мы уже исправили это упущение.

А вот в случае со Свенельдом на самом деле ситуация иная. Тут речь как раз может идти не об имени, даже наследственно-титульном, а просто о титуле, звании или должности. Дело в том, что слово «свенельд» имеет в древнескандинавском языке очевидный нарицательный смысл: по-древнескандинавски sveinn — «парень, отрок», а hald — «власть, владение, обладание»[1]. В итоге sveinnhald, он же *свенальд* (варианты *свенельд* или *свенгельд*) в славянизированной передаче, означает нечто вроде «владелец отроков», и это «имя» на удивление точно отражает статус Свенельда при его первом появлении в ПВЛ, где он выступает как раз обладателем отроков, причем отроков лучше одетых, накормленных и вооруженных по сравнению с голодными оборванными коллегами из дружины бедолаги Игоря. В таком качестве своего владеющего отроками персонажа сочинители ПВЛ имели все основания посчитать воеводой. А что касается личного имени этого воеводы, то для них, превративших «свой дом и верную дружину» в братьев Рюрика Сине-

---

[1] Ср. английское hold — в том числе «владеть, иметь, быть обладателем».

уса и Трувора, а череду ольгов начальной руси в «великого князя Вещего Олега», превращение нескольких последовательно сменявших один другого зайцев-*свенельдов* в долгожителя «воеводу Свенельда» было естественным продолжением их трудов на этой ниве, плодами которых обильно произросли якобы личные имена безымянных персонажей русской истории. В их числе и «Свенельд». Причем сочинители ПВЛ, похоже, искренне считали это имя нарицательное именем собственным, личным именем воеводы, так как детей одного из череды «воевод» называли Свенельдичами.

Не здесь ли кроется объяснение имени «Сфенг» византийской хроники? Может быть в ликвидации восстания стратига Херсона участвовал не брат Владимира и не его сын, а всего лишь потомственный высокопоставленный воевода руси, возможно прямой потомок свенельдов-*свенг*ельдов ПВЛ. И если бы в руки ее сочинителей случайно попал этот эпизод византийской хроники, то в ПВЛ Свенельд протянул бы лямку вечного служаки еще дольше, до 1016 года, и успел бы верой и правдой послужить и Владимиру Крестителю, и даже Святополку Окаянному.

В качестве некого курьеза заметим, что возможна другая интерпретация «имени» Свенельда из готского языка как «свинопас», так как по-готски *свин* — «свинья», а **альд* — «пастух, пастырь». Такая интерпретация ведет нас не только к принятию готского происхождения Свенельда, но и признанию верховенства в Древлянской земле гóтов, даже свинопасов, над русью к концу первой половины X века, то есть изменения положения дел на прямо противоположное тому, что мы видели у начальной руси и крымских гóтов еще в начале X века. Следуя этой курьезной интерпретации, можно где-то понять и в чем-то простить сочинителей ПВЛ, для которых ко времени их писательских трудов, то есть к XI—XII векам, все границы между готами и скандинавами, русью и чудью, давно стерлись, а сами эти компоненты начальной руси перепутались настолько, что авторы ПВЛ сочли за благо разрубить этот узел переносом этникона «русь» на неких мифических «полян», то есть обитателей Киевщины, а этникона «чудь» — на финоязычных аборигенов Новгород-

чины. В этой связи хочется привести еще одну справедливую ремарку С. Горюнкова: «Между прочим, именно «готский след» в древнерусской истории очень часто принимался и продолжает приниматься многими исследователями за «норманнский» («скандинавский»)». Вот только чтобы разобраться с этими «следами», нужен следопыт почище самого Натти Бампо!

Наделение Игоря и Ольги славянскими, а Изяслава и двух Мстиславов скандинавскими именами само по себе мало что меняет, но помогает отрешиться от безоговорочной веры сказкам ПВЛ и взглянуть другими глазами на события того времени.

Поднепровье наверняка в той или иной степени входило в сферу интересов и активности начальной руси. Родившись в Крыму в начале IX века, она поначалу ограничивала свою деятельность Крымом и его ближайшими окрестностями, в число которых не могло не войти соседнее Поднепровье. К началу X века начальная русь достигла такого уровня влияния на Черном море, что смогла заключить равноправный договор 911 года с Византией. А уже через год-другой мы ее видим на Каспии разоряющей его западное побережье от Дербента до устья Куры. Согласно аль-Масуди, флот руси поднялся от Керченского пролива вверх по Дону и с позволения хазарского кагана, которому была обещана половина добычи, переволокся на Волгу. Несмотря на неудачу похода 912—913 годов русь прижилась на Волге и начала активное освоение «великой русской реки» и пути «из варяг в хазары», который и прежде не был ей совсем незнаком. Не исключено, что именно по нему прошли в Крым те скандинавы, которые стали прародителями крымской руси на крымско-готском субстрате. Более того, поход 912—913 годов на Каспий тоже мог быть спровоцирован скандинавами, время от времени появлявшимися на пути «из варяг в хазары» и подпитывавшими пассионарными контингентами крымскую русь. Вследствие такой подпитки освоение русью Поволжья шло настолько успешно, что через какой-нибудь десяток лет Ибн Фадлан, встретившись с живыми представителями руси в Волжской Булгарии, уже посчитал русь местным приволжским народом.

Очередным пассионарным толчком для крымской руси могла стать в конце 30-х годов X века инъекция скандинавов во главе с Игорем, на сей раз сильно разбавленных приильменскими славянами. Этот толчок, подкрепленный изрядной пришедшей с севера военной силой, подвигнул крымскую русь на авантюрное нападение на Самкерц, повлекшее за собой войну с Хазарским каганатом, а затем и Византией. Все это кончилось катастрофическим разгромом, разбродом и по существу концом крымской руси. Одна ее часть, как мы уже видели, в районе 940 года ушла в поисках нового места обитания в Моравию с каким-то ольгом, известным нам из чешских хроник как Олег Моравский. Другая часть попыталась закрепиться в Закавказье, выбрав для этого столицу Аррана город Бердаа.

Историки с удивлением отмечали в качестве отличительной особенности того предприятия 943—945 годов то, что на сей раз русь не совершала очередное грабительское нападение, как повсеместно делала это раньше, а пришла в Бердаа с мирными намерениями осесть там навсегда. Правда, осесть и править. Но на таких условиях мирно договориться с местным мусульманским населением не удалось, и в итоге на новом поприще русь потерпела полную неудачу. Однако сам факт симптоматичен. Внутри руси уже вызрело понимание того, что стать властелинами какого-либо, пусть даже небольшого, государственного образования, такого, например, как закавказский Арран, гораздо удобнее, чем продолжать жить грабежом и разбоем. Еще бы! Те же или даже бóльшие блага можно получать на регулярной основе с гораздо меньшими хлопотами и опасностями. Надо полагать, действенным стимулом к такому пониманию стала эволюция западного викинга, давшего живые примеры Хрольва Пешехода, Харальда Синезубого и подобных им норманнских конунгов, превратившихся в герцогов и королей.

Как и всякому новому, этому вызревавшему и проникавшему в сознание все большего числа варягов руси пониманию приходилось преодолевать сопротивление тех, кто продолжал держаться старых традиций, верований и образа жизни. Отчаянную попытку возродить Крымскую Русь

и связанные с ней старые традиции варяжества начальной руси предпринял Святослав — последний каган-варяг рода русского. Но его болгарское фиаско окончательно поставило крест не только на Крымской Руси, но и на самой идее русского варяжества. Уже следующее поколение каганов рода русского предстает пред нами типичными правителями средневековых государств. Это справедливо даже в отношении рудимента Крымской Руси — Тмутараканского княжества[1] и его правителя Мстислава Удалого. Более других детей унаследовавший от своего отца (деда по версии ПВЛ) Святослава варяжский дух и авантюристичный характер, он тоже бóльшую часть жизни провел в походах и сражениях. Но это уже не лихие разбойничьи рейды, не безрассудная месть и не битвы ради самих битв. Мстислав предстает перед нами в первую очередь как средневековый удельный князь, военные акции которого имеют вполне прагматическую цель расширения своих владений. Поэтому за Мстиславом не числится ни рейдов на Константинополь, ни походов в Болгарию или Моравию. Жертвами его военной активности становились только ближайшие соседи — касоги, арранцы и, наконец, приднепровские северяне.

---

[1] Именно рудимента Крымской Руси, а не эксклава Киевской, как принято у наших историков.

ПОСЛЕДНИЕ КАГАНЫ, ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ?

Рахоноу Рос ис Кеосарии...
Кириллическая надпись
на гривне Мономаха

Если русь начала X века уже могла совершать рейды на Каспий по Дону и Волге, то логично предположить, что тем более не остались без ее внимания реки бассейна Черного моря. В первую очередь соседние с Крымом Дон и Днепр. Действительно, самые ранние найденные в Поднепровье византийские монеты отчеканены императором Михаилом III, время правления которого (842—867) всего на одно-два десятилетия отстоит от отмеченного Вертинскими анналами появления начальной руси в Европе. С другой стороны, археологически установлено, что самые ранние скандинавские следы в Киеве появляются только на рубеже IX—X веков. Делая выбор в рамках альтернативы, оставлены ли эти следы собственно скандинавами, спустившимися по Днепру с его верховьев из Гнездова, или начальной русью, поднявшейся вверх по Днепру из Черного моря, предпочтение безусловно следует отдать скандинавам. В их пользу говорят два соображения.

Во-первых, только что затронутый нами временнóй фактор. Начальная русь должна была бы появиться в Среднем Поднепровье и наследить там не в начале десятого, а никак не позже середины девятого века. С другой стороны, скандинавская экспансия на юг по путям «из варяг в хазары» и «из варяг в греки» археологически прослеживается как вполне последовательная. Она началась из Старой Ладоги в устье Волхова в первой половине IX века, к его середине скандинавы обосновались на верхней Волге и Рюриковом городище у истоков Волхова, во второй половине века они уже обжились в Гнездове в верховьях Днепра. Так что вполне естественным выглядит их появление в среднем те-

чении Днепра и Киеве на рубеже следующего века. Ни раньше, ни позже.

Во-вторых, можно ли вообще соотносить «скандинавские следы» с крымской русью рубежа IX и X веков? Вряд ли у этой руси оставалось что-либо скандинавское кроме германского языка и приверженности мореходству как основе их варяжского, то есть купеческо-пиратского существования. Во всех доступных археологическому наблюдению бытовых аспектах начальная русь была уже народом не скандинавским, а причерноморским. Это хорошо видно из описания руси Ибн Фадланом и наглядно проявилось в написанном Львом Диаконом «портрете» Святослава.

Итак, следует ожидать, что начальная крымская русь посещала Среднее Поднепровье примерно с середины IX века. Не исключено, что именно ей мы обязаны византийскими монетами Михаила III в киевской земле. Также вероятно, что она имела в Среднем Поднепровье свои торговые фактории. Например, в Вышгороде и Шестовицах. Но все же не Поднепровье было объектом ее интересов в IX веке. Тогда молодой руси — народу, порожденному скандинавскими викингами и все еще до мозга костей варяжскому, — вполне хватало акватории Черного моря. Начав с Крыма и ближайших к нему черноморских берегов, по мере мужания и самоутверждения начальная русь быстро расширяла географию своих пиратских набегов в акватории Черного моря и завершила первый этап этого расширения знаменитой атакой на Константинополь 860 года. Следующий этап экспансии руси знаменуется неожиданным ее появлением на Каспии, где она уже четыре года спустя начала терзать хазарский каганат и арабский халифат. То есть объектами интереса начальной руси быстро стали крупные приморские государства, даже правильнее сказать — империи, с развитой морской торговлей и богатыми портовыми городами, куда можно было легко доплыть и где можно было хорошо поживиться. Бедное Среднее Поднепровье за труднопроходимыми порогами под эти критерии никак не подпадало.

Чтобы, следуя примеру Рольфа Пешехода, каганы руси решились порвать с традиционным образом жизни и осесть

на землю, ценности которой они долго не понимали и на которую соответственно раньше не обращали внимания, должен был радикально поменяться их менталитет, должно было вырасти новое поколение ольгов-каганов, хорошо знакомых с образом жизни дворов восточных падишахов и европейских монархов. Если верить Ибн Фадлану, оно подросло уже к первой четверти X века. В его описании «каган-рус» — уменьшенная и в чем-то даже карикатурная копия хазарского кагана, с которой уже никак не вяжется романтика скитальческой жизни начальной руси. Русский каган у Ибн Фадлана ведет прозаически сибаритский образ жизни в неге и роскоши и даже дела управления подданными перекладывает на плечи своих заместителей. Но, даже если это описание фотографически точно, оно вряд ли относится ко всем правителем тогдашней руси. Переход от кочевой жизни к оседлой у нее не был одномоментным, он длился более полувека и закончился только с гибелью последнего ольга-варяга Святослава. Вероятно важным фактором оседания руси на землю стало появление таковой земли в Среднем Поднепровье и закреплении ее за ольгой Ольгой.

На роль первого ольга рода русского, которого мы хоть с каким-то основанием могли бы называть исконно киевским князем, просится летописный Ярополк. Собственно, только именем да фактом княжения в Киеве и ограничиваются все наши знания об этом персонаже ПВЛ. Но факт ли это? Никому кроме авторов ПВЛ не известна такая историческая личность. Но и они не сообщают ровным счетом ничего ни о дате, ни о месте рождения Ярополка, ни о его матери, лишь голословно утверждая, что он якобы был старшим сыном Святослава. На самом деле совершенно не очевидно, что первые киевские властители, Ярополк и Владимир, которых ПВЛ записала в сыновья Святослава, состояли с ним в родстве, разве что весьма дальнем через северную родню Игоря [1].

---

[1] Ту неразбериху, которая царит в наших представлениях о родственных связях первых русских князей, наглядно показывает такой факт. По разным источникам четыре (!) сына Ярослава Мудрого — Владимир, Святослав, Вячеслав и Всеволод — якобы были женаты на одной и той же девице Оде Штаденской. А ведь это уже XI век!

Строго говоря, у нас нет твердой уверенности не только в том, был ли Ярополк сыном Святослава и первым настоящим киевским князем, но вообще существовал ли он в природе. Ведь Ярополка нет в генеалогической цепочке киевских князей митрополита Илариона, и он подобно Вещему Олегу не оставил после себя ни одного вещественного следа. Правда, известны так называемые псевдодирхемы Ярополка. Но эти монеты нисколько не подтверждают, а скорее опровергают существование такого киевского правителя своими арабскими (!) надписями, норманнским геральдическим знаком и, главное, местами их находок: из одиннадцати известных экземпляров этого псевдодирхема восемь были найдены в Швеции, два в Польше и один в Эстонии. Вот и спрашивается: причем тут Ярополк, Киев и вообще Киевская Русь? Ничего не связывает эти псевдодирхемы с Киевом, а с Ярополком — только время чеканки, совпадающее со временем его княжения в Киеве на страницах ПВЛ. Не донесла до нас правителя Киевской Руси с таким именем и народная память, безусловно отдав первенство Владимиру Крестителю.

И все же, если Ярополк действительно существовал и стал первым киевским правителем, то откуда он мог быть родом и как попал в Киев? На эту тему можно только фантазировать, основываясь на косвенных данных, которые как будто указывают на запад. Это и совпадение второго компонента имени с именем моравского князя Святополка, и отзвуки в ПВЛ борьбы Ярополка с другими ольгами руси за обладание Древлянской землей, и известные нам дипломатические связи Руси того времени. Хроника Ламперта Герсфельдского упоминает послов Руси у германского императора Оттона II под 973 годом, то есть во время княжения Ярополка по хронологии ПВЛ. Возможно, это было матримониальное посольство, так как одной из жен Ярополка якобы была Кунигунда, дочь родственника Оттона. Наконец, согласно пересказу В. Татищевым Никоновской летописи, Ярополк поддерживал какие-то дипломатические отношения с римской курией.

С другой стороны, в ПВЛ первой дальней поездкой Ольги после смерти мужа в 947 году был вояж на Новгородчину, точнее на Мсту и Лугу, якобы чтобы ставить там погосты и собирать дани. Если, как мы допустили ранее, эти ориентиры дают указание на родину то ли самой Ольги, то ли ее покойного супруга, то это указание на Новгородчину. Как раз между верховьями Луги и устьем Мсты, расстояние между которыми по прямой не более полусотни километров, в то самое время рубились первые дома будущего главного «погоста» Приильменья — Новгорода Великого. Не будем забывать, что и Владимира Крестителя, и Ярослава Мудрого ПВЛ сначала делала правителями Новгорода и лишь затем отправляла в Киев. Поэтому разумно домыслить, что дальний вояж Ольги в 947 году, если это не выдумка сочинителей ПВЛ, имел целью просить о помощи в борьбе за главенство в Киеве родню, свою или мужнюю. Или ту и другую. Тогда первые киевские князья со славянскими именами должны были, откликнувшись на просьбу Ольги, придти в Киев из Приильменья, с будущей Новгородчины, в то время еще не обзаведшейся собственно Новгородом Великим, но уже обогатившейся заметной долей славян-переселенцев из Поморья и Полабья.

Сопоставляя то немногое, что нам известно о Ярополке и Владимире, можно далее предположить, что Ярополк был выходцем из Моравии, какое-то время правившим у древлян, а Владимир, пришедший по просьбе Ольги со своими славянами из Приильменья, устранил Ярополка и стал править в Поднепровье вместо него. По существу такая интерпретация принципиально не противоречит версии ПВЛ с той лишь поправкой, что в борьбе с Ярополком Владимир не захватывал Киев. Он его просто сделал этот небольшой, но шумный и быстро растущий городок своей резиденцией. Не Овруч или Искоростень древлян и не Вышгород Ольги, а именно Киев, в котором уже обжились выходцы из Скандинавии и Приильменья, в недавнем прошлом земляки Владимира. Оценив преимущества климата Поднепровья в сравнении с Поволховьем и все потенциальные выгоды положения Киева, Владимир сделал его своей столицей, отстроил, укрепил подо-

бающим образом и превратил в настоящий средневековый город, известный археологам как «город Владимира» — самый ранний город на территории современного Киева.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что в своем «Слове о законе и благодати» Иларион без обиняков **называет Киев городом Владимира**. Риторически обращаясь к почившему в бозе крестителю Руси и ходатайствуя перед ним за своего здравствующего патрона Ярослава[1], он говорит: «И **славный град твой Киев** [выделено мною. — *В.Е.*] он [Ярослав. — *В.Е.*] окружил величием...». Этого Иларион не мог вычитать в болгарских книгах, об этом не могли писать греческие хронисты. Да и нужды вычитывать не было — «мать градам русским» возникла, вросла и стала стольным градом на глазах Илариона.

Гипотеза о приильменском происхождении Владимира не единственно возможная. Откликнувшись на призыв родственницы ольги Ольги, основатель Киевской Руси мог придти на Днепр не с севера, а с юга, из Болгарии, если сама Ольга была все-таки благородного болгарского происхождения и за помощью посылала не в несуществующий в то время Новгород, а к своей болгарской родне в Плиску. Кстати сказать, сама Ольга могла приходиться, например, родственницей опальному болгарскому князю Владимиру (княжил в Болгарии с 889 по 893 год) — единственному достоверно известному в истории правителю с именем, которым был наречен и будущий креститель Руси. Не в честь ли, спрашивается, болгарского предка?

Также вряд ли стоит с ходу отметать возможность того, что Владимир пришел все-таки из Новгорода, но тем Новгородом, в котором Владимир правил до похода на Киев, был не Новгород Великий, в то время еще не выбравшийся из пеленок и объективно не доросший до ранга центра княжения, а древний город начальной руси — крымский Неаполь. Воз-

---

[1] Попутно можно заметить, что известная нам из ПВЛ размолвка Ярослава с отцом перед самой смертью Владимира вероятно действительно имела место и потребовала усилий митрополита по умирению сторон, хотя бы и задним числом живого с мертвым.

можно тот самый, в котором, по словам Константина Багрянородного, в свое время «сидел Святослав». Но все же это сомнительно. Вряд ли Константин назвал бы известный грекам крымский Неаполь какой-то Немогардой[1]. Кроме того, в этом случае трудно обосновать очевидную связь между Киевом на Днепре и Новгородом на Волхове, которая проявилась с самых первых лет существования и Киева, и Новгорода, и самóй Киевской Руси.

Хотя... все же возможно. Объяснение могло бы заключаться в том, что инициаторами этой связи как раз и были прижившиеся в Киеве с начала X века варяги, наведшие нового киевского правителя на торговые фактории в Гнездове, Полоцке и Рюриковом городище, чтобы, например, под его протекцией получить там торговые преимущества. Естественно, при таком раскладе летописный поход Владимира из Новгорода на Киев должен развернуться в обратном направлении по сравнению с тем, как он подан в ПВЛ. Ну да нам не привыкать.

Собственно, на этом можно было бы ставить точку. С Владимира Крестителя каганы рода русского действительно превращаются в князей Киевской Руси, хотя по инерции Иларион все еще называет каганами и его, и Ярослава Мудрого. Ни Ярополк, ни Святополк, ни прочие сыновья Владимира не удостоились ни титула кагана, ни вообще упоминания Иларионом. И это, как мы уже отмечали выше, оставляет открытым вопрос, существовал ли киевский правитель Ярополк, а если существовал, то был ли он сыном Святослава и братом Владимира. Вопрос этот для истории Киевской Руси важен сам по себе. К тому же от ответа на него зависит, считать ли св. Владимира братоубийцей или ограничиться рядовым для того времени обвинением его в насильственном устранении политического конкурента.

Тем не менее, в любом случае, убийца он просто или братоубийца, следует признать очевидный факт: Владимир

---

[1] Хотя, кто знает, может быть ему просто в голову не пришло увязать услышанную от кого-то из информаторов Немогарду с Неаполем, то есть Новгородом по-славянски.

Красно Солнышко основал Киевскую Русь. Он построил Киев. Он отчеканил первые монеты Киевской Руси. Он стал первым правителем Руси, прах которого упокоился в киевской земле. Наконец, первым киевским князем засвидетельствовала его народная память.

Общепризнано, что св. Владимир крестил Русь. Но на самом деле не исключено, что реальное крещение Киевской Руси на государственном уровне произошло только при его сыне Святополке, получившем в ПВЛ прозвание Окаянного. (Кстати сказать, очень может быть, что незаслуженно.) На такое предположение наводят легенды первых монет Киевской Руси. Монеты Владимира несли языческое имя князя: «Володимер на столе». На первых тиражах монет Святополка, отчеканенных по образцу отцовских, тоже стоит его языческое имя, но на последующих вдруг появляется крестильное «Петр» (в вариантах Петор и Петрос). Такая подчеркнутая замена на денежных знаках государства языческого имени правителя на крестильное вполне могла отразить акт смены государственной веры. Если это так, то крестителем Киевской Руси следует считать Святополка. Конечно, это всего лишь предположение, и оно вновь противоречит привычным представлениям, привитым нам сочинителями ПВЛ и агиографами св. Владимира. Но их мотивы для такой подмены совершенно очевидны.

Авторам ПВЛ, православным монахам, невозможно было признать и узаконить крестителем Киевской Руси Святополка, проклятого православной церковью и получившего в летописной традиции прозвище «Окаянный» (хотя, заметим, на самом деле его проступок, убийство братьев, если он вообще имел место, был ровно тем же самым, что и у узаконенного крестителем Руси ПВЛ и Русской православной церковью св. Владимира). С другой стороны, состряпав свою фиктивную историю языческой Киевской Руси от Кия до Вещего Олега и Игоря, авторы ПВЛ невольно лишили Владимира законного приоритета в ее создании. Так что возможно статус крестителя Руси был ему присвоен в порядке своего рода компенсации. Так создатель Киевской Руси — вроде бы братоубийца, чье братоубийство общепризнано, — пре-

вратился в ее крестителя и даже равноапостольного святого, а вероятный креститель, — тоже вроде бы общепризнанный братоубийца, хотя на самом деле сей «факт» остается под большим вопросом[1], — в ничто, да к тому же еще окаянное ничто!

Неисповедимы пути летописцев и историков.

Заканчивая разговор о первых киевских князьях, хочется сделать еще одну ремарку. Собственно титул «князь» у правителей Киевской Руси вероятно появился не синхронно с самой Киевской Русью, а несколько позже. Трудно сказать, был ли он в ходу, когда сочинялась ПВЛ, или все титулы в ней были чохом правлены гораздо позже, но, похоже, в XI и даже XII веке владыки Руси титул князя еще не носили. Этот титул не фигурирует в двух дошедших до нас древнейших, относящихся к первой половине XI века, документах Киевской Руси: «Слове о законе и благодати» Илариона и так называемой Краткой редакции «Русской правды». Нет его и на более позднем черниговском змеевике или, как его называют иначе, гривне Мономаха. Этому змеевику мы уделим особое внимание, так как кириллическая надпись на нем — одна из древнейших оригинальных кириллических надписей, дошедшая до наших дней в первозданном виде.

Золотой оберег-змеевик конца XI века считается принадлежавшим самому Владимиру Мономаху, в крещении Василию, потому что предположительно он был изготовлен во время правления Мономаха, найден на Черниговщине, где Мономах долгое время княжил, и несет кириллическую надпись, включающую его крестильное имя «Г[оспод]И, ПОМОЗИ РАБОУ СВОIЕМУ ВАСИЛИЮ. АМИН[ь]». На змеевике есть и другие надписи: две на плохом греческом, по-разному переводимые и не представляющие для нас интереса, и одна важная для нас кириллическая, которая совсем не пользуется вниманием историков. И зря. Ее даже почему-то полага-

---

[1] Существует хорошо обоснованная версия, что убийцей Бориса и Глеба был не Святополк, а Ярослав, расправившийся не только с самим Святополком, но и с остальными братьями-соперниками и сваливший вину на свою жертву во всех летописях и прочих документах, которые писались под его личным надзором уже в бытность Ярослава киевским князем.

ют греческой, хотя она написана кириллицей и начинается отчетливо читаемыми по-русски словами: «РАХОНОУ PUZ ИС КЕОСАРИИ...»[1]

В приведенном отрывке надписи читателя могут смутить две метатезы, но они типичны при заимствовании грецизмов и латинизмов древнерусским языком. Здесь «рахоноу» — древнерусский дательный падеж от греческого *архон* (αρχων — «архонт») с перестановкой *ар—ра*, а «Кеосарии» — древнерусский родительный падеж от греческой *Кесария* (Καισαρια — «Кесария») с заменой *αι* на *ео*. Обратим внимание на три особенности надписи. Во-первых, «Кеосария» стоит в родительном падеже, то есть с правильным для славянских языков управлением от предлога «из». Во-вторых, написание «Кеосария» более схоже с латинским вариантом Caesaria, чем с греческим Καισαρια. В-третьих, помимо метатез есть в надписи и более важный нюанс — непривычное написание Руси — «PUZ», которое по существу копирует греческое Ρως, но с уподоблением греческих *ω* и *ς* латинским *U* и *Z*. Вероятно такое уподобление было спровоцировано использованием кириллического устава, не знавшего строчных букв, поэтому гравер заменил строчные греческие *ω* и *ς* действительно похожими на них прописными латинскими *U* и *Z* соответственно[2].

Но отвлечемся от формы и вернемся к сути. А она заключается в том, что во время появления надписи на этом

---

[1] Надпись считается непрочитанной. Пользуясь случаем, со своей стороны могу предложить вариант чтения этой надписи полностью: *Архонту Руси из Кесарии ожоннити.* Версия привлекательна тем, что отец Мономаха Всеволод Ярославич действительно был женат на византийской принцессе из рода Мономахов.

[2] С. Горюнков в контексте «змеиной» сущности Ольги читает эту кириллическую надпись на змеевике *«Дракону Руси с Кеосарии...»* Чтобы приплести сюда дракона, он помимо насилия над предлогом «из» необоснованно принимает за букву «Д» крестик «╬», регулярно разделяющий отдельные расположенные по периметру змеевика надписи. Правда, крестик именно перед «РАХОНОУ» действительно прорисован неважно, к тому же слегка поврежден трещинкой ободка, вследствие чего выглядит похожим на «╩». И, разумеется, в любом случае непонятно, какое отношение к змеевику времен Мономаха может иметь Ольга, уже более века пролежавшая в могиле.

змеевике, то есть на рубеже XI—XII веков, в славянском древнерусском языке Киевской Руси еще не было устоявшихся терминов ни для названия страны, ни для титула ее владык, вследствие чего в древнерусский в целом текст оказалась вставлена целиком заимствованная греческая конструкция *архон Рос* (αρχων Ρως). Благо, гравер худо-бедно кумекал по-гречески[1], о чем говорят греческие надписи на том же змеевике. В древнерусском варианте гравер сохранил несклоняемость греческого слова Ρως при нормальном склонении, но уже по-древнерусски, склоняемых греческих αρχων и Καισαρια.

---

[1] В целом же надписи на змеевике оставляют впечатление, что их гравировщик в латыни чувствовал себя увереннее, чем и в греческом, и в древнерусском. И этот феномен сам по себе мог бы стать предметом отдельного расследования.

ДНЕПРОВСКИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Волна встречается с волной,
и ветер северный тревожит,
как если манит за собой.
Плыви домой!
<...>
Возьми весло. Еще немного,
нам станет просто и легко,
и в эту длинную дорогу
возьми весло!

Группа «Би-2». «Весло»

Возможно многим, кто сел со мной в одну лодку и взял весло, чтобы грести вглубь отечественной истории, казалось, что еще немного, и все станет просто и легко. Мне так не казалось и не стало ни просто, ни легко. Но дорога пройдена, и в тихой гавани можно на время отложить весла и оглянуться назад.

Мы худо-бедно разобрались с первыми каганами рода русского, по необходимости прихватив проблемы возникновения начальной руси и обстоятельств, породивших Киевскую Русь. Однако многие подробности генезиса древней Руси все еще остаются порытыми мраком, и у нас мало, очень мало шансов рассеять этот мрак. По своему, можно сказать, высшему предназначению, человеческий разум издавна генерировал и будет генерировать впредь разные умозрительные построения древней истории. Разумеется, в России это не в последнюю очередь касается истории древней Руси. Однако из уже сгенерированных ее версий большинство не сходит с накатанных летописцами рельсов и следует навязанной ими киевоцентричности. Тому примером и сама ПВЛ, и построения всех российских первоисториков на ее основе.

К сожалению, оказались не в состоянии полностью сойти с этих рельсов и современные «ревизионисты» ПВЛ. Даже у самого яркого из них, А. Никитина, лишившего ПВЛ права считаться основанием русской истории, не хватило смелости признать Черноморскую Русь не порождением и побочным ответвлением Киевской Руси, а ее предшественником и прародителем. Также в целом не поколебали киевоцентричности нашей древней истории «супердинастия Древлянского княжества» А. Членова и «былинный богатырский треугольник» С. Горюнкова.

Пожалуй, единственное исключение, да и то с оговорками, — это активно навязываемая А. Кирпичниковым российскому обществу и руководству страны концепция Старой Ладоги как «первой столицы Руси».

Парадоксально, но эта концепция, выдвинутая главным археологом Ладоги, не имеет археологического подтверждения. Насколько можно судить по имеющимся в печати данным, археологически древняя Ладога — действительно самое древнее поселение скандинавов на территории будущей Киевской Руси и России, возникшее в середине VIII века. Но при этом оно — весьма средненький вик с разношерстным населением, время появления в котором славянского компонента так и остается загадкой. Этот небольшой вик переживал времена взлетов и падений, включая времена полного запустения, и оформился в настоящий город не ранее XII века.

Так что концепция Ладоги как «первой столицы Руси», скорее всего, далека от действительности и исторической науки, но вполне понятна с практической житейской точки зрения.

Из-за всеобщего слепого доверия к киевоцентрическим построениям ПВЛ и упорного игнорирования объективных археологических опровержений этих построений, все попытки реконструировать историю древней Руси и воссоздать события середины X века в Среднем Поднепровье остаются не более чем фантазиями. Археология Киева в независимой интерпретации неангажированных зарубежных

ученых поставила жирный крест на всей языческой Киевской Руси, убедительно показав, что Киев стал столицей некого государства не ранее X века. Следовательно не было в природе таких «киевских князей» как Кий, Аскольд с Диром и Вещий Олег. (Да вряд ли они вообще существовали в природе, если даже последний из них, Вещий Олег, — чистое изобретение «киевского краеведа», сочинившего первое умозрительное «киевоцентричное» построение отечественной истории.)

Самый ранний средневековый город, раскопанный в киевской земле и достойный называться «матерью градам русским» — это так называемый «город Владимира» появившийся лишь в конце X века. Соответственно самый первый действительно киевский князь и основатель Киевской Руси — это Владимир Креститель, «ласковый князь Красно Солнышко» наших былин.

Увы, мы так и не знаем, откуда пришел в Киев этот первый его князь. Также нет ответа на чрезвычайно важный для реконструкции процесса возникновения Киевской Руси вопрос, как крымскую Русь сменяет Русь приднепровская, а ольги-каганы начальной руси с их германскими именами вдруг превращаются в каганов-князей со славянскими. Вероятно с этим вопросом связана и проблема взаимоотношений Киева на Днепре и Новгорода на Волхове, так как трудно считать случайной практически одновременность сразу трех важнейших для истории древней Руси событий середины X столетия: крушения крымской руси Игоря Старого, превращение периферийного хазарского городка Киева в столицу приднепровской Руси и возникновение на пустом месте Новгорода Великого.

Как мы уже видели, первичная Киевская Русь помимо Киевщины и Новгородчины включала третий компонент — Древлянщину. Но, к сожалению, археология древлянской земли не дает никаких оснований для признания исторической реальностью гипотетическое «великое Древлянское княжество» А. Членова. Древлянская земля чрезвычайно бедна археологически. Не было на ней достойных стать столичными

городов, и мало, очень мало в ней достойных внимания находок. Древлянщина X века — бедное захолустье, живущее среди лесов и болот натуральным хозяйством. И если археологические находки демонстрируют хоть какие-то намеки на сношения древлян с западными соседями — Великой Моравией и Чехией, — то на восточные связи нет даже намеков. Да это и понятно. Во-первых, по правобережью Днепра в VIII—X веках проходил препятствующий всякому общению хазарский кордон. Во-вторых, для древлян Киевщина того времени в качестве торгового партнера не выдерживала никакой конкуренции с Моравией и Чехией.

Больше обнадеживает археология Северщины, исторически связанной с начальной крымской Русью гораздо теснее Киевщины. Она уже дала ряд крупных находок вроде знаменитой Черной могилы и вика у Шестовицы, но как-то оказалась обойденной вниманием реконструкторов начал Киевской Руси, за исключением, пожалуй, С. Горюнкова. Но и там она на вторых ролях.

Словом, как я и предупреждал в начале книги, реальную историю становления Киевской Руси сегодня написать невозможно. Хочется, очень хочется, но не выходит. И нет никакой гарантии, что выйдет завтра или через столетие. Наверное, с этим надо смириться. Смириться и... фантазировать дальше. Фантазии сами по себе не страшны. Лишь бы они не попадали в учебники истории и энциклопедии в качестве исторической истины.

Умное слово «интерференция» имеет много значений, все до одного тоже умные. Например, в физике интерференция — это взаимное усиление или ослабление амплитуды двух распространяющихся в пространстве волн. Две встретившиеся в некоторой точке пространства волны в зависимости от их фазы могут либо взаимно погасить, либо усилить друг друга и дать в результате резкий всплеск. Интерференция в лингвистике — это взаимное влияние языков друг на друга с непредсказуемыми заранее, в отличие от физики, последствиями. Наконец, интерференция в связи и информатике — это взаимодействие неких информа-

ционных носителей, в результате которого переносимая одним из них информация оказывается зашумленной помехами от других.

Оглядываясь назад, в истории древней Руси можно отыскать следы всех трех названных интерференций.

Спокойная широкая волна освоения скандинавами просторов Русской равнины, к которым могли примыкать финны, балты и прибалтийские славяне, плавно катилась по этой равнине с северо-запада на юго-восток. Археологически скандинавы в середине VIII века появляются в Ладоге, в середине IX века уже плотно сидят на Рюриковом городище в истоке Волхова, во второй половине IX века имеют несколько постоянных факторий на средней Волге и чувствуют себя как дома на верхнем Днепре в Гнездове. Наконец, в самом начале X века они появляются в Киеве, а к концу первой его четверти выглядят в глазах Ибн Фадлана завсегдатаями в Булгаре. И тут в конце первой половины X века на эту широкую спокойно катившуюся вниз по течению Волги и Днепра скандинавскую волну накатилась с юга короткое, но бурное цунами — вышвырнутая хазарами и византийцами из Причерноморья русь Игоря Старого. Почему-то, мы так и не знаем почему, интерференция этих двух волн дала самый мощный всплеск на среднем Днепре и верхнем Волхове, после чего Киев быстро превратился в столицу нового государства — Киевской Руси, а на севере вдруг возник и тоже начал бурно расти его «дублер» Новгород Великий.

В новой столице Руси сразу проявила себя вторая интерференция, языковая. В результате этой интерференции многонациональное и многоязыкое население Киева, остро нуждающееся в едином языке общения, относительно быстро выработало койне на основе местного восточнославянского говора. Почему именно его? Неизвестно. Может быть, к X веку в Киеве уже абсолютно численно преобладала славянская этническая компонента. Может быть, подобное славянское койне было к тому времени основным средством торговых сношений варягов с аборигенным населением Русской

равнины. Но, безусловно, главным фактором, перетянувшим в Киевской Руси чашу весов в пользу именно славянского, а не германского языка в качестве де-факто государственного, оказалось крещение Руси. В деле государственного и церковного устроения древнецерковнославянский язык, имевший к тому времени не только солидную письменную традицию, но и обширную библиотеку христианской литературы, имел абсолютное превосходство над практически бесписьменным германским языком скандинавов. Не мог с ним конкурировать и язык начальной руси с его таинственным «ивановым написанием», на котором в лучшем случае имелось какое-то количество церковных книг да несколько международных договоров «рода русского» с Константинополем.

Появление письменного государственного языка стимулировало в Киевской Руси в числе прочих богоугодных дел начало летописания и практически сразу же породило третью, информационную, интерференцию. Вследствие этой третьей интерференции все достоверные сведения о нашем прошлом оказались погребенными в летописях под многими слоями различных «шумов», вольно или невольно внесенных туда киевскими «краеведами» и их собратьями, приложившими руку к сочинению, исправлению и прямой фальсификации нашей древней истории. К сожалению, это тот самый случай, когда шум практически полностью подавил полезный сигнал. В итоге мы имеем в наших, с позволения сказать, «летописях» то, что имеем — слабо коррелированный с реальностью информационный «шум» вместо истинной истории древней Руси.

Современная наука знает методы очищения сигнала от шумов и восстановления утерянной из-за них информации. В частности, благодаря этим методам мы слышим в наших мобильных телефонах не противное эфирное шипение, знакомое нам по старым радиоприемникам, а отчетливые хорошо различимые голоса абонентов, даже если они находятся на другой стороне земного шарика. К сожалению, в истории таких универсальных, надежных и безотказно срабатывающих методов восстановления истины нет. Кое-что может ар-

хеология, но ее возможности тоже ограничены. К тому же даже имеющиеся возможности археологии остаются невостребованными отечественными историками. Поэтому, если только не будет когда-нибудь изобретена машина времени, мы скорее всего так и не узнаем, что же творилось на самом деле в нашем далеком прошлом.

Тем не менее, еще и еще раз хочу повторить: **незнание истины не оправдывает вранья**, особенно когда вранье касается не частного вопроса, а истории великой державы. И так же еще и еще раз настаиваю: **аморально выдумывать себе славную историю, аморально пропагандировать таковую**, столь же **аморально гордиться таковой**.

В соответствии с общечеловеческими нормами морали из наших учебников истории должны навсегда исчезнуть выдаваемые за историю мифы и действующие в них мифические персонажи. Необходимо признать, что **не было в истории древней Руси никаких киев, аскольдов, диров, рюриков и вещих олегов.** Можно сколько угодно фантазировать о Кие с братьями и сестрой, Аскольде с Диром, Рюрике с Вещим Олегом. На здоровье! Только не надо забивать ими учебники истории и энциклопедии.

Пусть пока такой же фантазией остаются ольги-каганы — ольги с маленькой буквы, они же каганы и каганессы рода русского, властители начальной руси. Они же, если хотите, императоры, ибо титул кагана по тогдашним меркам был равен императорскому. Они же, если хотите, полководцы и флотоводцы, бездарные вроде Игоря, и одаренные вроде Святослава. Ольгов-каганов нет в наших учебниках истории. И это не страшно. Хуже то, что они их нет вообще нигде. Все они, великие и никчемные, забыты, вычеркнуты из нашей памяти, из нашего прошлого. Их голоса едва-едва пробиваются сквозь мощные шумы, заполнившие наши летописи не хуже назойливой попсы, заполонившей современный эфир; их деяния и само существование кажутся чем-то эфемерным и неразличимым в потаенных глубинах прошлого; их имена затерялись во тьме веков, а их титулы дошли до нас в таком искаженном и невразумительном контексте,

что воспринимаются нами как имена; их слава, гремевшая по миру тысячелетие тому назад, лишь слабо и безлико отсвечивает нынешним сомнительным величием России и никак не угадывается в по-детски неуклюжих потугах самоутверждения политических славянских новоделов — Украины и Беларуси.

Но без них, ольгов-каганов рода русского — правителей начальной руси — не было бы ни России, ни Украины, ни Беларуси. И, наверное, многого чего еще.

Так давайте помнить хотя бы об этом.

Приложение I

КОГДА ВОЗНИКЛА КИЕВСКАЯ РУСЬ?

ЛЕТОПИСИ БЕЗ АРХЕОЛОГИИ

Летописная легенда об основании Киева знакома нам еще со школы, поэтому вряд ли стоит пересказывать трудовые подвиги братьев Кия, Щека и Хорива с сестрой Лыбедью на днепровских берегах. Легендарность, а точнее сказочность летописных «основателей» Киева вольно или невольно, но очень ярко проявилась в памятнике им, установленном на набережной Днепра в ознаменование «1500-летнего юбилея» города. Три дюжих молодца с копьями и луком наизготовку сгрудились на корме утлой лодчонки, похожей на индейское каноэ, которую почему-то принято громко называть ладьей, а их сестрица, вероятно ввиду очевидного дефицита свободного места, балансирует на жердочке на задранном вверх носу, изображая нечто вроде живой ростры. Между прочим, гребцов на лодчонке не видно, да и места им там не нашлось бы — челнок не иначе как самоходный, эдакий ковер-самоплыв. Непонятно, для схватки с кем навострены копья и нагянут лук. Если бы поблизости были или хотя бы подозревались враги, то вряд ли так, взобравшись повыше и широко раскинув руки, подставлялась бы им великолепной мишенью ростра-Лыбедь. Более того, вокруг наверняка вообще нет ни одной живой души, потому что даже вполне мирное проплывающее мимо судно кильватерной волной если и не опрокинуло бы лодчонку с ее чересчур высоким и смещенным назад центром тяжести, то уж непременно заставило бы сестренку больно сверзнуться с шестка. В общем, сплошные нескладушки-неладушки. К сожалению,

не только в памятнике. Далеко не все складно и ладно с самим полуторатысячелетием «матери градам русским».

На удивление кратко и невыразительно освещает возникновение столицы древней Руси официоз советских времен Большая советская энциклопедия: «Киев основан в 6—7 вв. н.э. как центр восточнославянского племени полян. Впервые упоминается в русских летописях под 860 в связи с походом Руси на Византию». Впрочем, сейчас мало кто в вопросах истории обращается к Большой советской. Не говоря уже о том, что просто устарела (последнее издание было завершено в 1978 году), слишком уж немоден в наше время политический угол зрения ее составителей. Авторитета и доверия этому основному в прошлом источнику знаний вряд ли добавляет откровенная дезинформация: на самом деле ни в одной русской летописи Киев не упоминается под 860 годом. Похоже, энциклопедия вводила нас в заблуждение и относительно времени возникновения Киева. В более позднем российском Большом энциклопедическом словаре 1998 года содержание статьи БСЭ о Киеве в основном повторяется, но с одним очень существенным для нас изменением: за прошедшие два десятка лет «племенной центр полян» состарился... сразу на полтора столетия! Теперь он считается основанным уже не в шестом-седьмом, а в пятом веке. Как мы увидим далее, столица Украины резко постарела в одночасье, в мае 1982 года.

Чуть более пространную информацию об основании Киева дает самая демократичная и общедоступная из энциклопедий, Википедия: «Считается, что славянское поселение на месте Киева возникло в конце V века, что фиксируется находками византийских монет того времени, однако, городская жизнь и наличие укреплений («града») уверенно фиксируются археологами лишь с VIII века». Разумная в сущности идея дать возможность любому эрудиту поделиться с человечеством через Википедию своими познаниями много выиграла бы, если бы энтузиасты-авторы давали себе труд сначала подумать, что они напихивают в несчастную Вики, а впихнувши, хотя бы разок перечитать впихнутое. Может быть тогда в процитированной статье **славянское** поселение

не «фиксировалось» бы **византийскими** монетами, а город, с такой помпой отпраздновавший в 1982 году свое **1500-летие**, не столь уверенно «фиксировался» бы археологами только с **VIII века**, то есть максимум 1300 лет назад. Вот такая получается то ли «фиксация», то ли фикция...

Так все-таки когда же был основан Киев? Сразу следует четко оговорить, что речь пойдет не о времени возникновения первых человеческих поселений на берегах Славутича, а именно о возникновении города Киева, ставшего впоследствии столицей Древней Руси. Замечание существенное. Люди жили на днепровских берегах с незапамятных времен. То тут, то там вырастали поселения земледельцев, давно оценивших плодородие лесостепных черноземов, возникали стоянки охотников, время от времени высовывавших нос из небедных дичью лесов, раскидывались кочевья степняков, забредавших со своими табунами с просторов причерноморских степей. Поселения, стоянки и кочевья образовывались, жили своей жизнью и умирали. Потом появлялись новые и вновь бесследно исчезали. На днепровских берегах сменялись этносы, культуры и языки. Хуже обстояло с городами. Хотя на побережье Черного моря и в устьях впадающих в него рек греки охотно основывали свои колонии еще с VI века до н.э., днепровскому устью в этом не везло. Единственный в Нижнем Поднепровье греческий город Ольвия стоял на берегу Днепро-Бугского лимана, скорее на Южном Буге, чем Днепре. Но вот, в конце концов и в Среднем Поднепровье вырос город, да не просто город, а стольный град древней Руси, «племенной центр полян», «мать градам русским». Вырос, это — факт. Вот только когда?

По современным научным понятиям поселение может считаться городом, если в нем есть **администрация**, какая-никакая **экономика** (торговля, ремесла) и постоянно функционирующая **связь** с другими городами. Для средневекового европейского города, как правило, подразумевается еще наличие **фортификационных укреплений**. Исторический момент возникновения города обусловлен проявлением в населенном пункте всех этих признаков. Но для определения возраста любого поселения существует еще одно

обязательное условие: с момента его возникновения проживание населения в нем должно быть непрерывным. Населенный пункт может менять свое название, но жизнь в нем не должна прерываться. Например, Византий греки основали в VII веке до н.э., в IV веке н.э. он был переименован в Константинополь, сейчас называется Стамбулом. Но это все один и тот же город, жизнь в котором непрерывно бурлила двадцать шесть веков. Стало быть, Стамбулу более двух с половиной тысяч лет. И наоборот. Если город умер, а спустя какое-то время, измеряемое поколениями, возродился на том же месте, то это уже другой город, даже если он принял прежнее имя.

В советской историографии годы рождения городов было принято устанавливать по датам, под которыми они впервые упомянуты в наших летописях. В частности, именно так «установлено» время основания Москвы. Понятно, что города далеко не всегда удостаивались внимания летописцев непосредственно после возникновения. Обычно упоминание города в летописи — свидетельство того, что город уже существует, а не того, что он только что возник. Это с одной стороны. С другой стороны, безусловным свидетельством существования городов летописные строки можно было бы считать, если бы нашим летописям можно было безоговорочно верить. К сожалению, нельзя. В «Повести временных лет» (далее для краткости ПВЛ) под 862 годом упоминаются города Новгород, Белоозеро, Изборск, а спустя еще два года Полоцк и Ростов. Уж кто-кто, а Великий Новгород перерыт археологами так основательно, как ни один другой город в России, и сейчас можно считать установленным, что на самом деле он возник где-то в середине X века. А прочие города на земле древней Руси начали появляться лишь с XI века. Врет ПВЛ: в 860-х годах не было ни Новгорода, ни Белоозера, ни Изборска, ни Полоцка, ни Ростова. Так что и в отношении Киева верить летописям, по крайней мере в вопросах хронологии, не стоит, однако заглянуть в них небезынтересно.

Формально самое раннее датированное упоминание в ПВЛ Киева можно найти в статье 862 года, посвященной

призванию Рюрика, то есть синхронно с первым упоминанием Новгорода. Однако свойственный ПВЛ некоторый сумбур в изложении материала, особенно в случае конкретно этого перенасыщенного событиями года, позволяет допустить и такой вариант, что Аскольд с Диром наткнулись на «мал городок» Киев по пути из Новгорода в Царьград лишь спустя пару лет после «призвания Рюрика», то есть в 864 году. Однако в Большой советской энциклопедии указана еще одна, более ранняя, дата: 860 год.

В советской историографии общепринято и считается само собой разумеющимся, хотя и без каких-либо оснований, что летописный поход Аскольда и Дира на Царьград, датируемый ПВЛ 866 годом, — это и есть хорошо известный из византийских хроник реальный набег руси на Константинополь 860 года. На самом деле в касающихся этого события византийских документах нет имен ни Аскольда, ни Дира, никоим образом не помянут и Киев. Но даже если волюнтаристски поставить знак тождества между летописным походом Аскольда с Диром и реальным нападением руси 860 года, все равно утверждение Большой советской, что «Киев впервые упоминается в русских летописях в 860 году», есть вранье. В ПВЛ 860 год вообще не отмечен никакими событиями.

Таким образом, главная советская энциклопедия потчевала нас бессовестной ложью, и эта ложь весьма симптоматична. Она служит косвенным признанием того, что ПВЛ в отношении конца первого тысячелетия не исторический документ, а сборник мифов и легенд с совершенно произвольно проставленными в нем «датами» неких мифических событий, участниками которых, соответственно, являются мифические персонажи вроде семейства Кия, Аскольда с Диром, Рюрика с братьями и Вещего Олега. У автора энциклопедической статьи (энциклопедиста!) наша летописанина за IX век до такой степени не вызывает доверия, что он предпочел вставить выдуманную, но коррелированную с византийскими хрониками дату, а не явно черным по белому проставленную в ПВЛ! Исправлять датировки ПВЛ по другим, заслуживающим доверия, документам и тем более пы-

таться соединить византийскую хронологию с отечественными летописными мифами — занятие пустое и неблагодарное. Мифы лучше вообще оставить литературоведам, а в историографии пользоваться документами, непосредственно византийскими, арабскими и хазарскими, которые хотя и более скупы в отношении событий на далекой Руси, но, по крайней мере, не ангажированы и не фальсифицированы касательно фактов древней русской истории.

В связи с первым упоминанием Киева в летописях интересен такой еще казус. По версии ПВЛ, Киев был основан семейством Кия, но время его жизни и соответственно дата основания города обойдены там молчанием. Что, впрочем, естественно: мифы не знают дат. Однако время жизни Кия сумел «вычислить» академик Б. Рыбаков, и по его «расчетам» получилось, что Кий жил и основал названный в его честь город во времена византийского императора Анастасия Дикора, то бишь в начале VI века н.э.[1]. Увы, эти «расчеты» — не более чем историко-математический курьез, о котором историки стараются стыдливо не вспоминать, особенно в связи с именем прославленного академика. А может быть не такой уж и курьез — «расчеты» были предъявлены общественности непосредственно накануне официального празднования 1500-летия Киева. Не по заказу ли властей предержащих? Кто ж теперь ответит, но результат слишком уж похож на типичную школьную подгонку под ответ.

Широко распространено мнение, что 1500-летие Киева выдумал тогдашний первый секретарь ЦК компартии Украины В. Щербицкий. Ой ли? Хотя последнее слово в такого рода вопросах в пределах вверенной ему советской республики безусловно было за ним, вряд ли партийный босс был способен лично изобрести подобное. Кто-то из украинских научных или околонаучных кругов должен был «подкинуть идею». И вот тут «расчеты» светила советской академической науки оказались как нельзя более кстати. Но поскольку в наше время связывать имя Рыбакова с этой курьезной подгонкой под ответ считается моветоном, пришлось по-

---

[1] *Б. Рыбаков.* Кто основал Киев? // «Наука и жизнь», №4, 1982.

дыскать другие «научные основания». Вот как, например, объясняет, уже без ссылок конкретно на Рыбакова, высасывание из пальца «советскими учеными» идеи 1500-летнего юбилея его города киевский археолог М. Сагайдак: «Большинство влиятельных советских ученых отсчитывали историю Киева от первого упоминания славян в византийских летописях. Так и возникла эта дата «1500 лет», которую пышно отпраздновали еще в советское время»[1]. Прямо как у Владимира Владимировича... нет-нет, не Путина — Маяковского: «Мы говорим Ленин, подразумеваем — партия...». Вот и мы говорим Киев, подразумеваем... славян. Вероятно тех самых, которые, по словам мэра Киева Л. Черновецкого, еще десять тысяч лет назад лазили по днепровским склонам, мечтая о независимой Украине. А чтобы не продирать шаровары, срываясь с днепровских круч, эти древние украинцы наскоро их замостили и соорудили «мать городам», вот только почему-то не украинским, даже не славянским, а русским. Ошибочка, видать, вышла.

Не сошелся свет клином на ПВЛ и византийских хрониках. Есть, оказывается, и другие тайные источники исторического знания, правда доступные только избранным. И вот одна из таких избранных, киевовед Н. Попова, в интервью, данном киевской русскоязычной газете «Сегодня» по случаю 1525-й годовщины столицы Украины, приоткрыла священную тайну: «То, что наш город якобы основали в 482 году, — условная дата, просто этим временем датируется первое письменное упоминание о Киеве» [2]. Условность даты у Поповой, конечно же, подразумевала, что на самом деле город гораздо древнее. Заметим себе, что «рассекреченная» киевоведом дата не просто старше результата «расчетов» Б. Рыбакова, она абсолютно точно совпадает с годом, отсчет от которого дает 1500-летие Киева как раз в 1982 году, когда и состоялись юбилейные празднества на днепровских берегах. И никакие изыски академиков, не говоря уже о волюнтаризме первых секретарей, тут, оказывается, абсолютно ни при чем — все по науке, в соответствии с неким «первым пись-

---

[1] Установлен настоящий возраст Киева. (Интернет)

[2] Киев основал перс или еврей? (Интернет)

менным упоминанием». Н. Попова не раскрыла свой сверхсекретный источник, а жаль! Может быть, если его изучить повнимательнее, то выяснилось бы, например, что таинственное «первое письменное упоминание Киева» было сделано на... украинской мове?

Поскольку секретные источники доступны только отдельным киевоведам, простым смертным приходится довольствоваться общедоступной литературой. Желательно помимо ПВЛ и украинских газет. Круг таковой не слишком широк. Самые ранние упоминания Киева можно найти в двух документах X века: так называемом «Киевском письме» и трактате византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». Вероятно вторичны по отношению к ним появляющиеся тоже с X века упоминания Киева (Куябы) у арабских географов.

«Киевское письмо», найденное в 1962 году в Каире, написано на иврите и датируется X веком, возможно его первой половиной[1]. По адресанту письма, еврейской общине **Киййов**, и именам его подписантов можно, во-первых, судить о существовании в X веке некой местности или населенного пункта (следует подчеркнуть, что о городе как таковом ничего не говорится) под названием «Киййов» и, во-вторых, полагать членами еврейской общины этого Киййова прозелитов, в основном хазар с примкнувшим к ним славянином Гостятой, что в целом не противоречит современным представлениям об этническом составе Киева того времени. Впрочем, об этом разговор впереди.

Второе письменное упоминание Киева, у Константина Багрянородного, и снова не города, а скорее местности Киов или Киова относится примерно к тому же времени, середине X века. У Константина административным центром некого полюдья «Славинии», в котором обитают безымянные

---

[1] Характерный для украинских историков пример старения Киева беззастенчивой подменой дат демонстрирует все та же присно помянутая киевовед Н. Попова. У нее «Киевское письмо» оказывается написанным во второй половине IX века. Пустячок, а все-таки стольный град «незалежной», пусть и населенный хазарами-иудеями, но существует, стоит целым веком раньше!

правители (архонты) руси, служит крепость Самват в Киоаве-Киове.

Вероятно практически одновременные упоминания Киева в двух столь разных и разноязыких документах не случайны. Это вам не ПВЛ, которая соврет — недорого возьмет. Пожалуй, мы можем с уверенностью полагать, основываясь на двух названных свидетельствах, что в X веке Киев уже существовал: он являлся административным центром полюдья, торгово-ремесленным центром по оснащению русских торговых караванов в Византию, купеческо-ростовщическим центром со связями, простирающимися аж до Каира, и, наконец, имел некую фортификацию — крепость Самват. То есть, налицо сочетание всех перечисленных выше условий существования средневекового города.

Итак, по данным различного происхождения и достоверности мы имеем несколько дат возникновения Киева. В порядке их старшинства:

— 482 год (Н. Попова и официоз);

— начало VI века (Б. Рыбаков);

— 864 / 862 / 860 год (ПВЛ с «коррекцией» Большой советской энциклопедии);

— первая половина X века («Киевское письмо»);

— середина X века («Об управлении империей»).

При таком богатстве выбора ответ на вопрос о времени основания Киева так и остается открытым, что воленс-ноленс заставляет нас обращаться за реальной датой возникновения столицы Киевской Руси к археологам. Вряд ли археологию можно отнести к точным наукам, но во многих случаях точность датировок, достигаемая благодаря привлечению действительно точных наук, вполне достаточна для того, чтобы если и не установить абсолютную истину, то, по крайней мере, отделить зерна от плевел, разделить историю и мифы. Особенно если некий миф, который якобы история, вписан в какую-нибудь беллетристику, которая якобы летопись.

Например, написано в ПВЛ, что новгородцы в 862 году призвали в князья некого Рюрика. Хотя к тысячелетию этой даты в Великом Новгороде тоже был с помпой открыт соответствующий памятник, она столь же липовая, как и полуто-

ратысячелетие столицы Украины. Коли Новгород, как точно установлено археологами, только возник в середине X века, да еще минимум лет двадцать-тридцать ему понадобилось на то, чтобы дорасти до статуса стольного города, способного принять княжение, то реально призвать кого бы то ни было к себе новгородцы могли только спустя **век с лишним** после даты, проставленной в ПВЛ. Правда, в некоторых летописях имеется иная версия основания Новгорода, по которой Рюрик был призван в Ладогу, а спустя пару лет собственноручно основал «новый город». Это чуть-чуть облегчает ситуацию, но проблемы все равно не решает: остается почти вековой зазор между археологически реальным возникновением города и «призванием» в него его же основателя. Вот и верь после этого так называемым летописям. Впрочем, не устаю твердить: ПВЛ вопреки распространенному и даже официальному мнению вовсе никакая **не летопись**, а **повесть** — беллетристика историко-патриотической тематики. На том стоял[1] и продолжаю стоять.

Обращение к археологии для решения вопроса о возрасте Киева не лишено смысла — матушку русских городов копали-перекапывали с ничуть не меньшим усердием, чем Великий Новгород. Однако, в отличие от Новгорода, однозначный ответ на вопрос об археологическом времени возникновения Киева найти совсем не просто, причем проблемы киевской археологии, мешающие ей сказать свое веское слово в решении загадки времени основания города, происходят не столько от недостатка имеющихся материалов, сколько от избытка их интерпретаций.

АРХЕОЛОГИЯ БЕЗ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Первым ученым «копателем» Киева был М. Каргер (1903—1976), археолог и историк архитектуры. К сожалению, при обращении к трудам Каргера, в целом до сих пор

---

[1] Впервые этот вопрос был поставлен еще в «Читая «Повесть временных лет»». (*В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010).

сохраняющим научную ценность, необходимо иметь в виду «руководящую роль КПСС», то есть прямое руководство историческими науками, не исключая археологию, из Политбюро, а во времена раскопок Каргера — еще из сталинского кабинета.

Один из крупнейших советских историков и археологов, академик, директор Института истории и секретарь Отделения истории АН СССР, кавалер двух орденов Ленина и лауреат двух Сталинских премий Б. Рыбаков (1908—2001) сам немало покопался в украинской земле, но раскопками непосредственно на территории Киева вроде бы не занимался. Это однако не помешало ему сделать одно из самых сенсационных открытий в киевской археологии — так называемый «город Кия». Ну совсем как Леверье, открывший Нептун «на кончике пера». Есть, правда, небольшая разница. Существование Нептуна вскоре было подтверждено астрономом Галле и в наше время сомнению не подлежит. На подтверждение существования «города Кия» немало трудов положили киевские археологи, в первую очередь ученик Бориса Александровича П. Толочко, но не в пример Нептуну «город Кия» так и остался околонаучной сенсацией, а сам «князь Кий» — летописным мифом.

С именем Толочко, академика Украинской академии наук, заведующего отделом археологии Киева Института археологии Академии наук Украины, а впоследствии и директора этого института связана в основном вся археологическая деятельность в Киеве 70-х и 80-х годов прошлого века. П. Толочко — самый большой авторитет в киевской археологии советских времен, а в настоящее время, пожалуй, и главный историк Украины. Крупная и неоднозначная фигура Петра Петровича достойна отдельных монографий, а его активная общественная и публицистическая деятельность в наши дни по противодействию националистическим и даже шовинистическим тенденциям в современной Украине, может быть, в исторической перспективе будет оценена не ниже его научных результатов в киевской археологии. Но, тем не менее, здесь нас интересуют именно последние. Притом не забывая все о той же «руководящей роли КПСС» и

академической иерархии, так как директор советского академического института, конечно же, не мог не следовать текущим идеологическим установкам и не поддерживать основополагающие концепции академического руководства.

В настоящее время национальная украинская археология вроде бы освободилась от советских идеологических пут, но зато оказалась стреноженной, едва ли не еще больше, национализмом и русофобией, вольготно процветающими в «самостийной». Лишь немногие украинские ученые смогли противостоять политической моде и идеологическому давлению, оставаясь верными общечеловеческой этике. Тем интереснее и важнее в плане интересующего нас вопроса, археологии Киева, публикации руководителя Подольской археологической экспедиции Института археологии Национальной академии наук Украины М. Сагайдака и старшего научного сотрудника Херсонского областного краеведческого музея М. Подгайного, к которым мы будем обращаться.

Не находиться под идеологическим прессом в исторических оценках археологических данных в советские времена можно было только вне СССР, а в постсоветские в отношении древностей Киева — вне Украины. Поэтому мы особенно внимательно прислушаемся к мнению зарубежных, но не украинских историков и археологов, в сферу интересов которых попадала Киевская Русь и ее столица. Вопросам археологии Киева посвящены публикации профессора Мюнстерского университета в Германии Э. Мюле (E. Mühle), профессора Берлинского университета Гумбольдта в Германии Ю. Кальмера (J. Callmer), профессора Центра истории и цивилизации Византии в Коллеж де Франс во Франции К. Цукермана (C. Zuckerman) и доктора археологии из университета Торонто в Канаде В. Мезенцева.

Пересказывать и анализировать результаты исследований многочисленных археологических экспедиций выходит далеко за пределы возможностей дилетанта-расследователя и вряд ли отвечает интересам любителей-читателей. К счастью, всесторонний и, на мой взгляд, объективный обзор и анализ публикаций на эту тему уже сделал и предста-

вил во вполне удобоваримой форме профессор Э. Мюле[1], и мы с благодарностью воспользуемся его результатами, взяв их за основу и дополнив выводами других перечисленных выше зарубежных археологов. Тогда на долю автора останутся только частные комментарии по ходу дела.

Согласно тексту ПВЛ, изначальный Киев располагался «на горе». Безоговорочно веря летописям, советские археологи свои изыскания истоков города сосредоточили на приднепровских киевских горах: Замковой (Киселевке), Старокиевской (Андреевской) и Лысой (Юрковице). В таком порядке мы в них и «покопаемся».

Поселение на Замковой горе М. Каргер отнес к VIII—X векам и называл городищем, хотя в его отчете о раскопках отсутствуют какие-либо данные о городских укреплениях. П. Толочко выделил на Замковой горе два культурных слоя: верхний IX—X веков и нижний, который сначала датировал VI—VIII веками, но потом вдруг передвинул время его возникновения на V век, хотя лишь незначительная часть найденной там керамики принадлежит VI—VII, а преобладающее число фрагментов относится к VII—VIII векам. На основании таких никак не обоснованных передатировок нижнего слоя Толочко посчитал Замковую гору древнейшим ядром города. Трудно отделаться от впечатления, что скоропалительные «исправления» дат ему понадобились для археологического обоснования «города Кия», который, как мы помним, должен был, по мнению Б. Рыбакова — прямого академического начальника Толочко, — возникнуть на рубеже V и VI веков «при императоре Анастасии».

А что же верхний слой? Для него обнаруженные материалы интерпретируются как «принадлежавшие преимущественно бедному населению, которое занималось земледелием, охотой и рыболовством». Прямо скажем, не слишком городские занятия. Несмотря на это П. Толочко делает вывод о наличии в поселении зажиточных жителей на основании... одного клада с херсонесскими монетами и дирхемом

---

[1] *Э. Мюле.* К вопросу о начале Киева. // Вопросы истории, № 4, 1989, с. 118—127.

943 года. В том же духе одна-единственная литейная форма служит у него доказательством существования целой ювелирной мастерской. Понятно, что Э. Мюле не принимает определение Толочко поселения IX—X веков на Замковой горе как «довольно развитого», «центральной части феодального города», в котором якобы жили представители киевской верхушки.

Однако на самом деле и липовые датировки, и чересчур смелые экстраполяции Толочко интересны только для оценки методов работы украинских археологов, но не возраста Киева, поскольку между древним слоем и слоем IX—X веков отмечен отчетливый стерильный слой глины. То есть для Замковой горы не выполняется условие непрерывности заселения. Если стольный Киев начинался с поселения на Замковой горе, то начинался он не ранее IX века, а городом стал и того позже.

На Старокиевской горе исследованное М. Каргером языческое капище было датировано VIII—X веками. П. Толочко, поначалу согласившись с Каргером, позже сдвинул время появления капища к VI—VII векам. Снова видим характерное произвольное старение датировок (на целых два века!). Цель все та же: новые даты дают возможность Толочко признать капище Старокиевской горы культово-религиозным центром другого «изобретения» Б. Рыбакова — «полянского союза племен». Однако, по мнению Э. Мюле, находки в раскопе капища — остатки печи, фрагменты лепной керамики и глиняное пряслице — никак не дают оснований для этого. В любом случае, для определения возраста города нужен не столько культовый, сколько урбанистический центр.

Городской центр древнего Киева ПВЛ локализует (в статье 945 года) в северо-западном углу Старокиевской горы. Действительно здесь обнаружены остатки небольшой древней крепости площадью около двух гектаров, которая тоже претендовала на право называться «городом Кия». Уже Каргером было доказано наличие рва вокруг крепости, однако решающий вопрос о времени его возникновения так и остался невыясненным. Во рву обнаружены фрагменты лепной керамики VIII—X веков, но киевский археолог С. Килиевич

по этим фрагментам почему-то датировала ров VII веком. Что ж, вполне в духе ее учителя и руководителя П. Толочко.

Внутри крепости найдены четыре жилые постройки, с которыми та же самая история: Каргер датировал их по фрагментам лепной керамики VIII—X, Килиевич по тем же фрагментам — VII—IX, а Толочко — даже VII—VIII веками. Прямо-таки соцсоревнование по старению крепости в соответствии с соцобязательствами Б. Рыбакова! Еще одно жилище, в котором обнаружена печь с хорошо сохранившейся керамикой типа корчак, П. Толочко относит к V—VI векам, а Э. Мюле считает, что в остатках этой постройки имеется единственная находка, возможно, восходящая к VI—VII векам. Для Толочко эта единственная к тому же сомнительно датированная находка вкупе с несколькими случайными вещами, которые вообще не имеют отношения к району крепости, служит решающим аргументом в пользу того, что Старокиевская гора была непрерывно заселена с V—VI веков.

Вновь откровенные натяжки, служащие основой для последующей фальсификации. Средства оправдываются целью, даже двумя. Во-первых, стремлением к удревлению «матери градам русским». Этим занимались советские украинские археологи, этим с еще большим энтузиазмом занимаются современные украинские историки. Во-вторых, необходимостью обоснования концепций Б. Рыбакова, не подлежавших сомнению в СССР и прочно закрепившихся на знаменах «незалежной» украинской истории. По этому поводу даже Мюле не смог удержаться от едкой реплики: «Это скромное археологическое свидетельство [жилая постройка с печью внутри крепости. — *В.Е.*] подтверждает, по мнению киевских археологов, верность высказанного в 1960-х годах акад. Б.А. Рыбаковым мнения, что летописная легенда об основании Киева отражает реальный исторический процесс и что легендарный Кий был «крупной исторической фигурой» рубежа V—VI веков».

На Старокиевской горе рядом с крепостью раскопан древний могильник, отдельные находки в котором, относящиеся к X веку, позволяют судить о контактах местного населения со Скандинавией и империей франков. М. Каргер,

опираясь на них, также делал вывод о тесных связях обитателей Киевщины тех времен с Халифатом. Вспомним, в полном согласии с этим выводом Каргера именно с X века имя «Куяба» появляется у арабских географов. Все это однако ничуть не мешает Толочко видеть в найденных в могильнике предметах восточного происхождения доказательство существования «международной западно-восточной торговли через Киев уже в VIII—IX веках». С чего бы? Непонятно. Не просто ли с того, что так надо? Если Киев IX века — малюсенькая крепостишка размером меньше двух футбольных полей без постоянного населения, то как он мог в таком непрезентабельном виде оказаться центром «межплеменного полянского союза», а затем и столицей огромного могущественного государства, якобы созданного Вещим Олегом? То-то и оно! Надо, Федя, надо...

Могильник на Старокиевской горе преподнес археологам интересный сюрприз. Он перестал выполнять свои функции кладбища где-то в конце X века, но сюрприз не в этом. Прекращение функционирования могильника имеет вполне логичное объяснение. Как только на Старокиевской горе не в тенденциозных умозрительных построениях украинских историков, а в реальности появился настоящий средневековый город, он немедленно выплеснулся за ров древней слишком тесной для него крепостишки, а естественно ограниченный с двух сторон склонами горы, мог расширяться только на территорию могильника. Археологам давно известен этот город, он даже имеет собственное название — «город Владимира» — по времени возникновения в правление Владимира I в конце X столетия. Вероятно не случайно начало распространения города на могильник совпадает с крещением Руси, давшим Владимиру «этическое обоснование» уничтожения новой застройкой старого языческого кладбища. По свидетельству Константина Багрянородного, в середине X века, то есть когда могильник еще функционировал, из Киева в Византию ходили торговые караваны руси. Так вот, сюрприз могильника Старокиевской горы заключается в том, что в его захоронениях напрочь отсутствуют предметы византийского происхождения. Стало быть, либо импе-

ратор врал не хуже сочинителей ПВЛ, либо... столица Руси первой половины X столетия, то есть Самват Багрянородного, не имеет никакого отношения к крепостце на Старокиевской горе. Что ж, такое вполне возможно.

На третьей киевской горе, Лысой, археологам известно еще одно поселение со своим могильником и, предположительно, укреплением. М. Каргером оно датировалось IX—X веками, а П. Толочко и тут «в своем стиле» относит самые старые погребения могильника Лысой горы к VIII веку. Российский археолог Г. Лебедев, соглашаясь с Каргером относительно времени жизни поселения, высказал любопытное предположение, что это была крепость, построенная Вещим Олегом, она же Самват Константина Багрянородного[1]. М. Подгайный тоже связал появление поселения и могильника на Лысой горе с захватом Киева Вещим Олегом, но указал, ссылаясь на западных археологов, что они возникли одновременно только в самом начале X века и, следовательно, позже времени летописного Олега[2]. Оставляя в стороне персону «вещего князя» (личности, тем более мифические, для нас не релевантны), нельзя не признать заслуживающим внимания предположение, что комплекс Лысой горы и был Самватом Багрянородного, то есть столицей полюдья «Славинии». К сожалению, в общедоступной литературе слишком мало информации об археологических объектах Лысой горы, но время существования и расположение поселения с могильником над исторической гаванью Киева неплохо соответствуют описанию Константина.

Подол, низменная часть Киева у впадения в Днепр реки Почайны, широкое устье которой издревле служило торговым портом города, привлек внимание археологов относительно недавно. ПВЛ нас заверяет, что до середины X века люди на Подоле не селились, поэтому искать там истоки Киева археологи, традиционно безоговорочно верившие летописям, считали бессмысленным. Когда же у них руки (с лопатами) наконец дошли до Подола, выяснилось, что ПВЛ

---

[1] *Г.С. Лебедев.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

[2] *М. Подгайный.* Извращение истории Киевской Руси. (Интернет)

в очередной раз бессовестно всех обманула. На Подоле мощный культурный слой уходит в глубину до рубежа IX и X веков (древнейшая дендродата для постройки в районе Житного рынка — 887 год). Э. Мюле следующим образом обобщает результаты работы Подольской экспедиции М. Сагайдака: «Подол первой половины X в. был значительным торговым и ремесленным районом с развитой застройкой и сложившейся уличной системой».

Но... в спор с Мюле и, тем самым, со своим коллегой Сагайдаком вновь вступает П. Толочко. Основываясь на давних случайных находках отдельных вещей (одна византийская монета 537 года и керамика, отнесенная им самим к VII—VIII векам), он заселяет Подол уже в VI—VIII столетиях. Не правда ли, знакомая картина: керамика в лучшем случае седьмого века, а Подол заселен уже в шестом! (Кстати, на будущее полезно запомнить время начала заселения Подола у Толочко — VI век.) Между тем, В. Мезенцев ту же керамику датирует IX—X веками, то есть опять на два столетия позднее оценок Толочко. К этому остается добавить, что одиночная потерянная кем-то на берегу монета никак не может быть свидетельством постоянного заселения всего Подола того времени. То есть мы видим еще одну неуклюжую попытку Толочко археологически подтвердить рыбаковский «город Кия». Не мытьем, так катаньем. Невзирая на ПВЛ, в которой Кий «сидел на горе». Видимо Толочко тоже не слишком-то верит ПВЛ. А Рыбакову верит. Понятно, по должности.

А что же все-таки говорят археологи, не обязанные по должности верить Б. Рыбакову и брать соцобязательства по археологическому обеспечению его теорий?

Подводя итоги анализу археологических находок на территории столицы Украины, Ю. Кальмер приходит к ошеломляющему выводу, что IX век — «один из наименее интересных периодов в истории этой издревле заселенной местности». А ведь этот «наименее интересный период» Киева — время становления Киевской Руси согласно ПВЛ и «бурного расцвета Киева» в советских учебниках истории! Между тем, Кальмер относит начало самого раннего (!) «ур-

банистического» этапа истории города только к 880-м годам[1]. Практически совпадающее мнение высказывает профессор К. Цукерман: «...масштабные археологические раскопки... в Киеве, показали, что история города берет начало в конце IX в., а к середине X в. он превращается в важный городской центр»[2]. И наконец более развернутое, но столь же далеко отстоящее от концепций Рыбакова и их «подтверждений» украинскими археологами заключение Э. Мюле: «Картина, которая складывается в результате обозрения материалов исследований о киевском комплексе поселений последней четверти X в., показывает ряд маленьких, топографически обособленных поселений... Политико-административная и культово-религиозная роль этому поселению [на Старокиевской горе. — *В.Е.*] как центру в VII—VIII вв. еще не принадлежала. Датировка решающих археологических комплексов — оборонительного рва и капища — остается до сих пор неясной. Не исключено, что оба они возникли только в течение IX века... Отчетливо зафиксированы... военно-политические функции города как центра в X веке. В то время поселение становится центром киевского конгломерата поселений... Подол... в середине X в. со своими усадьбами, частоколами и улицами выступает уже как развитый район города с выраженным торгово-ремесленным характером. На Лысой горе в районе позднего Копырева конца поселение зафиксировано только в X веке. Было ли поселение на Лысой горе укреплено, неясно».

В итоге три очень близких мнения крупных западных археологов оказываются весьма далекими от того, что постулировали Б. Рыбаков, П. Толочко и их ученики. И, что особенно настораживает, они кардинально противоречат написанному в ПВЛ, советских энциклопедиях и наших учебниках истории. Оппозиция всего мира советской и украинской археологической школе столь одиозна, что при-

---

[1] *J. Callmer.* The Archaeology of Kiev to the End of the Earliest Urban Phase. // Harvard Ukrainian Studies, 1987, №11.

[2] *К. Цукерман.* Два этапа формирования древнерусского государства. // Археология, №1, 2003.

знание этого факта пробивает себе дорогу даже на Украине. Один из пока немногочисленных примеров такого признания — резюме публикаций В. Мезенцева, Э. Мюле и К. Цукермана херсонским краеведом М. Подгайным: «...создается впечатление, что украинские историки в вопросах трактовки раннего периода существования Древнерусского государства противостоят всему мировому научному сообществу. В качестве показательного примера можно сослаться на трогательное единство мнений американских и европейских ученых по вопросу о возрасте городища на Старокиевской горе. И те, и другие уличают киевских археологов в заведомо ложной датировке находок с целью искусственно завысить возраст Киева...».

Тем не менее, противостояние П. Толочко и его школы консолидированному мнению западных археологов продолжается. Увы, без каких-либо новых аргументов, вследствие чего это противостояние все больше становится похожим на спор глухих. Но мы, не будучи глухими, все же выслушаем возражения Толочко заграничным оппонентам: «Если бы И. Каллмер, а вслед за ним и К. Цукерман потрудились изучить труды киевских археологов, то они бы увидели, что культурные слои Киева, датирующиеся VIII—IX вв., обнаружены на значительной площади, исчисляющейся десятками гектаров»[1]. На самом деле, судя по опубликованным результатам, оппоненты П. Толочко потрудились и потрудились основательно. Никто ведь не отрицает, что территория нынешнего Киева обитаема с незапамятных времен. Город-то где? Что ж, слушаем Толочко дальше: «Дендродата одной из построек Подола — 887 г. — вовсе не является доказательством начала урбанистического этапа в истории Киева. Просто археологам посчастливилось обнаружить остатки одной из сохранившихся его ранних построек. Она стояла на культурном слое, который образовался в течение VIII—IX вв., содержал керамику, изготовленную на круге так называемого курганного типа, и лепную». (Попутно обратим внимание на «прогресс» во взглядах Петра Петровича: ранее он засе-

---

[1] *П. Толочко.* Русь изначальная // Археология, №1, 2003.

лял Подол — мы запомнили эту дату! — с шестого века. Теперь речь идет только о восьмом. Все те же сакраментальные два века, но на сей раз в противоположную сторону!)

А теперь по существу вопроса. Кальмер отнес начало урбанистического периода к концу IX века вовсе не по подольской дендродате 887 года, а на основании всестороннего анализа известных археологических находок. Между прочим, к их числу не относился некий «культурный слой, который образовался в течение VIII—IX вв.» и на котором якобы стояло постройка, датированная 887 годом. Никто кроме Толочко такого слоя на Подоле не знает. Коллега Толочко М. Сагайдак, непосредственно раскапывавший Подол и нашедший ту постройку, однозначно говорит о начале регулярного заселения Подола только с рубежа IX—X веков. Дальше больше. Упомянутая Толочко керамика «курганного типа» характерна только для X—XIV столетий и вряд ли может иметь отношения к выдуманным им культурным слоям VIII—IX, а тем более VI веков. Что же до гончарной и лепной керамики вообще, то если она и служит признаком чего-либо, то отнюдь не урбанизации, так как в деревне горшки нужны не меньше, чем в городе, а смешанного характера сельского населения на Подоле, скорее всего хазарского и славянского.

Что ж, приходится констатировать, что достойных возражений европейским оппонентам у П. Толочко не нашлось. Поэтому предоставим последнее слово Б. Рыбакову. Будучи един в двух лицах — искренне увлеченным историей человеком и академиком-секретарем Отделения истории Академии наук СССР — Борис Александрович сформулировал в одной и той же популярной статье для журнала «Вокруг света» два противоречащих друг другу тезиса. Первый — академика-секретаря и хранителя идеологических устоев: «Мы теперь[1] можем определить, что Киев начал играть свою историческую роль с момента своего возникновения; он возник как историческая необходимость полторы тысячи лет тому на-

---

[1] Существенное слово «теперь». Статья опубликована в апреле 1982 года непосредственно перед официальным празднованием 1500-летия Киева.

зад». Второй тезис — ученого-историка, все же не имеющего морального права игнорировать археологически очевидное: «Обращаясь к данным археологии, следует отказаться от мысли, что археологические раскопки откроют нам классический средневековый город с кремлем и посадом, с торговыми площадями, ремесленными кварталами и несколькими линиями укреплений. Таким Киев станет в пору своего расцвета в X...XIII веках». То есть, если без экивоков, пассажи академика следует понимать так: полторы тысячи лет назад Киев возник как **политическая необходимость** для советского и партийного руководства УССР, преданно обслуживаемого передовой советской исторической наукой; а вот как **историческая реальность** он существует лишь с X века, то есть всего тысячу лет. Так что, если не хотим верить европейским археологам, давайте поверим хотя бы Рыбакову.

ДРЕВНИЙ КИЕВ БЕЗ МИФОЛОГИИ

Рассказывают, Главное политуправление Советской Армии однажды издало приказ пресекать слухи о том, что Киев основан евреями, и утверждать, что Киев основали славяне [1]. Не знаю, издавал ли подобное распоряжение Президиум Академии наук, но если не печатная буква, то крепкий дух его постоянно витал в академических кругах советских историков, особенно на Украине. Этим духом проникнут не только первый приведенный выше тезис академика-секретаря, но и целая концепция Б. Рыбакова о неком «полянском союзе племен», якобы образовавшемся вокруг Киева и давшем начало Киевской Руси. В этой концепции племена восточных славян политически зреют без всякого вредоносного влияния извне; окончательно созрев, они объединяются вокруг самого спелого в их среде племени полян; Киев, основанный в начале VI века полянским князем Кием, становится политическим центром этого племенного союза; со временем главенство в союзе каким-то образом прибирает

[1] *И. Ольшаницкий.* Кто основал Киев? (Интернет)

к рукам тоже славянское, но более южное племя русь, однако на троне остаются потомки Кия, чья династия пресекается с гибелью ее последних представителей, Аскольда и Дира, от руки захватчика Киева Вещего Олега. Строго говоря, эта концепция никак не согласуется даже с ПВЛ, где Кий княжит не в большом племенном объединении, а всего лишь «в роде своем», если и вовсе не трудится от зари до зари перевозчиком; Киев — не крупный политический центр союза племен, а «мал градок», платящий дань хазарам; Аскольд и Дир — не наследственные правители древней полянской династии, а худородные «находники» не южного славянского, а северного варяжского племени. Не подтверждается она и археологией. Город Киев, тот, который стал столицей Древней Руси, как мы уже успели выяснить, возникает отнюдь не в рыбаковские «времена Кия», а на полтысячи (!) лет позже. Что же до великого «полянского объединения племен», то никаких следов не только «объединения», но и самих «полян» археологи не нашли.

В VIII—X веках, то есть в период расцвета в среднем Поднепровье рыбаковского «полянского союза», Днепр служит границей между двумя обширными археологическими культурами: луки-райковецкой на правобережье и роменско-боршевской по левому берегу. Первая традиционно сопоставляется с летописными древлянами, вторая — с северянами. Для приютившихся, если верить ПВЛ, на днепровских берегах между теми и другими полян места просто-напросто не остается. Ничем археологически не отличается Киевщина IX—X веков от остального правобережья Днепра. То есть, повсюду на правом берегу живут одни древляне, а на левом — одни северяне. Никаких «полян».

Обе археологические культуры, луки-райковецкая и роменско-боршевская, считаются славянскими, но если первая наследует безусловно славянской прага-корчакской культуре и тем самым является славянской, если так можно выразиться, во втором поколении, то предшественница второй из них — пеньковская — вызывает у ряда археологов определенные сомнения в своей стопроцентной «славянскости». В любом случае, поскольку обе археологические культуры в

X веке сливаются в единую древнерусскую, славянские компоненты оказываются абсолютно преобладающими в последней. Но не единственными. Насколько можно судить по доступной открытой печати, из земли Киева удалось извлечь лепную керамику прага-корчак и луки-райковецкую, то есть славянскую разных периодов, а также гончарную салтово-маяцкую, то есть хазарскую. Конечно, этих данных слишком мало, чтобы делать окончательные выводы, но они позволяют представить себе предположительную картину рождения «матери градам русским», наиболее вероятную с учетом всего, чем мы располагаем сегодня.

В VI—VII веках на территории нынешнего Киева периодически возникали, какое-то время жили и вновь исчезали небольшие славянские поселения, перемежавшиеся со стоянками забредших кочевников, в разные периоды алан, авар и булгар. В периоды относительного мирного затишья в причерноморских степях оседлым обитателям Среднего Поднепровья удавалось добираться до Черного моря и совершать кое-какие торговые сделки в ближайших греческих полисах, Ольвии, Керкинитиде и Херсонесе. Возможно, наоборот, какие-то византийские купцы, проплывая по Днепру, заплывали в прибрежные славянские поселения. Но последнее маловероятно: что для греков такого притягательного в этой глухомани, до которой добираться надо через каскад труднопроходимых порогов? Скорее всего, единичные греческие монеты, найденные в киевской земле, были привезены местными «предпринимателями», время от времени добиравшимися до ближайших византийских владений. В VII веке какие-то славяне приобрели опыт более дальних походов, вплоть до византийской столицы, сопровождая авар под стены Константинополя в 626 году. Но нет никаких оснований утверждать, что те славяне были с берегов Днепра.

В середине VII века хазары захватили Крым. Вероятно к концу того же столетия под власть хазар попало и Среднее Поднепровье. На территории Киева арабские монеты VIII—X веков, найденные по одиночке и в составе одного большого клада (200 монет), позволяют предположить, что именно

этот период соответствует на Киевщине «хазарскому игу» ПВЛ. Оказавшись в Хазарском каганате, с VIII века Среднее Поднепровье до некоторой степени приобщилось к восточной цивилизации, но только в качестве сателлита и данника. Судя по количеству найденных в Киеве арабских монет, поток материальных ценностей в тот период шел главным образом с Днепра в Хазарию в форме различных даней и поборов, но был несоизмеримо меньшим в обратном направлении. Похоже, хазарам днепровские кручи понадобились не столько как торговый центр, торговать в котором было просто не с кем, а удобное место для пограничного укрепления не первостепенного значения. Выглядит вполне вероятным, что именно хазары уничтожили старое славянское поселение на Замковой горе и построили свою небольшую крепость на Старокиевской.

Фактическая оккупация Поднепровья венграми в 830-е годы вынудила хазар перенести западную линию пограничных укреплений с Днепра на Дон, где они построили новую более серьезную крепость Саркел. Отпавшее от хазар и лишенное мадьярами связи с Черным морем, Среднее Поднепровье вновь на полвека превратилось в захолустье с редким и подвижным населением, наиболее оседлую часть которого составляли, по-видимому, местные луки-райковецкие и роменско-боршевские славяне.

Но вот, на рубеже IX и X веков произошло сразу несколько важных для будущего Киева событий. С хазарского благословения печенеги изгнали мадьяр из Причерноморья, вследствие чего Киевщина возвратилась под крыло Каганата. Днепр, до того полностью заблокированный оккупировавшими его берега полуоседлыми венграми, снова превратился в торговый путь местного значения, на котором, однако, все еще сохранялась опасность подвергнуться нападению кочевников-печенегов. Вследствие активизации судоходства по Днепру в устье Почайны все чаще стали появляться корабли с его верховьев (из Смоленска-Гнездова) и, возможно, даже с Волхова (из Ладоги и Рюрикова городища). Благодаря удачному сочетанию всех этих факторов кучка заброшенных сел на днепровских кручах постепенно преобразилась

в оживленный восточный городок. Не европейский средневековый, а именно восточный, хазарский. Как констатирует Э. Мюле и даже признает Б. Рыбаков, в этом городке не было кремля и посада, линий укреплений и дворцов знати. Киев начала X столетия больше походил на большой разноязыкий восточный базар и караван-сарай.

Разрастаясь благодаря торговле руси с хазарами, вероятно в первую очередь работорговле, город сначала выдвинулся от первых хазарских лавок и складов товаров у торговых пристаней устья Почайны на Подол, позже забрался на заброшенную Замковую гору, а затем вольготно раскинулся на весь Копырев конец. В жилищах того времени, раскопанных в этих районах Киева, найдена характерная хазарская гончарная керамика салтово-маяцкого типа и славянская луки-райковецкая глиняная посуда ручной лепки.

Растущий город влек к себе сельских жителей. Молодой Киев вбирал в себя окрестное население, что, с одной стороны, поддерживало его рост, а с другой, — постепенно, но неуклонно меняло этнический состав обитателей. Сначала пришлые окрестные славянские селяне подстраивались под местные порядки и даже, судя по одному из подписантов «Киевского письма» Гостяте, становились иудеями-прозелитами, но по мере увеличения их доли в населении и веса в жизни города потихоньку начинали устанавливать свои порядки. Киев постепенно превращался из хазарского города в славянский, что хорошо иллюстрируют могильники Старокиевской Горы. Там, на пустынном в то время южном ее склоне за крепостью, вдалеке от обжитых Подола и Копырева конца, сначала разместилось хазарско-аланское кладбище («Могильник III» по Каргеру), но позже рядом возник и потеснил его древнеславянский могильник («Могильник I»). Наконец, появление в начале X века еще одного могильника («Могильника II») вместе с поселением на Лысой горе, которые историки и археологи почти единодушно связывают со скандинавами, ознаменовало новый этап в жизни к тому времени уже в основном славянского Киева.

Однако хазарская «закваска» ощущалась в Киеве как минимум до XI века, что нашло свое отражение в «полянах»

ПВЛ, которые: «...имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводит ее накануне, а на следующий день приносят за нее — что дают». Характерно, что в ПВЛ порядки у «полян», то есть жителей Киева, разительно контрастируют с нравами, сохранявшимися у древлян и северян, то есть сельских жителей киевских окрестностей: «А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое...», «...браков у них [северян] не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены». Как видим, киевские «поляне» все еще соблюдают иудейские ветхозаветные порядки в семье и даже кошерные правила питания, в то время как окрестные славяне живут в соответствии со своими древними языческими традициями, не гнушаясь многоженством и не брезгуя есть все подряд — и «чистое», и «нечистое».

Таким образом, «поляне» ПВЛ изначально оказываются «подолянами», то есть жителями киевского Подола и Копырева конца, в основном хазаро-иудеями. Двести лет спустя, то есть во времена, когда писалась ПВЛ, когда Киев стал большим средневековым славянским городом, а его центр переместился в «город Ярослава», уничтожив тем самым древние могильники Старокиевской горы, этникон «поляне», по-видимому, распространился на всех обитателей этого престижного района города, сохранившего старое название «Поля вне града». Если это так, то «поляне» ПВЛ — это не этноним, не некое славянское племя Киевщины, а топоним, первоначально относившийся только к хазарскому населению Киева, а позже распространившееся на обитателей «Поля (вне града)», а затем и на всех коренных киевлян независимо от их этнической и религиозной принадлежности. В начале X века в многонациональный конгломерат «полян» влился третий компонент — варяжская русь. Захватив в Киеве командные — в прямом и переносном смысле — вы-

соты, он дал полянскому конгломерату народов свое имя, что постфактум констатировала ПВЛ: «поляне, ныне зовущиеся русью».

Основной денежной единицей Восточной Европы в VIII и IX веках был арабский серебряный дирхем. Клады с арабским серебром надежно маркируют европейские торговые пути того времени, к концу указанного периода практически монополизированные русью. Таким образом, клад с дирхемами — надежное свидетельство того, что на землю, в которой он был зарыт, ступала нога купца руси. Распределение найденных археологами многочисленных кладов с арабским серебром 786—900 годов дает выразительную картину: такие клады есть в Старой Ладоге, окрестностях Новгорода, Ростова и даже в Подмосковье. Вот только в Киеве их нет. По заключению одного из ведущих российских археологов В. Янина, в течение двух последних третей IX века (так называемая «вторая фаза» обращения дирхемов) район Нижнего и Среднего Днепра выпадает из зоны монетного обращения Восточной Европы, а начало функционирования знаменитого летописного пути «из варяг в греки» Янин относит только к X веку. Отметим еще раз явное расхождение с ПВЛ, где этот путь существует веком раньше, если вообще не со времен св. Андрея Первозванного. На самом деле в девятом столетии Среднее Поднепровье находилось вне европейских торговых путей, не было в то время, никакого пути «из варяг в греки», и корабли руси не приставали к причалам Почайны. Этот летописный путь проявляется лишь с появлением в Киеве руси в начале X века зарытыми в киевской земле дирхемами, отметившись первым кладом 907 года на Лысой горе и множась потом на остальной территории города.

Нетрудно представить, что скандинавы, обосновавшейся в конце IX века в Гнездове, спускались по Днепру в район Киева для торговли с местными хазарами. Можно даже предположить, что, воспользовавшись уходом венгров с днепровских порогов, они ходили мимо Киева к Черному морю и, проходя мимо, «положили глаз» на перспективное место — быстро растущий город. А в какой-то удобный момент, не довольствуясь ролью заезжих гостей, «наложи-

ли лапу» на его торговый порт, для чего поставили поселение на контролирующей гавань Лысой горе. Так провинциальный славянско-хазарский город, пополнившись торговой варяжской факторией, начал свое превращение в «мать градам русским».

Принадлежность комплекса из поселения и могильника на Лысой горе «находникам» скандинавам не вызывает сомнений у Г. Лебедева, вроде бы принимается западными, и даже не оспаривается украинскими археологами. Отдельный вопрос, было ли это поселение, как полагает Лебедев, Самватом. У Багрянородного Самват — безусловно крепость, точнее замок (καστρον), однако наличие укреплений у поселения Лысой горы Э. Мюле не считает доказанным. Присутствие или отсутствие фортификаций само по себе не может быть решающим фактором для атрибуции поселения скандинавам. Их торговые фактории в восточной Европе в основном имели характер так называемых «открытых торгово-ремесленных поселений», либо вовсе не имеющих укреплений, либо укрепленных чисто символически. Вероятно такие фактории без постоянного населения, чьи обитатели в случае опасности в любую минуту могли сняться с места, серьезной фортификации просто не требовали. Например, у Ибн Фадлана в описании 922 года фактории руси в Булгаре нет ни малейших намеков на какие-то укрепления. Торговая русь живет там в коллективных гостиных домах и, судя по всему, в них же хранит свои товары. Рядом у причалов стоят корабли, в любой момент готовые унести хозяев подальше от опасности, а когда пробьет час, то и в последний путь, послужив топливом для погребального костра.

Таким образом, наличие укреплений не принципиально для признания поселения на Лысой горе оплотом руси в Киеве. Но оно совершенно необходимо для отождествления его с Самватом. С другой стороны, есть иные версии места расположения «крепости Киоава-Киовы». В. Янович полагает, что Самват находился в устье не Почайны, а Лыбеди на так называемом Бусовом поле[1]. Наконец, даже среди

---

[1] *В. Янович.* Великая Скифия: история докиевской Руси. М., 2008.

специалистов бытует этимологизация слова «самват» из хазарского языка, где оно якобы означает «высокое укрепление». А ведь такая этимологизация, к сожалению неизвестного происхождения и сомнительной достоверности, но вполне соответствующая определению Самвата у Багрянородного как замка, вообще указывает скорее не на Киев, а на Вышгород — ставший в наше время киевским предместьем. Действительно, это сохранившееся до наших дней название представляет собой практически точную кальку с хазарского «высокого укрепления». Идентичность Вышгорода с Самватом тем более вероятна, что Багрянородный знает город Руси Вусеград[1]. Единственный «пустячок», которого не хватает Вышгороду, чтобы стать общепризнанным Самватом, это археологическое подтверждение его существования в середине X века, причем обязательно с крепостными стенами. Тогда он имел бы безусловное преимущество перед Лысой горой, не говоря уже о «городе Кия» — убогой крепостишке на Старокиевской горе рядом с могильником, лишенным скандинавских захоронений во времена Багрянородного.

Уступая очевидности фактов, Б. Рыбаков все же отчаянно пытался спасти свое детище, следующим образом объясняя, почему его «город Кия» оставался маленькой крепостцой с начала шестого века до конца девятого: «Рождающиеся города — это не сказочные палаты, возникающие в одну ночь». Действительно, за одну ночь города не возникают, но речь-то не об одной, даже не о тысяче одной ночи — никакого прогресса за... почти четыреста лет! Видимо эта неувязочка смущала самого́ академика, и он искал, искал объяснение: «Град князя Кия на горе не разрастался в то время; тогда была пора не строительства, а походов, не производства, а трофеев. Но историческая роль Киева начиная с этого времени непрерывно возрастает». Так попытка объяснить неувязку только умножила несуразности.

Владыки и их подручные сами никогда не занимались производством, но всегда охотно использовали и его про-

---

[1] О возможности двух названий у Константина для одного и того же города см. «Читая Константина Багрянородного». (*В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010).

дукты, и трофеи от походов для своих собственных нужд. В число этих нужд входило, не в последнюю очередь, престижное жилье. Но в Киеве VI—IX веков почему-то не было хором, ни княжеских, ни воеводских, ни боярских. А вот после корсуньского похода Владимира I (стало быть, заметим себе, рыбаковская «пора походов, а не строительства» еще не закончилась!) как по мановению волшебной палочки появляются не только каменная Десятинная церковь, но и княжеские палаты, общественные здания. Что же касается исторической роли захолустной крепостишки без постоянного населения, якобы непрерывно возраставшей четыре века, то тут, как ныне модно выражаться, no comment. Откровенная ерунда, правда, совершенно необходимая для удержания на плаву другой выдумки академика — «полянского союза племен», якобы объединившихся вокруг Киева. Когда роль Киева возросла на самом деле, без всяких перезрелых племен и их союзов, о нем как о большом торговом городе тут же заговорили «всяки языци»: и хазары, и греки, и арабы — все дружно в X веке. А до этого — молчок! Неподкупная археология объясняет: просто говорить было не о чем.

КИЕВСКАЯ РУСЬ БЕЗ КИЕВА

Определение реального возраста Киева важно само по себе, особенно для киевлян и Украины, но есть у этой проблемы и более широкий аспект, затрагивающий всю русскую историю. Совершенно очевидно, что если IX век — самый неинтересный период в истории Киева (Ю. Кальмер), если военно-политические функции города как центра отчетливо зафиксированы только в X веке (Э. Мюле), если только к середине X века Киев превратился в важный городской центр (К. Цукерман), то, спрашивается, где же тогда центр языческой Киевской Руси, где столица государства Аскольда и Дира, Олега и Игоря? Есть «город Владимира», есть «город Ярослава», есть недвусмысленные археологические следы деятельности последующих киевских правителей, а вот «го-

родов» Аскольда и Дира, Олега и Игоря нет. Нет стольного града Киева второй половины IX и первой половины X века!

Если бы дело было только в ущемленной национальной гордости украинцев, то, посочувствовав славянским братьям, мы могли бы оставить эту проблему им. Но такой конфуз киевской археологии в очередной раз, и очень серьезно, ставит под сомнение достоверность ПВЛ. А поскольку ПВЛ остается единственным источником сведений о начальной Руси, то под сомнением оказывается вся история дохристианского русского государства, наша общая древняя история. Упорное сопротивление археологически очевидному со стороны советских, а в последние годы украинских историков вызвано не только по-человечески понятным стремлением отодвинуть как можно глубже в древность истоки Киева, но и отчаянным желанием спасти, реабилитировать ПВЛ, ибо с потерей Киева второй половины IX и первой половины X веков мы теряем не только целый век нашей древней истории, но, что самое ужасное, остатки доверия к ПВЛ как летописи Древней Руси.

Мне не раз доводилось высказывать свое личное твердое убеждение, что ПВЛ — не летопись. Ее авторы сами назвали свое творение **повестью**. Уверен, любой объективный неангажированный читатель, давший себе труд прочитать хотя бы ее начало, согласится с авторским определением жанра. Собственно ПВЛ, то есть текст так называемой «недатированной части» летописных сводов и всех их статей с годовой маркировкой [1] в пределах IX и большей части X веков не имеют к летописанию никакого отношения. Все это, если не считать выписок из переводов на староболгарский язык пары византийских хроник, — чистая беллетристика, эклектический сборник мифов и легенд в основном историко-патриотической тематики с более чем условными, проставленными задним числом и ошибочно вычисленными датами, причем достоверность реальной подоплеки мифологии ПВЛ неуклонно падает с удалением мифов в глубь веков.

---

[1] Сегодня среди историков практически общепринято, что годовые маркеры в ПВЛ для IX и X веков были расставлены постфактум и не являются реальными историческими датами.

«Основатель» Киева и «полянской династии» Кий был мифической фигурой уже во времена написания ПВЛ. Похоже, очень древнее местное предание считало его перевозчиком. Однако после того как то ли торговые караваны днепровской руси, то ли уже дружины первых киевских князей добрались до Дуная и обнаружили на моравских берегах городок Киевец, сформировался миф о «князе Кие», ходившем «к царю» и на обратном пути основавшем еще один малый дунайский Киев.

Миф может жить очень долго и в любое время, даже в наши дни, обрастать новыми подробностями. Причудливая фантазия Б. Рыбакова не ограничилась изобретением для Кия собственного города и подвластного ему союза племен, но добавила к ним... «исторический прототип» в лице некого Хильбудия. В «Готской войне» Прокопия Кесарийского в событиях, относящихся к 530 году, повествуется о двух тезках Хильбудиях. Чтобы соотнести летописного Кия с общечеловеческой историей, Рыбаков лихо скрестил обоих протагонистов Прокопия, благо один из них был римским военачальником, то есть «почти княжеского звания», а другой — антом, то есть, в понимании Рыбакова, «славянином». В сумме получилось нечто вроде славянского князя. Вот только непонятно, невнимательно прочитал Прокопия Борис Александрович или снова слукавил. Ведь у кесарийского историографа Хильбудий-I «близок к императорскому дому» и его родной язык — латынь, а Хильбудий-II тем более никак не мог быть славянским князем, так как, будучи безродным антом, как раз воевал со славянами и попал к ним в плен.

По-своему спасти Хильбудия и изобретенную Рыбаковым его связь с Кием попытался В. Янович. Получилось еще смешнее. Не смущаясь авторитетом академика, Янович возвратил Кию статус перевозчика, точнее строителя киевской переправы, в которой якобы использовались некие сваи, якобы называвшиеся в древности киями. Соответственно, Хильбудий был переделан в... Кий-будия, где *будий*, согласно Яновичу, по-украински и по-польски означает «строитель». Не знаю, есть ли в украинском и польском языках конкрет-

но слово *будий*, вот только в древнерусском его не было. Да, корень *буд-* имеется в современном украинском (например, по-украински *будинок* — «дом»). Есть он и в польском, и вот тут-то как раз зарыта собака. Корень *буд-* заимствован украинским из польского, а тем, в свою очередь, — из немецкого, в котором Bude — «дом, барак, хибара, лачуга». Таким образом Кий из рыбаковской помеси римлянина с антом превращается Яновичем в немца. Впрочем, бог с ними, этимологиями, ведь и без всякой лингвистики, в которой, прямо скажем, Янович не силен, его Кий-будий — это в лучшем случае «строитель киев», если в таком словосочетании вообще есть какой-нибудь смысл, а не переправ, пусть даже свайных.

В итоге полянского князя-славянина из Кия как-то не вышло. Тем более, не будем тратить время на его братьев и сестру. Большинство современных историков считают их персонажами мифическими, рожденными народной фантазией для объяснения киевских микротопонимов. Только неутомимый Б. Рыбаков нашел Кию, Щеку и Хориву, если и не прототипы, то некие фольклорные аналоги: Куара, Мелтея и Хореана — в древнеармянской «Истории Тарона» З. Глака, жившего в IV веке. Поскольку Рыбакова, к сожалению, уже нет в живых, предлагаю читателю, в качестве домашнего задания, самому придумать, как Куар мог превратиться в Кия, Мелтей — в Щека, куда подевалась Лыбедь, когда на самом деле жил Кий: в IV (Куар), V (официальная дата основания Киева) или VI (Хильбудий) веке,— и кем все-таки был Кий: римлянином, антом или армянином? Информация к размышлению при выполнении домашнего задания: согласно Беде Досточтенному (673—735), имена волхвов, принесших дары новорожденному Иисусу, — Каспар, Мельхиор и Валтасар. Рекомендуемый ответ домашнего задания: Киев был основан до Рождества Христова по предсказанию волхвов римским императором армянского происхождения, который, вне всякого сомнения, был «славянской национальности».

Однако шутки в сторону. Оставим троицу братьев с сестрой на берегу Днепра и аккуратненько — не опрокинуть бы ненароком их шаткое каноэ — уберемся подальше, от начала «полянской династии» сразу к ее гипотетическому кон-

цу. Вина в таком скачке не наша, а ПВЛ. Никакие иные правители Киева между Кием и Аскольдом с Диром не удостоены ее вниманием. Если, конечно, они вообще существовали.

В околонаучной литературе арабскому географу аль-Масуди настойчиво приписывают упоминание в его «Золотых копях и россыпях самоцветов» то ли киевского князя, то ли некого славянского короля Дира. Но серьезные историки про «короля Дира» молчат и не случайно. Ссылки на аль-Масуди смахивают на обыкновенную «утку». Много ли у нас отыщется даже профессиональных историков, читавших аль-Масуди в оригинале? До сих пор при обращении к арабским источникам наши историки ссылаются на А. Гаркави (1839—1919), то есть переводы почти столетней давности! Весь список советских арабистов ограничивается единственным именем тоже ныне покойного А. Новосельцева (1933—1995). При таком положении дел беспределен простор не только для новых исследований, но и для фантазий. Вот только в отношении аль-Масуди все это не принципиально. Ведь он писал свои «Золотые копи...» в первой половине X века — слишком поздно для Дира ПВЛ, но слишком рано, чтобы знать о Киевской Руси.

Принадлежность Аскольда и Дира к «полянской династии» Кия постулирована польским историком XV века Я. Длугошем на неизвестных основаниях. В ПВЛ они оба — простые дружинники Рюрика, захватившие власть в Киеве по пути в Константинополь. Кому верить, Длугошу или ПВЛ? Судя по именам, скорее варяжским, чем славянским, в данном случае я бы поверил ПВЛ. Хотя сомнения в Длугоше вовсе не обязывают верить ПВЛ, которая заставила загадочную парочку вместе приплыть в Киев, вместе в нем править, вместе ходить на Царьград, вместе погибнуть от руки коварного Олега, но почему-то похоронила порознь[1]. Как объясняются причины такой неразлучности при жизни и посмертной раздельности? Никак. Были ли соправители

[1] Надо ли говорить, что на самом деле неизвестно, кто и когда похоронен, да и вообще похоронен ли кто-нибудь в знаменитой Аскольдовой могиле. Тем более это справедливо для неизвестной могилы Дира.

братьями, отцом и сыном, верными друзьями или, извините, геями? Неизвестно. Есть ли хоть какие-то свидетельства помимо ПВЛ их похода на византийскую столицу? Ни в одном византийском документе, вообще ни в одном документе кроме ПВЛ их имена не встречаются. Как справедливо заметил ленинградский филолог О. Творогов, известная атака руси на Константинополь 860 года связана в ПВЛ с именами Аскольда и Дира вследствие недоразумения. Расставив задним числом даты в ПВЛ, некий летописец усмотрел, что дата появления руси под Царьградом, ошибочно приуроченная им к 866 году, попала на вычисленное им же время правления Аскольда и Дира (862—882). Поэтому он от себя добавил их имена в статью 866 года, пересказывающую греческую хронику за 860 год.

С учетом всего сказанного наиболее естественным выглядит признание абсолютной легендарности неразлучной парочки. На мой взгляд, есть очень простое объяснение проникновению имен Аскольда и Дира в ПВЛ и только ПВЛ, причем именно в тандеме. Слишком уж они похожи на имена сводных братьев, сыновей Одина — Скьольда и Тюра (Тира). Варяжская русь принесла эти имена на киевскую землю вместе со своим фольклором. После обретения русью главенства в Киеве появилась фактическая основа для персонификации в этих именах всей руси, пришедшей с Новгородчины и прибравшей к рукам власть на Киевщине, что позже нашло отражение в мифологии ПВЛ.

О мифичности следующего по сценарию ПВЛ правителя Киева, Вещего Олега, уже было сказано немало. К этому можно еще добавить, что ее очень выразительно подчеркивает множественность его могил. Киевский автор ПВЛ похоронил вещего князя у себя, на горе Щекавице, где в его время было городское киевское кладбище, кстати, существующее и поныне. Ладожская версия ПВЛ упокоила Олега неподалеку от Ладоги, на берегу Волхова. Безымянный автор «Кембриджского документа» оставил прах Олега покоиться на Кавказе. Но ведь Вещий Олег не христианский святой, чтобы растаскивать его мощи по всему свету. А версия ПВЛ с киевским захоронением на самом деле маловероятна

по «чисто техническим» причинам. Автор ПВЛ уверяет нас, что могила Олега на Щекавице еще существовала в его время. Это совершенно неправдоподобно. Языческое захоронение князя ранга, присвоенного ему ПВЛ, должно было бы представлять собой громадный курган, а не какую-то могилу на христианском кладбище. Вот если бы вся гора Щекавица и была бы надмогильным курганом Олега, насыпанным руками согнанных на похороны владыки подданных его громадной разноплеменной империи, такое погребение было бы достойно великого князя. А то могилка на кладбище! Вот волховская «Олегова могила» — это, по крайней мере, действительно сопка, почти настоящий курган, хотя и вряд ли соразмерный величию и могуществу, приписываемым ПВЛ «вещему» князю. Остается только сожалеть, что неизвестно, кто на самом деле лежит под этой сопкой.

Как написано в ПВЛ, Вещий Олег, властвуя над полянами, древлянами, северянами и радимичами, «начал ставить города». Благое дело. Вот только нет этих городов, не нашли археологи городов на Руси времен Олега. «Города Олега» нет в самом Киеве. Городов периода, отведенного ему для княжения в ПВЛ, нет на территориях ни полян, ни древлян, ни северян, ни радимичей. Ни одного города времени правления Олега во всей древней Руси, кроме Старой Ладоги, но ту «поставили» лет за сто до его рождения, да Рюрикова городища, которое к полянам и иже с ними никакого отношения не имеет.

В итоге нет ни одного реального следа бурной деятельности князя. Ни в стране, ни за рубежом. Особенно показательно отсутствие «города Олега» в самом Киеве. Выше говорилось, что археологи нашли и уверенно очертили «город Владимира» и «город Ярослава». А «города Олега» в Киеве нет, как нет и других «поставленных» им городов. А ведь Олег, утверждает ПВЛ, княжил в Киеве тридцать три года — столько же, сколько Ярослав и лишь на два года меньше Владимира, причем княжил, в отличие от них, в идеальных условиях: имел мир со всеми странами, собирал дань с множества подвластных народов, получил огромный выкуп с Византии. И, купаясь в богатстве, даже не построил

себе мало-мальски приличный дворец? Ну, хорошо, допустим, сам был он бессребреником, закаленным воином, ночевал на открытом воздухе, укрывшись попоной от опального коня. Но неужели все его окружение тоже состояло из аскетов? Не в одиночку же Олег командовал двумя тысячами кораблей! Не собственноручно сдирал дань со всех подвластных стран и народов! Не самолично прорабствовал при «постановке городов»!

Первый правитель Руси, чье имя появляется у византийских хронистов — Игорь. С этого момента как будто прорывает плотину: в греческих документах фигурируют все властители Киевской Руси в ПВЛ, правившие после Олега: Игорь, Ольга, Святослав и Владимир. Очень странно! До Игоря греки не знают ни одного киевского архонта, даже случайно, эпизодически (хотя, как мы помним, у Рыбакова «Киев начал играть свою историческую роль с момента своего возникновения», то есть с VI века!). Зато начиная с Игоря — полный кворум архонтов, даже местами с отметками о родственных отношениях. Так, Константин Багрянородный и Лев Диакон называют Святослава сыном Игоря, так же, как митрополит Иларион и авторы ПВЛ. Византийский хронист XI века называет Ольгу супругой «отправившегося в плаванье против ромеев русского архонта», вероятнее всего Игоря, то есть опять-таки в унисон с ПВЛ. Еще одно важное созвучие греческих хроник со «Словом о законе и благодати» Илариона: поминая Игоря и Святослава, они никак не связывают их с Киевом! И византийские авторы, упоминающие Игоря, Ольгу и Святослава, не знают никакого Киева до середины X века[1], когда он впервые появляется у Константина Багрянородного как Киоав-Киова, в которой сидят безымянные архонты руси, совместно оббирающие полюдье «Славинии».

Вся деятельность Игоря, отраженная в документах вне круга наших летописей, проходит в Причерноморье и нико-

---

[1] Отмеченные параллели византийских хроник и «Слова о законе и благодати» подтверждают предположение, что Иларион реконструировал генеалогию Владимира именно по этим хроникам, а не по местной киевской традиции, которой просто не существовало.

им образом не затрагивает Киевщину. Игорь появляется на историческом горизонте около 940 года коварным нападением на хазарский Самкерц. Точно неизвестно, какой город хазары звали Самкерцем, но во всех известных вариантах идентификации его помещают на берегу Керченского пролива. А. Новосельцев[1] даже допускает, что Самкерцем у хазар назывались населенные пункты по обе стороны пролива. Новосельцев также считает, что берега Керченского пролива в IX веке безусловно контролировались хазарами, а Таматарха (она же Тмутаракань ПВЛ) в конце первой половины X века была, вероятно, либо независимой, либо поочередно находились под контролем то Византии, то Хазарии.

По археологическим данным, Таматарха VII—X веков была населенным торговым городом, то есть вполне подходила на роль торговой фактории и по совместительству пиратской базы, позволяющей руси удерживать контроль над акваторией Черного моря. Независимость Таматархи с прилегающей областью от Хазарии и Византии во время нападения Игоря на Самкерц можно рассматривать как косвенный признак ее подчинения руси. В этом случае она могла служить базой для нападения, а Самкерц следует искать на другом берегу пролива, например, в Керчи, благо к тому же побуждает созвучие ее нынешнего названия с Самкерцем[2]. Если же Таматарха находилась под контролем двух государств, то тогда она, во-первых, могла быть тем самым Самкерцем, а во-вторых, ясное дело, являлась предметом постоянных раздоров Хазарии и Византии. Так, согласно «Кембриджскому документу», на момент коварного нападения руси Самкерц был хазарским, и византийский император Роман Лакапин подкупом спровоцировал Игоря напасть на него.

После временного успеха в Самкерце, достигнутого внезапностью, Игорь потерпел полное поражение от подоспев-

---

[1] *А. Новосельцев.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

[2] Любопытно, что первый компонент «сам-» тот же, что и у Самбата Багрянородного. По расхожей трактовке, этот компонент означает по-хазарски «высокий»; тогда Самкерц — это «высокая Керчь». Не следует ли поискать Самкерц на господствующей над Керчью горе Митридат?

шего регулярного хазарского войска и, подчиняясь требованию победителей, был вынужден начать войну с Византией. Впрочем, какая там война! Такое же нападение исподтишка на прибрежные малоазийские города, грабеж, жуткие зверства и такой же печальный конец после прибытия к месту действия византийской армии и флота. Во всем этом для нас интересно только одно: все известные византийские свидетельства сходятся на том, что улепетывал Игорь с жалкими остатками своего флота... к Керченскому проливу. Оттуда начал, там и закончил с позором свои пиратские похождения. И вновь Киев абсолютно ни при чем. Потому нет в Киеве «города Игоря». Нет там и его могилы. По версии ПВЛ, Игорь погребен где-то под Искоростенем, по версии византийского хрониста Льва Диакона, у каких-то германцев, а по версии «Кембриджского документа», напавший на Самкерц предводитель руси после поражения от Византии в отчаянии ушел с остатками своего войска в Персию. В общем, темное дело темной личности, никогда ничего общего не имевшей с «матерью градам русским».

Ольгиным городом ПВЛ называет Вышгород, но и в самом Киеве приписывает ей целых два терема: «городской» и «загородный». Внутри рва цитадели Старокиевской горы еще М. Каргером найден фундамент некого небольшого ротондообразного сооружения, позже нашелся и фундамент какого-то солидного сооружения вне вала. Датировка ротонды у разных археологов варьируется в очень широких пределах. Как всегда, рекорд давности у П. Толочко. По его словам, в этом сооружении могли жить еще Аскольд и Дир. Ясное дело, Ольга — тем более. Ладно, при большом напряжении фантазии можно представить себе круглый такой теремок княгини, но чтобы Аскольд и Дир вместо того, чтобы срубить себе добротный скандинавский дом, а потом отгрохать достойные победителей Царьграда хоромы, поселились и все время жили в какой-то ротондочке... Нет, тут моей фантазии явно недостаточно. К тому же археолог и специалист по древней русской архитектуре П. Раппопорт считает датировку этой ротонды даже X веком «в высшей степени спорной». Еще хуже с «загородным» теремом, его Рап-

попорт и вовсе относит к рубежу X—XI веков. Конечно, все это не мешает украинским историкам считать Ольгу первой строительницей каменных сооружений Киева. Но даже если с ними согласиться, полтора терема — вот и весь «город Ольги» — все же маловато для «матери градам», точнее даже пра-пра-бабушки, с ее якобы полутысячелетним возрастом и якобы вековым столичным стажем. Тем не менее, трактовка археологических данных западными археологами позволяет считать время правления Ольги, согласно хронологии ПВЛ, именно тем моментом, когда «поселение на Старокиевской горе становится центром киевского конгломерата поселений» и в нем проявляются «военно-политические функции города как центра». То есть археологически столицей чего-то Киев становится как раз при летописной Ольге.

Но... хотя Киев проявляется наконец как политический центр, результатов княжения Ольги в нем мягко говоря не слишком заметно, а следов деятельности Святослава, которого ПВЛ представляет единственным сыном Игоря и Ольги, в новой столице и вовсе почему-то нет. Нет в Киеве ни «города Святослава», ни его могилы. Правда, последнему факту автор ПВЛ подыскал типично фольклорное объяснение с нападением печенегов на княжескую дружину у днепровских порогов, которое обеспечило хана Курю чашей из черепа князя. Гибель Святослава от рук печенегов подтверждает Лев Диакон, но, разумеется, и на сей раз без всякой привязки к Киеву, порогам и вообще Днепру, равно как и без чаш из черепов. ПВЛ тоже косвенно признает отсутствие Святослава в Киеве: не любил, дескать, князь этот город, стремился душой на Дунай. Насчет Дуная все верно: известная византийцам деятельность Святослава проходила в Крыму, Болгарии и пограничных с Болгарией областях самой Византии. Возможно, перед этим князь совершил поход на Хазарию. Факт разгрома Хазарского каганата русью, приписываемого в ПВЛ Святославу, подтверждают арабские историки, не называя однако конкретно имен ее предводителей. Еще раньше Константин Багрянородный знает Святослава «сидящим» в некой Немогарде, под которой принято понимать Новгород. На самом деле, поскольку во време-

на Багрянородного Новгород Великий еще, можно сказать, в пеленках, речь может идти о предтече Новгорода, Рюриковом городище, или Невогарде-Ладоге. Но в любом случае не Киеве.

Наши былины не знают в истории Руси князей до Владимира Красно Солнышко, а скандинавские саги — конунгов Гардарики до Вальдамара. Первый город, более-менее достойный зваться столицей, «матерью градам», раскопанный археологами в Киеве, — это «город Владимира» на Старокиевской горе. Его строитель, Владимир, — первый правитель Руси, чей прах действительно упокоился в Киеве. Первые монеты Киевской Руси были отчеканены при Владимире. Наконец, Владимир считается крестителем Киевской Руси. Правда, крещение Руси на государственном уровне имело место вероятно несколько позже, при Святополке Окаянном, так что истинная заслуга Владимира не столько в крещении, сколько в основании Киевской Руси. Вопреки сказкам ПВЛ. Но в соответствии с народными сказками, былинами и сагами, то есть народной памятью.

Киевская Русь родилась в середине или даже конце конце X века. Зато практически с самого рождения она была государством христианским. Разумеется, сказанное не означает, что до того не было языческой Руси. Просто та была не киевской.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ БЕЗ ПВЛ

Итак, еще и еще раз: ПВЛ — не летопись, а беллетристика на исторические темы. Как романы Александра Дюма или Валентина Пикуля. Хотя и не роман, а всего лишь повесть. Безоглядно верить ПВЛ, по крайней мере в отношении событий IX—X веков, ни в коем случае нельзя. Нет никаких объективных оснований считать реальными историческими лицами ни Кия со Щеком, Хоривом и Лыбедью, ни Рюрика с Синеусом и Трувором, ни Аскольда с Диром, ни Вещего Олега. Соответственно все их описанные в ПВЛ деяния, как героические, так и постыдные, ни в коем случае не есть наша история.

Итак, еще и еще раз: Киевская Русь возникла не ранее середины X века и практически сразу как государство христианское. Но, вне сякого сомнения, Русь существовала и до того. Не христианская. И, главное, не киевская. Если мы хотим представить себе историю докиевской языческой Руси, то надо забыть про ПВЛ, отложить в сторону учебники истории, изданные на русском и особенно украинском языках, а вместо них вооружиться имеющими отношение к делу свидетельствами чужеземных авторов и данными археологии, тоже желательно не украинской. Увы, всего этого по состоянию на сегодняшний день слишком мало, чтобы написать заново начальную русскую историю во всей ее полноте, но все же достаточно, чтобы расставить некоторые реперные точки и набросать, пока очень фрагментарно, грубый эскиз истории языческого русского государства.

Впервые Византия столкнулась с русью где-то в конце тридцатых годов IX века. Из тех далеких времен до нас дошли два связанных с ней документированных события: ее нападение на малоазийский город Амастриду, упомянутое в пространном Житии св. Георгия Амастридского, и посольство русского кагана к византийскому императору Феофилу II, о котором известно из Вертинских анналов. Последние дали основание историкам говорить о неком государственном образовании у руси — так называемом Русском каганате. Хотя на самом деле ни о каком каганате не говорится ни в этих анналах, ни в одном другом известном документе. Но в них и более поздних арабских географических трактатах правитель руси именуется каганом. А дальше срабатывает стереотип: раз есть каган, то должен быть и подвластный ему каганат. Но Русский каганат упорно ускользает и от историков, и от археологов. О его гипотетическом месторасположении ведутся давние ученые споры. В соответствии с отстаиваемыми ими концепциями древней Руси разные историки хотели бы видеть его на Тамани, в Крыму, в Среднем Поднепровье, в Приазовье, междуречье Дона и Днепра, на Волхове и верхней Волге. В нашу задачу не входит встревать в ученый диспут. Однако, поскольку среди кандидатов на резиденцию русского кагана IX века фигурирует Киев, уде-

лим внимание Русскому каганату под углом зрения археологии Киева.

Конечно, основной апологет днепровской дислокации гипотетического Русского каганата — П. Толочко: «Одним из доказательств в пользу того, что походы на Византию и ее черноморские владения осуществлялись в IX веке из Киева, служат находки в нем византийских монет. Наиболее ранние из них принадлежат императорам Михаилу III (842—867), Василию Македоняну (867—886), а также Василию I и Константину (876—879). Монеты названных императоров найдены и в других пунктах среднего Поднепровья. В Ладоге или Рюриковом городище подобных свидетелей русско-византийских контактов для того времени нет». Ну, что касается монет, то они отнюдь не служат доказательством «русско-византийских контактов» ни в Ладоге, ни в Киеве. Мы уже выяснили, что одиночные византийские монеты в киевской земле лишь подтверждают контакты киевлян IX столетия, скорее всего хазарских купцов, с греческими городами Северного Причерноморья. К походам руси они вряд ли имеют отношение. Однако, если Толочко прав в отношении Ладоги, то и Старую Ладогу тоже надо вычеркнуть из числа претендентов на право быть столицей русского каганата. Зато М. Подгайный считает весьма вероятным, что каган руси, отправивший посольство 838 года в Константинополь, или его наследник, похоронен в кургане № 47 гнездовского могильника под Смоленском. В этом уникальном погребении найдены золотая монета Феофила II — того самого византийского императора, который принимал посольство кагана руси и переправил его к императору франков, — и дорогие вещи средиземноморского и центрально-европейского происхождения. Подгайный рассматривает их как дипломатические дары Феофила и Людовика послам и через них пославшему их кагану.

Следующий тезис Толочко: «Из сообщений о походах русов на Константинополь и в Закавказье можно сделать вывод о сравнительно большом их государственном образовании, располагавшем значительными людскими и материальными резервами. О малозаселенном волховско-ильменском

крае в IX веке этого не скажешь. К тому же, он находился на невероятно далеком для раннего средневековья расстоянии от Византии и Закавказья, чтобы можно было осуществить даже простое путешествие в эти страны, а не то, чтобы предпринять военную экспедицию... если он [Русский каганат] и существовал, то находился, безусловно, не на севере, а на юге восточнославянского мира. Скорее всего, на среднем Днепре, а его политическим центром был Киев».

Киев как политический центр «восточнославянского мира» в IX веке не выдержал проверки археологией, не будем к этому возвращаться. Да и русь там появляется, как мы выяснили, только в следующем столетии. В отношении волховско-ильменского края Толочко просто необъективен: окрестности Ильменя в IX веке были заселены достаточно густо. Кстати говоря, не такие уж «значительные людские и материальные резервы» нужны для пиратских рейдов; примером тому и новгородские ушкуйники, озоровавшие на Каспии, и запорожские казаки, державшие в страхе города Порты. Расстояния тоже не были помехой в варяжские времена. Купцы из северных краев регулярно совершали путешествия на Каспий: в VIII—IX веках по пути «из варяг в хазары» на север Европы из прикаспийских стран потоком текло арабское серебро. Из арабских источников для второй половины IX и первой половины X веков известны четыре грабительских похода руси в Каспийское море: между 864 и 884 годами, между 909 и 914 годами, в 913/914 и 943/945 году. Если в Черное море удобнее организовывать походы из Киева, то на Каспий — из Ладоги и особенно с верхней Волги. Хотя на самом деле, трудно не согласиться с Толочко в том, что хочется видеть неуловимый Русский каганат поюжнее, поближе к Константинополю и Кавказу, не столько в Киеве, сколько в районе Керченского пролива, где в конце концов обнаруживается база Игоря.

Жаль, что не нашли поддержки в ученом сообществе гипотезы Г. Вернадского о приазовской Руси и Е. Галкиной о русском каганате в междуречье Днепра и Дона с соответствующей атрибуцией относящегося к этой территории варианта салтово-маяцкой археологической культуры как «ала-

но-русской» [1]. Ведь из этого каганата до Керчи рукой подать! Беда, правда, еще и в том, что свой каганат Галкина, последовательная антинорманистка, населяет аланской русью, ничего общего не имеющей со скандинавами, так как не имеет пересечений со Скандинавией сама салтово-маяцкая культура. Между тем, Вертинские анналы, впервые упомянувшие русского кагана, не оставляют сомнений в том, что его послы, прибывшие в 838 году в Константинополь и годом позже оказавшиеся в Ингельгейме, были скандинавами. Нет нужды вдаваться в бесплодную полемику, был ли сам русский каган шведом, славянином или даже украинцем, по каким-то непонятным причинам направившем в Константинополь послами шведов [2]. В любом случае неоспоримо присутствие скандинавов в окружении этого кагана. Следовательно, земля столицы Русского каганата обязана хранить археологические следы этого присутствия. Но самая ранняя из атрибутируемых скандинавам киевских находок в «христианского облика» захоронении на Старокиевской горе относится к самому концу IX века. Если бы Киев был столицей Русского каганата уже в 30-е годы IX века, то для того времени в его почве остались бы какие-никакие скандинавские следы, хотя бы в захоронениях. Но их нет.

Характерной чертой ранней руси стал камерный погребальный обряд, появившийся в Скандинавии в конце IX века и в течение X века распространявшийся с севера на юг по Восточной Европе. По результатам исследований камерных погребений К. Михайлов делает следующий вывод [3]: «По-видимому, камеры — это дохристианский погребальный обряд новой социальной и, в какой-то мере, новой для Восточной Европы этнической, группы — руси. Эта группа формируется в городах, она, отличаясь от окружающих славянских и финно-угорских племен, имеет ярко выраженную североевропейскую составляющую и связь с международной торговлей... Выявленное единство погребального обряда древне-

---

[1] *Е. Галкина.* Тайны Русского каганата. М., 2002.

[2] Не иначе как у «украинского кагана» нашелся свой Мазепа.

[3] *К. Михайлов.* Древнерусские элитарные погребения X — начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах). СПб., 2005.

русских камер, заключающееся в характерных конструктивных особенностях, составе инвентаря и наборе обрядовых действий, позволяет предположить, что за этими погребениями стоит достаточно сплоченная, но территориально дисперсная группа населения. В X веке единственная известная нам группа с подобными характеристиками и эклектичной культурой называлась русью». Поразительно, но мельком отмеченная Михайловым «сплоченность» руси находит неожиданное и тем более значимое подтверждение у Ибн Русте, который отмечал удивительную для этих речных пиратов начала X века способность к объединению и совместному выступлению: «И если какое-либо их [руси] племя поднимается против кого-либо, то вступаются они все. И нет тогда между ними розни, но выступают единодушно на врага, пока его не победят». Возможно, именно возникновение этой общности, появление на большом пространстве единого торгово-пиратского братства дает нам право отныне называть это братство IX—X веков не варягами, не скандинавами, а русью.

Мне представляются важными такие отмеченные К. Михайловым особенности руси, помимо подтверждаемой Ибн Русте «сплоченности», как «территориальная дисперсность» и постепенное, но неуклонное распространение к югу ареала ее погребений. Такие погребения найдены в бассейне реки Великой (Псков), ростово-ярославском Поволжье (Тимерево), верхнем (Гнездово) и среднем (район Киева) Поднепровье, в бассейне Десны (Чернигов), на Волыни. Если камерные погребения, как считает Михайлов, — это могилы рядовых дружинников руси, маркирующие места их массового проживания, то даже в X веке обжитая русью территория видится на карте отдельными небольшими и весьма удаленными одно от другого пятнами. Логично предположить, что в IX веке эти пятна были еще меньше и располагались реже. И тут напрашивается перспективный, на мой взгляд, вывод: Русский каганат не был обязан концентрироваться на ограниченной территории и жаться к какому-то политическому центру. Как вода, выплеснутая на ровный пол, в конце концов растекается по нему и собирается отдельными кап-

лями в чуть заметных углублениях, так и русь растеклась по Русской равнине и осела в немногочисленных удобных местах временными торговыми факториями, они же «открытые торгово-ремесленные поселения» советской археологии, они же пиратские базы. Эти фактории-базы в массе своей жили недолго, возникали, исчезали, перетекали с места на место, не успевая оставить после себя археологически ощутимые следы, так называемый культурный слой. Только благодаря немногим крупнейшим долгожителям, таким как Гнездово, Тимирево или Шестовицы, нам удалось получить археологическое представление об этом уникальном явлении восточноевропейской истории.

Проще всего представить себе Русским каганатом всю Русскую равнину, точнее всю совокупность торговых факторий, редко разбросанных на ее просторах по берегам рек и озер вдоль основных водных путей. Множество эксклавов без явной метрополии. Каганат без территории. А может быть и каган без каганата!

Не зря выше упоминались ушкуйники и казаки. Есть у них что-то общее с начальной русью. Они выглядят ее наследниками, спорадическим возрождением давнего речного братства, рецидивами речной пиратской вольницы. И если такие вольные братства возникали и успешно функционировали на окраинах сложившихся государств, даже Российской империи, то с каким размахом они могли развернуться в VIII—IX веках, не стесняемые никакими государственными образованиями на вольном просторе Русской равнины! И если Степан Разин для придания себе «политического веса» распускал слух, что с ним идет царевич Алексей, а Емельян Пугачев вообще назвался императором Петром III, то что мешало предводителям ватаг начальной руси называться хоть цесарями, хоть каганами? И если запорожские казаки считали для себя возможным и даже «прикольным» посылать издевательские письма турецкому султану, почему не мог такой самозваный каган отправить, хотя бы и полушутя, посольство к византийскому императору? Кстати говоря, судя по Бертинским анналам, к посольству руси 938—939 годов серьезно не отнеслись ни в Константинополе, ни в Ингельгейме.

Есть у начальной руси что-то общее и со степняками-кочевниками. Только русь не кочевала кругами по безбрежным степям без дорог на крутошеих скакунах, а туда-сюда утюжила бесконечную водную гладь по руслам судоходных рек на крутобоких ладьях. В таком сопоставлении становится уместным у руси титул кагана, становится понятным, почему не могут найти археологи ни сам каганат, ни его столицу. Не было у такого каганата четко очерченных границ, а у кагана постоянной резиденции. Да и наследственного правителя-кагана тоже могло не быть. Как в какой-то момент объявился в глубинке Великой степи Чингисхан, и запылила степь под копытами десятков тысяч коней, направляемых рукой «Потрясателя вселенной», точно так же стоило найтись на речных просторах Восточной Европы предприимчивому и талантливому предводителю, назвавшему себя, например, каганом, и вспенивались буруны под форштевнями сотен выстроившихся в кильватер ладей.

Русский каганат, если он существовал, должен был образоваться до 838 года, чтобы успеть послать послов к Феофилу. В то время в Киеве скандинавов еще не было и в помине, не было скандинавов ни в Гнездове, ни в Тимиреве, ни даже в Рюриковом городище. Для того времени они известны только в Ладоге. И тем не менее, русь появилась в Черном море. А всего лишь двадцать лет спустя уже поимела наглость напасть на Константинополь. Еще через два десятилетия в Константинопольском патриархате появилась митрополия Росия — все это, разумеется, без какой-либо привязки к Киеву. Проходит еще двадцать лет, и к рубежу IX и X веков русь не только закрепилась на берегах Черного моря, но и монопольно хозяйничала в его акватории. По словам аль-Масуди, относящимся к тому времени: «В верховьях хазарской реки [Волги] есть устье, соединяющееся с морем Найтас [Черным морем], которое есть Русское море; никто кроме них [руси] не плавает по нему, и они живут на одном из его берегов». А Киев стоит отнюдь не на черноморском побережье. И, главное, все это время никаких видимых следов Русского каганата!

Такой вот странный каганат — для Людовика Немецкого и западных европейцев все еще остающийся «нормандским», но на самом деле уже ставший **русским**. Не было у него границ, не было столиц. Столица там, где причалил корабль самозваного кагана[1], может быть на только что захваченной русью новой базе. Сегодня — здесь, а завтра — там. Молодая шустрая русь вполне могла превратить в свой «каганат» весь необъятный простор Русской равнины с густой сетью судоходных рек — торных дорог, ведущих от богатых пушниной северных краев к теплым морям и странам, изобилующим всяческим добром и серебряными дирхемами, где предприимчивому купцу и смелому пирату всегда есть чем поживиться. И разбросать на этом просторе по берегам рек и озер свои фактории — опорные базы в торговых походах и пиратских рейдах. И, что немаловажно, суметь обрести ту самую «сплоченность», чувство общности, принадлежности к великому братству, назвавшемуся **русью**. И, наконец, выработать и сохранить ощущение неразрывного единства этого необъятного пространства, заставившее русских киевских каганов X—XII веков прикладывать титанические усилия, чтобы вновь объединить это пространство, бывший «виртуальный» русский каганат, в реальное единое средневековое европейское государство — Киевскую Русь.

Считается, что Русский каганат исчезает в 80-е годы IX века. Не потому, что это где-то написано — как я уже говорил, нигде об этом загадочном образовании вообще нет ни слова. Русский каганат обязан был исчезнуть в означенное время, чтобы освободить место Киевской Руси в соответствии с хронологией ПВЛ. Но на самом деле, вовсе не обязанный следовать этой фиктивной хронологии, Русский каганат мог существовать, то виртуально, то почти реально, вплоть до конца 30-х годов X века, когда его каган Игорь безрассудно вляпался в конфликт с настоящим каганатом нападением на Самкерц. Тяжелейшие поражения Игоря сна-

---

[1] Кстати говоря, в это же самое время нет постоянной столицы даже у Франкской империи. Посольство Феофила догнало Людовика Благочестивого в Ингельгейме, но двор императора до того только в 839 году успел постоять и прикормиться во Франкфурте, Майнце и Бодоме.

чала от хазар, а затем от греков лишили виртуальный каганат своего кагана, практически всего флота и всех причерноморских баз-факторий. Обезглавленный каганат вновь откатился на север, потерял выходы к Черному и Каспийскому морям, и, как следствие, на четверть века русь практически исчезла из византийских и арабских хроник. Лишь благодаря дотошности Константина Багрянородного мы знаем о некой очень далекой от Византии Внешней Руси середины X века в Среднем Поднепровье.

Поскольку события этого времени в Русском каганате покрыты мраком, их можно восстанавливать очень-очень гипотетически, опираясь на нашу не внушающую доверия ПВЛ и те результаты скрытых внутренних процессов, которые явились миру, когда русь снова выплыла из небытия в мировой историографии.

Точно не известно, где и как закончил свои дни бедолага Игорь. Может быть, он действительно решил обосноваться с остатками дружины в среднем Поднепровье и погиб под Искоростенем, «примучивая» то ли древлян, то ли, если поверить Льву Диакону, каких-то германцев. Во всяком случае, одна из жен Игоря, Ольга, которая сумела удержать власть над частью руси (и может быть даже объявила себя каганессой?), приняла судьбоносное для будущей Руси решение постоянно обосноваться на киевской или, что более вероятно, вышгородской фактории. Таким образом, часть руси, оставшаяся под рукой каганессы, стала осваивать оседлую жизнь и перешла к строительству средневекового европейского государства, которому предстояло вскорости превратиться в Киевскую Русь. Вероятно, государство строилось по византийскому образцу, о чем косвенно свидетельствует визит Ольги в Константинополь. Причиной такого выбора могла быть объективная необходимость для Ольги отстранить от государственного руля заправлявших в Киеве хазарских купцов, противопоставить хазарскому купеческому караван-сараю феодальный город, иудейской религии — христианство, а аморфному каганату — централизованное европейское государство. В этом контексте можно принять на веру утверждения ПВЛ о христианстве Ольги и об устроении ею ка-

ких-то погостов. Но можно и не принимать — объективных подтверждений ни тому, ни другому все равно нет.

Пока Ольга обустраивалась на Киевщине, «сидевший в Немогарде» Святослав, сын Игоря от другой жены, вероятно славянки, судя по данному ею сыну имени, в соответствии с добрыми варяжскими традициями начал мстить обидчикам за отца и, судя по тому, что мы знаем, подошел к делу основательно. Сначала сыновья кара настигла «неразумных хазар», причем именно кара, кровная и кровавая месть. Она удалась на славу! Святослав не завоевывал земли и страны, не «примучивал» племена, он просто смерчем пронесся по Хазарии, все круша и разрушая на своем пути. Оставив Хазарию в руинах и, надо полагать, восстановив черноморские базы руси на таманской и крымской земле, принадлежавшие поверженной Хазарии, Святослав был готов переключиться на второго обидчика отца — Византию. Но где-то в Крыму его перехватил Калокир и уговорил, известно какой ценой, слегка изменить планы: вместо прямого удара на Константинополь «прогуляться» по Болгарии. Святослав «прогулялся». И здесь мы видим то же самое: сокрушительный разгром за разгром болгарских, а потом и византийских войск, страшные массовые казни мирного населения и ни малейшей заботы об удержании захваченных территорий, особенно поразивший Цимисхия отказ от обороны балканских клисур и оказания помощи осажденному Преславу. Но создается впечатление, что после блистательного победного марша по Болгарии и Византии Святослав просто не знал, что делать дальше. Отмщение свершилось, и он словно в растерянности простоял в Доростоле, так и не приняв решения.

Возможно тогда, во многом вероятно под влиянием Калокира и примера мачехи Ольги, у него наконец-то зародилась мысль о создании своего государства. Но взять Константинополь, на что его подбивал Калокир, уже стало совершенно нереальным, а идти в Киев — не было желания: ни далекий чужой Киев, ни мачеха в нем ему «не любы». Может быть, он и вправду готов был бы остаться на Дунае, но, восстановивший невиданной жестокостью против себя болгар и выдавленный из Болгарии Цимисхием, оказался выну-

жденным вернуться на одну из своих восстановленных, но еще не обустроенных черноморских баз, теряя по дороге, а возможно и на самой базе, остатки войска от голода, холода и укусов бывших союзников-печененгов. Один из таких укусов оказался смертельным для самого Святослава.

Мы не знаем, куда девался Свенельд. Может быть погиб в Болгарии. Может быть благополучно вернулся в свой древлянский или уличский удел. Можт быть подался в Киев к тамошней каганессе и осевшим на Днепре товарищам по русскому братству. Можно даже дофантазировать, что там объединенные дружины Свенельда и Претича успешно отбились от наседавших печенегов, после чего Киев окончательно утвердился в качестве главного южного центра руси. Он быстро набирал силу параллельно с другим не менее быстро росшим конкурентом Новгородом, где, надо полагать, остались братья и сыновья Святослава. Один из сыновей, Владимир, если только он действительно был сыном Святослава, стал самым известным правителем Древней Руси; другого, Ярополка, мы знаем только из ПВЛ. Столкновение Новгорода с Киевом, Владимира и Ярополка с киевской родней, сыновьями и внуками Ольги, стало только вопросом времени.

Первоначально в противостоянии русско-варяжского Новгорода и хазарско-русского Киева у последнего не было никаких шансов. По подсчетам А. Буровского[1], в ПВЛ новгородские войска брали[2] Киев пять раз: в 864 году (Аскольд и Дир), 882 году (Олег), 980 (Владимир), 1017 и 1019 (Ярослав). Цель арифметики Буровского — показать активность и боевитость северных славян Руси по сравнению с южными, что он делает весьма выразительно: «...новгородцы входят в Киев, как в пустой хлев, из которого сбежали пастухи». Простим Буровскому пастухов, которым, конечно же, нечего

---

[1] *А. Буровский.* Отец городов русских. Настоящая история Древней Руси. *А. Буровский.* Отец городов русских. Настоящая история Древней Руси. М., 2007.

[2] У Буровского более экспрессивное, но неуместное «насиловали». В данном случае «насилие» обходилось без сопротивления — Киев, как подчеркивает сам Буровский, всегда «отдавался» добровольно. От себя добавлю: и получал от этого если не удовольствие, то выгоду.

делать в хлеву, и оставим в стороне воинскую доблесть новгородцев, ни в коей мере не оспариваемую, просто не имеющую отношения к нашей теме.

То, что новгородцы (правда, все же не столько славяне, сколько новгородская русь) действительно как минимум трижды при Владимире и Ярославе завоевывали Киев, вероятно свидетельство не столько доблести новгородцев, сколько нежелания воевать киевлян, которые между двумя захватами Киева Ярославом успели сдать свой город еще и полякам. Все тот же Буровский справедливо замечает, что киевляне ни разу не подходили к стенам Новгорода или Кракова. Но на самом деле, если верить ПВЛ, они даже ни разу не выходили из стен Киева. Вряд ли тут дело в пассивности и небоевитости южных славян, скорее в адаптивности киевского хазарского купечества, принявшего каганессу, однако, в отличие от купечества новгородского варяжского, не желавшего ни воевать, ни встревать в княжеские разборки, но умевшего извлечь свою выгоду при любой власти. Так что захватить Киев Ярополку с Владимиром проблемы не составило. А там уже дело само собой дошло до «междусобойчика», после которого Владимир остался единственным «каганом всея Руси» и сделал своей столицей Киев в качестве разумного и достижимого компромисса между синицей в руках — северным Новгородом — и журавлем в небе — южным Доростолом. И даже, может быть, если поверить скандинавским сагам, женился на неродной бабке Ольге. Тогда не от брака ли этих двух равноапостольных святых — Владимира и Ольги — родилась православная Киевская Русь? Во всяком случае, возникла она как раз во времена их правления. И почти сразу крестилась. Это — факт. А вот то, что ее крестил Владимир Креститель — не факт.

Безусловно, Владимир I был создателем Киевской Руси. Но сочинители ПВЛ, выдумав историю Киевской Руси IX века с не существовавшими в природе князьями Кием, Щеком и Хоривом, Аскольдом и Диром, Вещим Олегом и Игорем, отняли тем самым у Владимира приоритет в создании Киевской Руси. Чтобы скомпенсировать несправедливость, они присвоили ему крещение Руси. Скомпенсировали, надо ска-

зать, с лихвой. Первокрещение Руси предопределило последующую канонизацию Владимира несмотря на весьма далекую от христианских канонов биографию братоубийцы, насильника и многоженца.

А что же с крещением? Давно известны факты более раннего, начиная с 860 года, крещения руси, соотносимые, надо полагать, с крымской русью и, возможно, другими ветвями начальной руси. В Киеве с самого его превращения в «мать градам русским» было немало христиан, в их число вполне могла входить княгиня Ольга. Но вероятно крещение Киевской Руси на государственном уровне произошло, как это было уже показано выше, при Святополке. Но Ярослав, закладывая основы летописания Киевской Руси первыми летописями, вошедшими в Летописец Сильвестра, свалил все совершенные им братоубийства на Святополка. Тем самым он не только отнял у Святополка киевский трон и навечно навесил на него прозвище «Окаянный», но и попутно лишил заслуги крещения Киевской Руси. Надо полагать, по замыслу тоже в свою пользу.

История, однако, распорядилась несколько иначе.

Приложение II

КАК ВОЗНИКЛА НАЧАЛЬНАЯ РУСЬ?

«РЮРИКОВИЧИ» ИЛИ ФАНТОМЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ?

С легкой руки сочинителей ПВЛ в отечественной историографии летописный Рюрик числится основателем Руси и основоположником ее первой княжеской династии. И это несмотря на физическое небытие в IX веке Новгорода Великого, то ли якобы этого Рюрика призвавшего, то ли даже собственноручно им основанного, и невзирая на общепризнанную мифичность его «братьев» Синеуса и Трувора. С тяжелой руки академика Б. Рыбакова этот Рюрик Новгородский был отождествлен с датским конунгом Ререком Ютландским, и это отождествление стало еще одной аксиомой отечественной истории. Единственный, кто имел смелость вынести летописного Рюрика за рамки истории Новгорода Великого, это российский археолог А. Никитин, но и он не посягнул на идентичность Рюрика с Ререком[1]. Эта идентичность была необходима самому Никитину для косвенной поддержки его гипотезы о европейском, в частности фризском, происхождении начальной руси. Но, увы, все исходные посылки для его «фризской гипотезы» на самом деле ошибочны и опираются на чисто внешние псевдодоказательства.

Например, Никитин считает важной «идентичность имени Рорик / Ререк племенному символу вендов-ободритов, каким был рарог / ререг». По его мнению, «...в этом имени [на самом деле не «Рорик / Ререк», а «Ререк». — *В.Е.*]...

---

[1] *А. Никитин.* Основания русской истории. «Повесть временных лет» как исторический источник. М., 2001.

отчетливо проступает западнославянское (вендское) слово «ререг / рарог» — «сокол». Последнее чрезвычайно знаменательно, поскольку на пространстве земель, где проходила жизнь Рорика ютландского, только у одного народа сокол («ререг») был священным племенным символом — у вендов, т.е. у славян-ободритов». На самом деле сказать, что жизнь Ререка Ютландского проходила на пространстве земель ободритов, — сильное преувеличение. На это пространство он заглянул-то один единственный раз, да и то мельком. Что же касается сопоставления имени Ререка с соколом (кстати, все-таки «рарогом» или «ререгом»?[1]) — это очень типичная и широко распространенная ошибка. Каким бы ни был племенной символ ободритов (если он у них вообще был, так как никакой достоверной информации об этом нет!), Ререк к нему отношения не имеет. Настоящее имя датского конунга было Hrørekr, что на древнескандинавском несет простой вполне определенный смысл «прославленный повелитель», так что никакие соколы, хоть «ререги», хоть «рароги», и никакие ободриты тут абсолютно ни при чем. Славянское, якобы ободритское, происхождение имени Ререка явно надумано. Эта надуманность отчетливо проявляется в именах его ближайших родственников: отца Ререка звали Хальвданом, братьев Хеммингом и Харальдом, а племянников Родульфом и Годофридом — все имена стопроцентно германские.

Аналогичная картина с областью Рустринген, которую Никитин тоже привлекает для подтверждения своей фризской гипотезы. Эта историческая область Фризии не имеет никаких пересечений со словом «русь» и начальной русью, так как на самом деле называлась Rüstringen (Р**ю**стринген) от немецкого rüsten — «снаряжаться, вооружаться, готовиться к войне» и Ringen — «бой, сражение».

Так что идею выведения древней руси из Фризии мы все же отбросим как некое недоразумение хорошего археолога, но, увы, плохого лингвиста А. Никитина, однако сохраним его ценнейший основной вывод о мифичности летопис-

---

[1] Слова «ререг» (не путать с «рарогом»!) нет ни в одном славянском языке.

ного Рюрика: «Рорик ютландский оставил свой след не на землях Великого Новгорода, а в памяти вендов-ободритов... сказание о приходе Рорика / Рюрика к «словенам» сформировалось не на почве Великого Новгорода или Киева, а значительно ранее, на землях вендов-ободритов, и лишь много времени спустя было инкорпорировано в ПВЛ в малоузнаваемом виде». Здесь стóит пояснить, что, разумеется, предварительно это сказание, основанное на реальных событиях сопротивления славян-ободритов Людовику Германскому в конце первой половины IX века, было принесено бежавшими от немецкой экспансии и насильственной христианизации эмигрантами с Эльбы и Одры в Приладожье и Приильменье, где со временем инкорпорировалось в местный славяноязычный фольклор. Оттуда оно перекочевало в ПВЛ, причем относительно поздно, примерно в середине XI века, что Никитин демонстрирует отсутствием Рюриков среди первых поколений князей-«Рюриковичей» и появлением первого на Руси действительного князя с именем «Рюрик» только во второй половине XI столетия, когда в Киевской Руси была официально узаконена мифология ПВЛ.

Таким образом, если не держаться за ничем не подтверждаемую ошибочную гипотезу «западноевропейского» происхождения руси, Рюрик оказывается не только бестелесным призраком, но и совершенно лишней, никому не нужной фигурой на доске древней русской истории. Вместе с Рюриком с этой доски должны быть навсегда сняты и другие связанные с Cереком Ютландским неиграющие фигуры-фантомы вроде ободритского правителя Гостомысла и безвестного Вадима[1], невесть как и откуда проникшего в новгородские летописи.

Но, признав мифичность Рюрика и переходя к следующему по хронологии ПВЛ русскому князю — Вещему Олегу, — А. Никитин ставит того в совершенно иное отношение к русской истории: «Если Рюрик в русской истории ока-

---

[1] В современном литовском языке vodimas означает «вожак, предводитель». Так что, возможно, Вадим новгородских летописей — тоже фольклорное наследие, но уже не ободритское, а местно балтское.

зывается всего только фантомом, тенью, отброшенной на пространства Восточной Европы Рориком ютландским или фризским, то Олег выступает в ПВЛ первой фигурой, чье существование подтверждается датированным документом — договором, заключенным этим князем с греками 2 сентября 911 (6420 «сентябрьского») года. К сожалению, этот безусловно исторический факт не облегчает работу исследователя, приступающего к выяснению личности одного из самых загадочных персонажей ранней русской истории, награжденного прозвищем «вещий», т.е. «мудрый», «знающий», а если следовать значению этого слова у кашубов (на территории «варяского Поморья»), то и «оборотень», «упырь»». То есть, по мнению Никитина, Вещий Олег в отличие от поручика Киже и летописного Рюрика фигуру все-таки имеет. Даром что оборотень и упырь. Весьма печально, что А. Никитин, первый профессионал, признавший выдумкой всю историю с призванием варягов, а летописного Рюрика неким фантомом, все-таки, противореча самому себе, не пожелал признавать таким же фантомом ПВЛ «упыря» Вещего Олега, выдвигая в подтверждение его реальности совершенно недействительный и нерелевантный аргумент — договор с Византией 911 года (912 года по датировке ПВЛ). К этому договору нам еще придется раз за разом возвращаться, а пока сделаем небольшое, но важное отступление по поводу «имени» и «прозвища» Олега.

Согласно широко распространенной и до сих пор никем не опровергнутой точке зрения, имя «Олег» — естественная фонетическая адаптация древнескандинавского Helgi к восточнославянскому языку. Эта адаптация осуществилась в три этапа. Сначала скандинавское helgi при заимствовании старославянским потеряло отсутствовавшее в славянских языках начальное придыхание *h*, и получившаяся словоформа «эльг» была письменно зафиксирована Константином Багрянородным в женском варианте «архонтисса Эльга». На втором этапе начальное *э* йотировалось, что типично для старославянского языка. И, наконец, с переходом в восточнославянский язык получившееся начальное *е* закономерно замес-

тилось гласной *о* (по парадигме *е*дин → *о*дин, *е*лень → *о*лень, *е*сень → *о*сень, *Е*лена → *О*лена и т.п.), что в конечном счете дало форму «Ольг» оригинала ПВЛ, впоследствии трансформировавшуюся в современное имя «Олег».

Но самое-то интересное, что исходное Helgi превратилось не только в имя, но одновременно и «прозвище» Вещего Олега, которое представляет собой дублирующую скандинавское имя Helgi славянскую кальку. Вероятно дело в том, что прямые имеющиеся в словарях переводы слова helgi — «святой» и «священный» — не могли быть приняты авторами ПВЛ, так как для них, православных монахов и книжников, слова «святой» и «священный» уже несли совсем иной, устоявшийся в христианстве смысл и в этом смысле не могли ассоциироваться с князем-язычником. Тогда сочинители ПВЛ нашли, на мой взгляд, изумительное решение, заменив их близким аналогом, почти синонимом «вещий» из дохристианского лексикона! Таким образом, «вещий» — никакое не прозвище Олега, а просто перевод имени-титула Helgi на «языческий» восточнославянский язык. Сочетание же «Вещий Олег» — это нечто вроде масла масленого: стоящие рядышком перевод и фонетическая адаптация древнескандинавского Helgi.

Приняв «имя» Вещего Олега ПВЛ в качестве титула helgi, что в славянской передаче дало «ольг», нельзя не обратить внимания на сакральность его исходного древнескандинавского значения (независимо от перевода «священный» или «вещий»), явно соотносящуюся с сакральной ролью и функциями кагана в Хазарском каганате в IX веке. Но, как было показано выше, начальная русь возникла именно в это время, в начале IX века, и возникла в Крыму, то есть как раз в сфере политического влияния каганата,. Поэтому есть все основания предположить, что сам титул helgi-ольг есть не что иное, как перенесенный в древнегерманскую среду начальной руси титул и статус хазарского кагана. И это предположение прекрасно объясняет сам факт принятия предводителем начальной руси именно титула «ольг», поскольку тот по существу эквивалентен для внутреннего пользования титулу «каган». Подтверждением этого может служить, в ча-

стности, болгарская пограничная надпись времен Симеона I «Феодор олгу таркан», в которой словосочетание «олгу таркан» однотипно с хорошо известными из сообщений арабских авторов составными титулами хазарской знати типа «каган-бек», «каган-тархан» и им подобными.

Огромная заслуга А. Никитина состоит в том, что он «открытым текстом» без экивоков и академических уверток заявил об очень позднем появлении многих «фактов» истории древней Руси, относимых ПВЛ к IX и X векам, но на самом деле рожденных фантазией и внесенных в текст ПВЛ пером неких ее авторов XII века, одного из которых сам Никитин называл «киевским краеведом». В полной мере эти фантазии сам Никитин относит к «биографии» Вещего Олега: «Несмотря на кажущееся обилие сведений об Олеге, рассыпанных по страницам ПВЛ, начиная со ст. 6387/879 г. и кончая ст. 6420/912 г., которая после рассказа о смерти князя от змеи, выползшей из черепа любимого коня, завершается выпиской из хроники Георгия Амартола об Аполлонии Тианском и пророчествах, все они, за исключением договора 6420/912 г., оказываются малодостоверны и прямо легендарны. Последнее может быть объяснено тем обстоятельством, что наличие в этих новеллах характерных фразеологических оборотов, использование топографических ориентиров, проведение идеи тождества «словен», «полян» и «руси», а также текстов, заимствованных из хроники Георгия Амартола, указывает на их принадлежность перу «крзеведа-киевлянина», работавшего в первой половине XII в., или же — на кардинальную переработку им каких-то предшествующих текстов...». По существу Никитин признает, что вся «биография» Вещего Олега в ПВЛ — сугубое творчество киевского «краеведа»[1], и единственным реальным фактом в ней, тут с Никитиным нельзя не согласиться, оказывается только договор 911 года. Но подтверждает ли он реальность Вещего Олега?

---

[1] Чего стоят одни только «поставленные Олегом» города, на которые он якобы брал у византийцев дань. Не было этих городов в 911 году. Самые первые из них появляются только в конце X и начале XI века.

Договор между Русью и Византией 911 года, приписанный авторами ПВЛ Вещему Олегу, — действительно документ чрезвычайной важности для понимания процесса возникновения начальной руси. К сожалению, вопреки утверждению ПВЛ, мы не знаем, кто заключал этот договор со стороны руси и где эта русь обитала. Мы не знаем, на каком языке и какой письменностью был записан русский экземпляр договора. Мы не знаем, как этот экземпляр, либо его копия или перевод на какой-то славянский язык сохранился и попал к киевскому «краеведу»[1], который внес его текст в ПВЛ со своими комментариями и, увы, к нашему огромному сожалению, коррективами собственно текста. Но кое-что из этих важных вопросов можно с высокой степенью вероятности прояснить даже из того правленного «краеведом» варианта текста договора, который доступен нам сегодня единственно в ПВЛ.

В само́м тексте договора 911 года сказано, что договор записан неким «ивановым написанием»: «В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием [выделено мной. — *В.Е.*] на двух хартиях — Царя вашего и своею рукою, — скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам...». Отечественная историография старательно обходит молчанием это «иваново написание», которым, как следует из текста договора, был написан экземпляр руси. Что касается языка этого экземпляра, то он по умолчанию подразумевается русским. Но что такое был русский язык в начале X века? Ответ далеко не очевиден. По крайней мере, в середи-

[1] С. Обнорский на основании анализа языка договора 911 года полагал, что к авторам ПВЛ текст договора попал в переводе на древнеболгарский язык. (*Обнорский С.П.* Язык договоров русских с греками. // Язык и мышление, 1936, вып. 6/7, с. 79-104.)

не X века, по хорошо известному свидетельству Константина Багрянородного в его трактате «Об управлении империей», «русские» названия днепровских порогов звучали явно по-древнескандинавски. Следовательно, и сам русский язык того времени должен был быть языком древнескандинавским. Так вот, вышеозначенное никому не известное «иваново написание», равно как и «русский язык» по Багрянородному, нашими историками старательно обходятся молчанием, так как не сопоставляются ни с одним из славянских языков и алфавитов. А сопоставлять его с неславянскими языками и алфавитами никто принципиально не желает.

ПВЛ приписывает текст договора 911 года лично Олегу, причем в весьма странном контексте: «Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, говоря так: «Список с договора, заключенного при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода русского...». Как будто Олег лично диктует своим послам не проект договора, а... «список» с него! И это никого не смущает, включая, кстати говоря, и А. Никитина. Как никого почему-то не смущают имя и титулы Олега. А титулам в тексте договора Никитин придает огромное, неоправданно большое значение: «Олег, безусловно, был князем, причем наследственным князем, т.к. в тексте договора 6420/912 г. он представлен с титулом «светлости», что могло иметь место только в том случае, если константинопольский двор был абсолютно уверен в правомочности Олега претендовать на графское или княжеское достоинство». Эта «светлость» — титул, совершенно не свойственный древней руси, по крайней мере русским князьям в ПВЛ, — служит Никитину основанием посчитать Олега потомственным владетельным графом или князем из центральной Европы, где в X веке такие титулы якобы были в ходу. Он словно начисто забывает сделанный им же парой абзацев выше совершенно справедливый вывод о недостоверности всего, связанного с Вещим Олегом в ПВЛ, из-за чересчур творческого подхода его «краеведа» к правкам и переработкам текста ПВЛ и, в частности, всего относящегося к договору 911 года.

Между тем, совершенно очевидно, что все титулы в тексте ПВЛ в отношении предводителей руси IX—XI веков насквозь липовые. Все документы того времени кроме писаной много позже ПВЛ, как отечественные («Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона), так и иностранные, в частности европейские (Вертинские анналы) и арабские (Ибн Русте, Гардизи и др.), согласно и однозначно говорят, что верховные правители руси со второй половины IX века вплоть до второй половины XI века носили титул «каган». Все «князья» и «великие князья» в ПВЛ — это правки поздних составителей и обработчиков ее текста, не в последнюю очередь киевского «краеведа». А что касается константинопольского двора, то тому было глубоко наплевать на правомочность титульных претензий варварских князьков, которые были ему совершенно неинтересны вместе со всеми их претензиями и которых он без разбору именовал «архонтами».

Нулевую значимость титулатур в тексте ПВЛ, в частности в тексте договора 911 года, весьма наглядно иллюстрирует сам договор уже своей преамбулой: «...посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его, — светлых и великих князей, и его великих бояр...». Во-первых, сама «Его Светлость» оказывается «великим князем русским», чего не могло быть в исходном тексте договора. Во-вторых, «под его рукою», оказывается, находились... другие «великие князья», что вообще есть полный абсурд: великий князь на то и великий, чтобы не быть чьим-то подручным, тем более другого «великого князя». В-третьих, дело усугубляют какие-то «великие бояре» — титул, как известно, прямо связанный с обладанием крупной земельной собственностью и потому вообще лишенный смысла у начальной руси, этаких водных кочевников «перекати поле», купцов и пиратов, что следует из текста договора. (Характерно, что А. Никитин очень точно и выразительно называл начальную русь «морской пехотой» своего времени.) Такое типичное для «краеведа» нагромождение нелепиц напрочь лишает всю титулатуру в тексте ПВЛ каких-либо претензий на достоверность. Соответственно, невозможно всерьез рассматривать частный ляпсус со «светлостью» в качестве аргумента для утвержде-

ния о якобы «центрально-европейском происхождении» заключившего договор 911 года предводителя руси.

Оставаясь в неведении относительно титула этого предводителя, мы на самом деле пребываем в таком же неведении относительно его имени. Как уже прояснилось выше, «Олег» — не личное имя, а титул «ольг», эквивалентный для собственно начальной руси хазарскому титулу «каган». Если отбросить случайно затесавшегося в «Рюриковичи» самого́ Рюрика, то, согласно ПВЛ и другим известным документам того времени, все властители начальной руси IX—X веков носили это наследственное имя-титул. Вслед за ольгом Вещим мы видим Игоря Старого, который «Кембриджским анонимом» тоже назван ольгом (*х-л-гу*), а затем жену Игоря, тоже ольгу, у которой, кстати, если верить В. Татищеву, помимо этого имени-титула имелось и личное имя «Прекраса». В последнее время в истории древней Руси все чаще фигурирует в качестве преемника Олега Вещего некий Олег II, иногда отождествляемый с еще одним Олегом, Олегом Моравским. Не исключено, что в имени Святослава первый компонент *Свят-* тоже является славянской калькой с helgi- ольга. В этот же ряд ольгов и ольг можно поставить безымянного древлянского «князя Олега», который, по версии ПВЛ, был сыном Святослава (ольга Слава?) и внуком ольга Игоря и ольги Прекрасы. Вот такая семейственность «ольгов» и «ольг», совсем как у К. Коллоди: «Когда-то я знавал целую семью Пинокки: отца звали Пиноккио, мать — Пиноккия, детей — Пинокки, и все отлично себя чувствовали».

«Имя» Олега Вещего, которое я предлагаю считать титулом «ольг», помпезно представляемым во внешнем мире как «каган», в тексте договора 911 года встречается один единственный раз вкупе с рассмотренной выше сомнительной титулатурой, что заставляет видеть здесь инсинуацию «краеведа» и его собратьев. Если выбросить из преамбулы весь кусок с липовой титулатурой и «именем» Олега в придачу, то ничто в договоре больше не будет указывать на то, что у заключавшего его предводителя руси вообще было личное имя. Можно провести несложный эксперимент и гипотетически восстановить оригинальный кусок преамбулы догово-

ра, изъяв вставленные имя и титулы и тем самым возвратив преамбуле тот вид, который она должна была иметь до ее правки «краеведами» и прочими редакторами ПВЛ. Для этого в имеющемся тексте из ПВЛ «Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — посланные **от Олега, великого князя русского**, и от всех, кто под рукою его, — **светлых и великих князей, и его великих бояр**, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, царям греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русскими, по желанию **наших великих князей** и по повелению, от всех находящихся под рукою **его**[1] русских» для выделенных мною мест сделаем «обратную замену», чтобы вернуться к предполагаемому исходному тексту договора. Убрав «великих князей», «светлых князей», «великих бояр» и заменив «Олега» на «ольга», получим: «Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — посланные **от ольга русского**, и от всех, кто под рукою его, **мужей** [?], к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, царям греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русскими, по желанию **нашего ольга** и по повелению, от всей находящейся под рукою его руси». Такая замена снимает логические несуразицы и грамматические нестыковки, отчего весь приведенный текст становится более логичным и осмысленным. Полученный результат дает дополнительное подтверждение тому, что все Олеги и Ольги в тексте ПВЛ — это титулы или наследственные династические имена, которые превратили в личные имена первых властителей руси, сознательно или по ошибке, сочинители и редакторы ПВЛ.

Но нам в конце концов не столь важны личные имена предводителей начальной руси. Гораздо важней ее этниче-

---

[1] Хорошо видимая редактура текста договора, породившая несогласование грамматических чисел: множественного «князей» и единственного «его».

ское лицо, места обитания и модус вивенди. И как раз на эти вопросы можно поискать ответы в договоре 911 года, хотя бы между строк. А. Никитин был абсолютно прав, придавая большое значение этому договору. Договор действительно содержит очень важную информацию, но не о мифическом Вещем Олеге, а о самóй начальной руси, информацию не для подтверждения реальности этого никогда не существовавшего в природе князя, а для этнической и, тем самым косвенно территориальной, идентификации руси, что тысячекратно важнее.

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ИЛИ ЭТНИЧЕСКИЕ ИДЕНТИФИКАТОРЫ?

Договор 911 года подвергался отечественной историографией изучению с источниковедческой [1] и юридической [2] точек зрения. Но мы эти аспекты договора трогать не будем, а сконцентрируемся на обойденных вниманием этнических и лингвистических моментах, которые помогут нам пролить свет на происхождение начальной руси. В дальнейшем мы будем исходить из общепризнанного мнения, что договор 911 года подвел итог военным действиям, описанным в статье ПВЛ за 907 год, и, следовательно, статья 912 года с текстом договора служит логическим продолжением статьи 907 года.

Начнем с комментария ПВЛ к договору в статье 907 года, который А. Никитин обоснованно считает «обработанным»

---

[1] *А.В. Лонгинов.* Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Одесса: Экономическая типография, 1904; *А.А. Шахматов.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки неофилологического общества, вып. VIII. Пг., 1915, с. 391—395; *В.М. Истрин.* Договоры русских с греками X века // Изв. ОРЯС Рос. АН 1924 г., т. XXIX. Л., 1925, с. 383—393; *М.В. Левченко.* Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. В кн.: Византийский временник, т. V. М.-Л., АН СССР, 1952 , с. 105—126.

[2] *Н.А. Лавровский* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. Маг. дис. 1853; *А.Н. Сахаров.* Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980; *В. Горячев.* Великокняжеская власть в договорах русских с греками X века. 2009.

его «краеведом-киевлянином»: «Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань»». Комментарий вроде бы преподносит нам пятерку имен посланцев Олега, но из него совершенно непонятно, кто такие эти Карл, Фарлаф и иже с ними. Можно лишь предполагать, что это и есть послы русского предводителя (ольга?) к византийским императорам. К их именам мы вернемся чуть ниже, а пока вновь небольшое попутное важное замечание к требованию послов в ПВЛ.

А. Никитин справедливо отметил, что в самóм тексте договора 911 года нет ни слова о какой-либо дани. Речь там идет о компенсации за причиненный в Константинополе урон каким-то представителям руси и правилах урегулирования подобных инцидентов в будущем. Так что сентенция «платите мне дань» — чистая выдумка комментатора договора, то есть, по Никитину, «киевлянина-краеведа». Она весьма показательна и наглядно демонстрирует, что «краевед» не гнушался вложить свои собственные слова в уста «великого князя», грубо искажая при этом, сознательно или по неведению, смысл комментируемого текста. Тогда почему мы должны верить всяким «светлостям» и «великим князьям» под рукой других «великих князей», напиханным в ПВЛ тем же «краеведом» и его коллегами?!

Мы здесь, в отличие от Никитина, не исследуем всю ПВЛ и связанное с ней творчество «краеведа», а потому перейдем непосредственно к тексту договора 911 года, в котором имеется некий слабо заметный след таинственного протагониста договора — начальной руси. Этот след удается распознать в преамбуле договора, где перечислены имена уполномоченных лиц, подписавших договор со стороны руси. Назовем их еще раз: Карлы, Инегельд, Фарлоф, Вельмуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид. Нетрудно видеть, что в числе подписантов все пять послов (Карл, Фарлаф, Вермуд, Рулав и Стемид), названных в комментарии 907 года, и еще десять других уполномоченных представителей руси, итого пятнадцать имен. Но действительно ли все это имена?

Так не считал чешский филолог XVIII века Я.К. Эрбен, который исключал из списка подписантов первый элемент «Карлы»[1], так как karl означает просто «мужчина, муж» в древнегерманских, в частности древнескандинавском, языках. К сожалению Эрбен остановился на полпути, и дважды достойно сожаления то, что никто не подхватил и не развил его прозорливую так много объясняющую находку! Впрочем, чего было ожидать от отечественных историков и лингвистов, если от такой находки за версту несет треклятым норманизмом?! Максимум, чего удостоилась эта бесценная мысль чешского ученого у отечественных исследователей ПВЛ и договоров руси с греками, — только мимолетного замечания А. Никитина, что предположение Эрбена «возможно, имеет смысл». А оно-таки имеет, да еще какой — решающий!

Действительно, в перечне подписантов договора «Карлы» вовсе не имя, а этнический идентификатор перед перечислением имен — слегка славянизированное славянским множественным числом древнескандинавское «мужи». В этом своем качестве он находится в начале перечня и, что очень важно, в отличие от последующих элементов именного перечня, то есть настоящих имен, стоит во множественном числе. Но подобный идентификатор был бы бессмыслен в таком виде, будь он один. Да ведь то-то и оно, что он не один, хотя на это никто упорно не хочет обращать внимание! В середине перечня есть еще одно «имя», тоже пребывающее там во множественном числе и тоже имеющее вполне подходящее нарицательное значение, чтобы со всей очевидностью быть этническим идентификатором: «Гуды» — славянизированное готское «готы», ибо «гот» по-готски — это как раз *гута / гуда*[2]. При наличии второго идентификатора

---

[1] Эрбен говорил о словоформе karli как множественном числе от karl, то есть о «мужах». Но это имело бы смысл, если бы исходный текст договора был написан на латыни, что представляется невероятным. Логичнее принять, что «карлы» в тексте договора — это славянское множественное число от «карл», появившееся уже в переводе на староболгарский язык.

[2] По-готски «гот» — *гута / гуда*. Показательно сравнение нашего *гуды* с литовским gudai — «чужаки, нелитовцы». Это древнее слово, ныне пренебрежительно применяемая в Литве к русским и белорусам, исторически

внутри перечня обретает смысл и первый в его начале, так как в паре они однозначно разделяют весь список имен на две этнические группы, члены которых перечислены строго вслед за своими этническими указателями. Соответственно этому тезису, преамбулу договора Олега следует читать так: «*Карлы* [т.е. скандинавы, — *В.Е*]: Инегельд, Фарлоф, Вельмуд, Рулав; *гуды* [т.е. готы, — *В.Е*]: Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид». Для выделения лексемы «карлы» в качестве этнического детерминатива принципиально то, что слово karl, будучи общегерманским, тем не менее отсутствует в готском языке, вследствие чего вполне оправдано его использование в перечне подписантов договора для разделения скандинавов и гóтов.

В самóм договоре и комментарии «краеведа» к нему можно найти сразу несколько косвенных подтверждений моей гипотезе.

При предлагаемом разбиении перечня на две этнические группы получает объяснение различие наборов имен послов в комментарии к договору (статья 907 года ПВЛ) и подписавших договор уполномоченных в его преамбуле (статья 912 года). Собственно послами руси, ведшими переговоры в Константинополе, выступала только тройка «мужей»-скандинавов («Олег же... начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава [следует читать: *карлов* Фарлафа, Вермуда, Рулава — *В.Е.*] и Стемида со словами: «Платите мне дань»»). То есть в отправленное в Константинополь посольство входили только скандинавские «мужи» и гот Стемид, о котором отдельный разговор впереди, и эти «мужи» полностью соответствуют комментарию к договору: «Послал Олег мужей [выделено мною. — *В.Е.*] своих заключить мир и установить договор между греками и русскими...». Но еще более поразительна схожесть состоящего из «мужей»-скандинавов посольства «князя Олега» 907 года с аналогичным посольством «русского кагана» 838 года в тот

восходит к готам — прежним германским, то есть небалтским соседям предков балтов.

же Константинополь, оказавшееся годом позже в Ингельгейме, где, по свидетельству Бертинских анналов, каганские послы были следователями Людовика тоже признаны скандинавами. Ну, право, не могут быть такие совпадения случайными!

В «скандинавской» четверке подписантов договора имена действительно чисто скандинавские: Ингельд, Фарлав, Вельмуд, Рулав, — а в «готской» девятке — Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — они более разношерстные, что и должно быть у гóтов, пять веков мешавшихся в Крыму, о чем более подробно речь пойдет ниже, с местным населением, аланским и тюркским, но превалирование германского элемента все же очевидно и у них. Собственно, в готской группе, кажется, явно выпадают из германского ряда только своим тюркским обликом «Актеву» [1] и, возможно, Аидул.

Следует особо подчеркнуть, что две выделенные группы в списке подписантов договора неравноправны. «Мужи»-скандинавы явно привилегированы: их имена образуют первую группу в перечне подписантов договора «от рода русского» впереди гóтов, и сами эти «мужи» непосредственно вели переговоры в Константинополе. А группа гóтов, имена которых стоят в перечне подписантов позади «мужей»-скандинавов, вообще к переговорам не была допущена. Исключение составляет один Стемид, что заставляет уделить ему особое внимание.

Стемид — единственный гот, включенный, казалось бы в нарушение системы, в посольство скандинавских «мужей», хотя и в перечне послов, и даже в группе гóтов-подписантов его имя стоит последним. Но именно из-за участия в обоих списках, и везде на последних ролях, Стемид еще А. Сахаровым признан «секретарем» посольства руси. Необходимость включения в посольство в качестве секретаря именно этого гота, предположительно не слишком родовитого и потому везде оттесняемого в самый конец именных перечней, могло обуславливаться двумя причинами: вероятным хоро-

---

[1] Ср., например, татарское ак тэвэ — «белый верблюд».

шим знанием греческого языка, что естественно для крымских гóтов, несколько веков живших бок о бок с греками, а также, в не меньшей степени, владением «ивановым написанием», необходимым для выполнения секретарских функций, ибо, как мы помним, именно этим «написанием» был записан русский экземпляр договора 911 года. Поэтому не родовитый варяжский муж, скорее всего вообще неграмотный, а может быть безродный, но зато владеющий грамотой и греческим языком крымский гот оказался единственным лицом, способным справиться с работой переводчика и секретаря, и потому был не только включен в состав посольства, но и вошел в состав делегации для переговоров с греками. Надо полагать, именно Стемиду мы обязаны текстом договора, список с перевода которого с «русского» языка и «иванова написания» на старославянский язык и кириллицу оказался в ПВЛ и был присвоен ее сочинителями ими же придуманному Вещему Олегу.

ГОТЫ ИЛИ РУСЬ?

Итак, судя по договору 911 года, этнически начальная русь представляла собой смесь скандинавов и гóтов при явном доминировании первых. В начале IX века, когда вероятно формировалась начальная русь, скандинавов, то есть викингов-норманнов, можно было встретить на побережье многих стран Европы: восточной Англии, западной Франции, всей Испании, южной Италии. Это, разумеется, не считая Скандинавии. А вот с готами ситуация была похуже. Опять же, если не считать островов Готланд и Борнхольм на Балтике, то единственным местом, где еще можно было отыскать живых гóтов, оставался Крым. Трудно себе представить, чтобы договор с Византией заключали скандинавские предки шведов вкупе с жителями соседних островов Балтийского моря. Но если даже напрячь фантазию, все равно ничего не получится, потому что в IX веке в гипотетическом альянсе свеев Упланда и гóтов Готланда последние вряд ли оказались бы на вторых ролях. Островные готланд-

цы в то время были гораздо более «продвинутыми» и более активными в «международных отношениях» по сравнению с периферийными континентальными свеями. А греческого языка не знали ни те, ни другие; и никакого «иванова написания» кроме младшего футарка ни у тех, ни у других не было. Так готская составляющая начальной руси однозначно указывает на Крым как место ее зарождения.

К сожалению, мы мало знаем о крымских готах. Они появились в Крыму примерно в III веке в общем потоке переселения восточно-германских племен из Балтийского Поморья на юг, в частности в Северное Причерноморье. Во время гуннского нашествия основная масса причерноморских гóтов откатилась на запад и в перипетиях Великого переселения народов оказала значительное влияние на европейскую историю начала средних веков. Но, оказав ощутимое влияние на современную политическую карту Европы, сами готы в Европе растворились бесследно. От всего многочисленного готского этноса остался только небольшой застрявший в горах южного Крыма осколочек. В конце концов сохранившиеся в Крыму готы сумели создать свое небольшое государство — так называемую Крымскую Готию или государство Дори со столицей Дорос[1] — и, находясь в непосредственном соседстве с греческим Херсонесом, рано восприняли ортодоксальное христианство. В конце VII века Крымскую Готию завоевали хазары, однако готы под руководством своего епископа св. Иоанна Готского подняли восстание против хазарского владычества. Несмотря на неудачу восстания они в конце концов смогли вернуть себе независимость. В дальнейшем крымские готы, в целом следуя участи всего готского этноса, ассимилировались с местным населением, в данном случае греками побережья и степняками внутреннего Крыма. Вероятно последним государственным образованием, которое можно более-менее уверенно связать с крымскими готами, было княжество Феодоро, возникшее примерно на месте бывшей Крымской Готии и

---

[1] *Дорос* по-готски означает «двери» (можно сравнить с английским doors).

самим своим названием не только демонстрирующее преемственность от государства Дори вторым компонентом *-доро*, но и дающее ясные дополнительные «готские ссылки» столицей Мангупом и первым компонентом своего названия *феод-*, представляющим собой в передаче на византийском среднегреческом готский корень *тиуд-* [θiwd][1].

Кстати говоря, в другой передаче — на славянском древнерусском языке — сочинители ПВЛ тот же самый готский *тиуд* превратили в «чудь», под которой в исходных летописных текстах фигурировали вовсе не финоязычные племена Новгородчины, ни одно из которых не имело такого самоназвания, а крымские готы. Это интуитивно уловил еще А. Шахматов, и его находку, тоже на интуитивном уровне, подхватил А. Никитин: «На источник такой эпонимической легенды [о призвании Рюрика. — *В.Е.*] косвенным образом указывает лексема «чюдь», в данном случае обозначающая не «эстов» или «заволоцкую чюдь», а восходящая к первоначальному готскому (т.е. др.-немецкому) thiuda — «народ», что было отмечено еще А.А. Шахматовым. Однако первоначальные эпонимы оказались забыты, а сама легенда приспособлена к условиям Новгорода на Волхове...». Простим Никитину очередные огрехи в языкознании. Во-первых, лингвистика не знает древненемецкого языка, она имеет дело с древнегерманским. Во-вторых, словоформа *тиуд(а)* не древнегерманская, а именно готская [2]. Тем не менее, суть верна, и пара лексем «русь» и «чудь» ПВЛ — это действительно некий атавизм, сохранившийся в ПВЛ неясный отголосок двух составляющих начальной руси: скандинавов («русь») и гóтов («чудь»).

Считается, что последние следы крымских готов теряются где-то в IX веке. С этого времени готы практически не упоминаются и становятся археологически неуловимыми. Вероятно они полностью ассимилировались и во всех бытовых хозяйственных аспектах стали неотличимы от прочего населения

---

[1] По-готски *манкуп* — «человеческая голова» (первоначально название горы и плато); *тиуд(а)* — «народ».

[2] Древнегерманский аналог (источник) готского *тиуда* — похожее, но все же иное þeudō.

Крыма. Но есть два свидетельства сохранения крымскими готами своего языка вплоть до XVI века. Первое из них, монаха Гильома из Рубрука[1], относится к середине XIII века: «Между Керсоной [Херсоном. — *В.Е.*] и Солдайей [ныне Судак. — *В.Е.*] существует сорок замков; почти каждый из них имеет особый язык; среди них было много готов, язык которых германский». Второе нам оставил посол Священной Римской империи в империи Османской Бусбек, который в XVI веке в Стамбуле услышал от каких-то залетных жителей Крыма и записал нескольких десятков слов и нескольких фраз еще вроде бы живого там в то время готского языка.

Соединяя три факта: нарративное и археологическое исчезновение крымских готов в IX веке, появление в это же самое время нового этноса «русь» и сохранение в Крыму готского языка вплоть до XVI века — можно предположить, что, во-первых, с IX века говорящие по-готски жители Крыма, сохраняя свой язык, уже потеряли все остальные идентифицирующие их как гóтов признаки и, во-вторых, что именно готы впоследствии оказались субстратом нового крымского этноса, суперстратом и катализатором которого выступили появившиеся в Крыму в то же самое время викинги-скандинавы. Новый этнос полностью заместил свой субстрат, вследствие чего исчезают все упоминания крымских гóтов, а на исторической сцене появляется новый германоязычный народ русь. Разумеется, со временем граница между «карлами» и «гудами» стерлась, а последующая славянизация руси вообще лишила смысла такое разделение, но изначальный этнический дуализм руси нашел отражение в ПВЛ тесной увязкой двух лексем «русь» и «чудь», хотя истинное их значение вряд ли понимал уже «краевед-киевлянин», а тем более последующие правщики ПВЛ, не говоря уж о переводчиках.

В начале IX века викингов-норманнов можно было встретить практически в любой точке побережья Европы. В большинстве случаев появление викингов было сродни стихийному бедствию: налетели, ограбили, разорили, увели

---

[1] *Гийом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. 1589.

пленных, и след их простыл. Правда, слово «налетели» не совсем точное. Викинги не прилетали, а приплывали только и исключительно на кораблях, и след их тоже простывал не в небесах, а в морской дали. Однако иногда, когда условия складывались особенно удачно, норманны могли осесть надолго, а то и навсегда. Так появились норманнские государства в восточной Англии (Данелаг), Нейстрии (будущая Нормандия) и южной Италии (впоследствии Сицилийское королевство).

Викинги нападали на все что ни попадя, и грабили всех, кто попадется под руку. Хорошо, если о таком нападении написал что-нибудь монах ближайшей обители, эта запись попала в какие-нибудь анналы, а эти анналы дошли до наших дней. Увы, все это в совокупности случалось крайне редко. В большинстве случаев оставались такие события безвестными, и либо руины разоренных селений тихо порастали быльем, либо природа брала свое, и на месте развалин возрождалась новая жизнь. Время, как известно, лечит. Так нам не повезло с Крымом. Ничего мы не знаем о том, как появились и что делали в Крыму скандинавы (викинги, норманны, варяги — дело не в названии). Но появиться там они были обязаны — ничем крымское побережье не было хуже прочих берегов Европы.

А теперь, поскольку анналы не донесли до нас эха этого исторического события, придется нам пофантазировать и представить себе, как это могло произойти.

Итак, какие-то скандинавы в начале IX века после долгого и изнурительного плавания по многим незнакомым рекам, если они плыли по речным путям «из варяг куда-то там», либо многим бурным морям, если вокруг Европы и по Средиземному морю, впервые оказались в Крыму. Здесь в непривычном для них климате и совершенно чуждом окружении они вдруг встретили, впервые за свое долгое и мучительное плаванье, некий туземный народ, внешне ничем не отличавшийся от соседних обитателей Крыма, но совершенно неожиданно для скандинавов говоривший на более-менее понятном им языке! Конечно, это был уже не «классический готский» язык Ульфилы IV века и тем более не готский

язык обитателей острова Готланд IX века, возможно даже не чистый готский, а некое гото-аланское койне, но оно все-таки оставалось понятным скандинавам. А ведь это совсем иное качество! В Крыму и только в Крыму скандинавы получили уникальную возможность быстро и эффективно наладить мирные продуктивные контакты с местным населением и легко инкорпорироваться, встроиться в местную этнокультурную среду. Викинги были не из тех, кто пренебрегал такой возможностью.

С другой стороны, остатки готского народа влачили в Крыму жалкое существование и, не имея никаких перспектив, постепенно теряли остатки национальной идентичности. Как выразительно заметил археолог С. Черныш, комментируя археологическое исчезновение гóтов в Крыму в IX веке, «у нищих нет национальности». И вдруг эти малочисленные нищие хиреющие остатки прежде большого народа, некогда вершившего историю Европы, получили уникальную возможность радикально изменить свое бедное и бесперспективное существование благодаря, выражаясь языком Л. Гумилева, «пассионарному толчку» от невесть откуда взявшихся шустрых пришельцев, по удивительному промыслу всевышнего оказавшихся какими-то дальними родственниками. Наверняка если не все, то многие готы воспользовались таким подарком судьбы. Поэтому в случае Крыма речь могла идти не о завоевании и покорении викингами местного населения, что для них было делом привычным, а скорее о неком исключительном симбиозе пришельцев-скандинавов с аборигенами-готами, о симбиозе, в котором каждый компонент выигрывал что-то для себя и в чем-то дополнял другого.

Именно этим симбиозом объясняются многие загадки начальной руси, в том числе нашедшие отражение в ПВЛ. Одна из них — явно привилегированное, наравне с русью, положение чуди: «В Иафетовой же части сидят русь, чудь и всякие народы...», — и после персонального выделения руси и чуди, причем опять-таки, как и в договоре 911 года, русь впереди чуди, далее скопом перечисляются прочие «всякие народы». Эта и подобные ей сентенции ПВЛ устойчивой па-

рой этнонимов «русь» и «чудь» отражают тот самый уникальный симбиоз скандинавов и гóтов, но с доминированием первых, вследствие чего русь всегда оказывается впереди чуди.

Этническая двойственность начальной руси наглядно отразилась в заключительном абзаце договора 911 года: «В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русью, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях — царя вашего и своею рукою, — скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись царю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание, по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы...». Этот текст явно написан русской стороной, и эта сторона противопоставлена греческой, «христианам». Здесь русь, то есть «не христиане», клянется по своим вере и обычаю, но при этом скрепляет клятву крестом и Троицей, признает истинность христианского бога и божественность византийских императоров. Такая противоречивость объясняется как раз этнической двойственностью руси. Ее послы, то есть ведшие переговоры в Константинополе «мужи»-скандинавы, все еще оставались язычниками и действительно клялись по-своему («по вере о обычаю»). При оформлении договора секретарь посольства Стемид честно отразил этот факт, но, будучи сам не просто грамотным готом, но и православным верующим, использовал привычный для него христианский лексикон и византийский письменный этикет («...крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога... царю вашему, поставленному от Бога...»).

По своему внешнему виду русь не отличалась от жителей Крыма и всего Северного Причерноморья. Викинги всегда и всюду демонстрировали высокую адаптируемость к местным условиям, но в Крыму эта адаптация дополнительно ускорилась благодаря симбиотическому слиянию с родственным готским компонентом. Свое веское слово должна

была сказать и смена климата. Поэтому бесполезно искать в описаниях внешности руси у Ибн Фадлана или Льва Диакона что-то скандинавское. Знаменитый «портрет» Святослава у Диакона — это «портрет» не скандинава, а типичного крымчака с единственным отличием в виде оселедца на голове, который Диакон считает признаком родовитости. Этот оселедец вероятно на самом деле был внутри нового народа отличительным признаком скандинавских «мужей» («руси») в противовес полностью бритоголовым готам («чуди»). В этом плане не стоит забывать, что северные германцы придавали волосам особое мистическое значение, чем, надо полагать, и был вызван обычай у скандинавской верхушки сохранять хотя бы символический клок волос на бритой голове. Возможно здесь также сказалось влияние моды давно обосновавшихся в Крыму кочевников.

Ни византийцы, ни тем более арабы уже не отождествляли новый народ с готами. Крымские готы, никогда не игравшие в жизни империи, а тем более халифата, сколько-нибудь заметной роли, окончательно сошли с исторической сцены и были полностью забыты. В непосредственном общении византийские правители имели дело, как мы видим в свидетельствах 839 и 907 годов, со скандинавской элитой руси, по которой греки и судили о новом для них народе. Этот народ оказался северного «гиперборейского» происхождения, его родные края действительно были ужасно далеки и, как выразился патриарх Фотий в своих гомилиях 860 года, «отделены столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней». Однако со временем греки осознали, что этот новый народ «русь» вовсе не так уж далек и буквально соседствует с ними в Крыму.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА ИЛИ КРЫМ?

Мы уже знаем, что «внешнеполитическая деятельность» Игоря Старого началась в Керченском проливе, где он пиратски, как и подобает истинному викингу, атаковал и ограбил хазарский город Самкерц. Но подоспевшее регуляр-

ное хазарское войско не только отобрало всю добычу, но и, захватив базу Игоря, заставило того воевать против Византии. В нашей литературе можно встретить утверждение, даже убеждение, что захваченной хазарами «столицей» Игоря был Киев. Это всего лишь домысел, основанный исключительно на фантастической истории Киевской Руси, придуманной киевским «краеведом». В «Кембриджском анониме», донесшем до нас злоключения Игоря, о Киеве нет ни слова, а все захваченные хазарским военачальником Песахом в ходе кампании против Игоря города находились исключительно в пределах Крымского полуострова. Что же касается Киева, то завоевывать его у хазар вообще не было никакой нужды, так как в то время Киев и так давно был хазарским городом, что, в частности, подтверждается документом как раз этого времени, так называемым «Киевским письмом»[1] из Каирской генизы.

По принуждению победителей-хазар Игорь в 941 году совершил пиратский рейд в Византию. Сто́ит обратить внимание на то, что о направляющемся к Босфору флоте Игоря византийцев предупредили сначала херсонцы, а затем болгары. То есть флот руси шел к Константинополю сначала мимо берегов Крыма, а затем Болгарии. Таким путем он мог идти только от Керченского пролива. Туда же, к Керченскому проливу, по словам Льва Диакона, вложенным им в уста императора Цимисхия, бежал Игорь с остатками своих кораблей после поражения. Туда же «домой» отправлял Цимисхий и побежденного им Святослава, которого, кстати, все тот же Лев Диакон называет «катархонтом тавроскифов». Конечно, можно пытаться дезавуировать этих «тавроскифов» тем, что греки именовали скифами всех варваров, обитавших севернее Черного моря, то есть в Великой Скифии. Пусть так, но Диакон называет русь не просто скифами, а, извините, все-таки ***тавро***скифами, а так он мог назвать только «скифов», обитавших в Таврии.

---

[1] Характерно, что Википедия называет это письмо «древнейшим аутентичным документом, вышедшим с территории Киевской Руси», хотя сам документ не только не упоминает Киевскую Русь, но и не дает ни малейшего основания подозревать ее существование.

Договор между русью Игоря и Византией, датируемый в ПВЛ 945 годом, заставляет Игоря защищать Херсон от черных булгар, что возможно только в том случае, если владения Игоря находятся между ними, то есть опять же в Крыму. Меморандумом 971 года Цимисхий обязывает Святослава не вести войн в районе Херсона, что предполагает по-прежнему близость владений Святослава к этому крымскому городу. Таким образом, вся удостоверенная документами вне ПВЛ деятельность Игоря и Святослава замыкалась главным образом на Крым, и лишь Святослав попытался распространить ее на Подунавье[1]. Более подробный и развернутый перечень аргументов в пользу крымской резиденции Игоря и Святослава читатель сможет найти у А. Никитина, а здесь на эту тему остается сделать лишь пару дополнительных замечаний.

Как представляется мне, именно с таврической «пропиской» руси связаны типичные эпитеты, «дикая», «жестокая» и «кровожадная», которыми характеризуют русь византийцы: «всех оставляющий позади в жестокости и кровожадности»; «скифский народ, дикий и грубый»; народ, «как все знают, жесточайший и суровый». Наверное русь действительно в смысле жестокости не уступала своим родителям-скандинавам, но какую-то особую свирепость греки приписывали руси не только вследствие ее объективной «викингской» природы, но и по инерции считать именно варварских обитателей Тавриды особенно кровожадными дикарями. В греческой традиции такими жестокими и беспощадными, без жалости и без разбору убивающими всех попавших к ним в руки чужаков, предстают обитатели Крыма тавры. Такими же в представлении греков остались и их исторические преемники тавроскифы-русь.

Также нельзя пройти мимо еще одной выразительной аналогичной традиции, на сей раз арабской, о трех состав-

---

[1] Здесь «за скобки» выносится покорение и разорение Хазарского каганата, так как оно приписывается Святославу исключительно авторами ПВЛ и не имеет подтверждений независимыми свидетельствами. Скорее наоборот. По данным арабских авторов, русь громила Хазарию в то время, когда Святослав воевал в Болгарии.

ных частях древней руси, из коих в одной, а именно Арте (Артании), не удалось побывать ни одному чужестранцу, так как местные жители обязательно убивали всех пришельцев. Весьма вероятно, что арабская традиция об Арте — это отражение греческой о таврах и крымской руси. Так что легендарной Артой вполне мог быть Крым, который у арабов впоследствии также получил название «острова руси». Этот остров размеров в три дня пути был покрыт лесами и болотами, что в целом не противоречит размерам и ландшафтам Крыма с лесами в его гористой части и «гнилым» болотом Сиваша у северо-восточных берегов. Важным аргументом в пользу Крыма следует считать часто повторяемое арабами утверждение, что остров был весьма населенным, конкретно даже говорилось о ста тысячах жителей. Трудно сказать, насколько можно доверять этому числу, но даже близко сопоставимого населения не могло быть ни на одном из конкурентов Крыма, будь то остров Рюген или тем более островок Рюрикова городища.

В контексте упоминания «острова руси» арабские географы подчеркивали, что все свои походы и набеги русь совершала только и исключительно на кораблях. Именно эта особенность начальной руси дала основание А. Никитину назвать ее «морской пехотой». Кстати, Никитин очень едко высмеивал своего «краеведа», изобразившего в ПВЛ молодого Святослава этаким кочевником Дикого поля, всю жизнь проводящим на коне вместе со своей дружиной. На самом деле, множественные утверждения арабов о неумении руси сражаться верхом подтверждает и Лев Диакон при описании доростольского сражения, в частности, касательно конкретно Святослава и его войска. Поэтому вряд ли стоит принимать всерьез любые гипотезы аланского или тюркского происхождения начальной руси. Трудно представить себе кочевников-мореходов. И уже полный абсурд — степняки, не умеющие воевать верхом.

Чтобы покончить с «центрально-европейской» русью, необходимо вернуться к еще одному тезису А. Никитина о якобы разной руси Вещего Олега и Старого Игоря. Под давлением неопровержимых аргументов Никитин не мог не

признать, что русь Игоря, а также и русь Святослава — это русь крымская. Но в попытке сохранить свою гипотезу центрально-европейского происхождения руси, он отделяет от нее русь Вещего Олега. Главный аргумент Никитина — якобы европейское происхождение «Его Светлости». Однако вынос мифической личности Вещего Олега за рамки реальной русской истории лишает Никитина главного аргумента. А второй и последний его довод — наличие в договоре 911 года упоминания некой «чужой земли», на которой русь и византийцы обязаны оказывать друг другу помощь, — вообще нельзя рассматривать в качестве аргумента. Почему-то Никитин подразумевал эту «чужую землю» обязательно лежащей между греческой и русской землями. То есть, на самом деле понятно почему. Это позволило ему отодвинуть русскую землю подальше от Византии, разумеется, в удобном для него северо-западном направлении. Но из текста договора никак не следует, что упомянутая «чужая земля» должна разделять Русь и Византию. По букве и смыслу договора она могла лежать где угодно, куда доплывают византийские и русские корабли, хоть на краю света. Наоборот, то значительное место, которое занимает в договоре «морское право», говорит о том, что обе высокие договаривающиеся стороны — морские державы. А этой посылке вполне соответствует крымская, но никак не центрально-европейская локализация Руси того времени. Попутно еще раз хочется подчеркнуть, что и не днепровская.

Так что на самом деле нет никаких оснований отделять русь 10-х годов от руси 40-х или 70-х годов X века, и еще меньше оснований относить русь 911 года подальше от морей вглубь европейского континента. Вся начальная русь IX — это русь крымская. Другое дело, что уже в первой четверти X века она чувствует себя как дома и в Поволжье, и на Каспии, и на Кавказе и даже в Подунавье. В частности, Ибн Фадлан был убежден, что встреченные им в 922 году в Волжской Булгарии купцы руси приплыли туда с верховьев Волги, и располагал Русь севернее Булгара. Но, что характерно, он слыхом не слыхивал ни о Киеве, ни о Днепре.

Не знаю наверняка, но вряд ли в Крыму найдены какие-либо археологические свидетельства присутствия там в IX—X веках скандинавов. Викинги практически не оставили археологам «норманнских» следов нигде в Европе. Они слишком быстро адаптировались и ассимилировались, либо, чаще всего, еще быстрее «делали ноги». Но договор 911 года, если это не «липа», от начала до конца сфабрикованная киевскими «краеведами», что выглядит невероятным, дает твердые основания полагать, что скандинавы в IX веке достигли Крыма и, встретившись там с местными готами, образовали тот самый симбиоз, который положил начало народу «русь». В этом симбиозе готский субстрат дал новому этническому образованию местную основу и местные приморские базы, которые вероятно располагались на всех трех оконечностях Крыма[1], а скандинавский суперстрат, бесспорно привилегированный и лидирующий, дал новому народу «пассионарность», благодаря которой русь быстро вышла на европейскую арену и заставила говорить о себе. Означенный симбиоз позволил «нищим, не имеющим национальности» остаткам крымских гóтов поднять голову и громко заявить о себе под новым именем, а викингам-скандинавам — возможность быстро укорениться на Черном море, где имелись великолепные возможности для их самореализации.

Отдадим должное А. Никитину: он имел смелость признать крымскую русь. Но, увы, он не принял Крым как исконную родину руси отчасти из-за своей ошибочной концепции возникновения первоначальной руси то ли во Фризии, то ли в центральной Европе, а отчасти, вероятно, из-за инерции мышления и отечественной историографической традиции, которая выводит начало русской истории из Поволховья и Поднепровья. В русле этой традиции у Никитина крымская русь — всего лишь побочная ветвь, ответвление

---

[1] У мыса Тарханкут в Караджинской бухте, в Севастопольской бухте в районе Инкермана и предположительно в районе Керчи. Впрочем, нельзя исключать и Тамань.

приднепровской руси, которая, в свою очередь, вторична по отношению к руси европейской. Но на самом деле никаких доказательств существования ни фризской, ни центрально-европейской руси нет, а те, что приводит сам Никитин, очевидно ошибочны. Более того, если мы имеем несколько заслуживающих доверия свидетельств современников о крымской руси IX и X веков, то о гипотетической приднепровской руси вообще нет никаких объективных данных вплоть до приблизительно середины X века, когда о «Внешней Руси» и местности Киоав-Киова в ней впервые написал Константин Багрянородный, а топоним «Кийиоб» проявился в «Киевском письме». Разумеется, здесь, как и ранее, мы исключаем фантазии «краеведа»-киевлянина в ПВЛ о так называемой «Киевской Руси» IX и первой половины X века с мифическими фигурами Кия с братьями и сестрой и Аскольда с Диром, справедливо дезавуированных Никитиным, а также не дезавуированного Никитиным, но от этого ничуть не менее мифического Вещего Олега.

Объективные данные археологии в полном согласии с Багрянородным и «Киевским письмом» не дают оснований говорить о приднепровской Руси до X века. Мы уже знаем свидетельства независимых зарубежных археологов, что IX век — «один из наименее интересных периодов в истории этой издревле заселенной местности» (швед Ю. Кальмер), «...история города берет начало в конце IX в., а к середине X в. он превращается в важный городской центр» (француз К. Цукерман) и «военно-политические функции города как центра отчетливо зафиксированы только в X веке» (немец Э. Мюле). То есть, реально политическим центром чего-то город Киев стал где-то к середине X века, в целом синхронно первым упоминаниям Киоава-Киовы Константином Багрянородным, Кийиоба «Киевским письмом» и Куябы арабскими географами. Но, разумеется, в вопиющем противоречии с ПВЛ и всей общепринятой историей Киевской Руси.

Отечественная историография вслед за академиком Б. Рыбаковым трактует «Внешнюю Русь» Константина Багрянородного как некое противопоставление «Внутренней Руси», в которую Рыбаков, продолжая и развивая концеп-

цию А. Насонова, включал Среднее Приднепровье с Киевом, Черниговом и Переяславлем. Однако в тексте Багрянородного никакой «Внутренней Руси» нет, и более того, нет города Киева. При беспристрастном прочтении источника становится очевидным, что у Константина во «Внешней Руси» есть некая местность Киоав-Киова с крепостью Самватом, а все перечисленные им города, в том числе и находящийся совсем рядом с Киевом Вышгород, Константин относил к «Внешней Руси». Между тем специальная оговорка Багрянородного о том, что описываемая им Русь — «внешняя», действительно подразумевает наличие другой, какой-то «внутренней» Руси. Вряд ли удастся найти на эту роль более удачного претендента, чем Крымская Русь, действительно угнездившаяся внутри греческой ойкумены прямо под боком у византийского Херсона.

Крымскую локализацию первичной руси подтверждает так называемый «Баварский географ», в котором при перечислении племен и народов Восточной Европы первой половины IX века русь (Ruzzi) названа непосредственно вслед за хазарами (Caziri). Ведь именно в Крыму начальная русь родилась и долго, весь IX и почти половину X века, наиболее близко, буквально бок о бок, сосуществовала не только с греками, но и с хазарами. А вот Киевской Руси в первой половине IX века вообще еще не было. Так что в «Баварский географ», перечисляя народы и племена (не государства!) Европы, почти наверняка имеет в виду крымскую русь, а не Русь Киевскую.

Я отдаю себе отчет, что невероятно трудно перевернуть вверх тормашками, а на самом деле поставить с головы на ноги заржавевшую историю начальной руси в изложении ПВЛ. И тем не менее, надеюсь, что люди со здравым рассудком еще способны воспринимать разумные аргументы, особенно если таковые целиком и полностью согласуются с объективными данными археологии. В пользу первичности именно крымской руси по отношению к руси приднепровской наряду с приведенными мною выше аргументами говорит археология Киева в трактовке не отечественных и тем более украинских, а видных зарубежных археологов. А их

вывод категоричен: Киев как политический центр археологически проявляет себя только к середине X века! Это настолько точно совпадает с крушением крымской руси Игоря Старого, что вряд ли можно посчитать сей факт случайным. Объединение сведений «Кембриджского анонима» и византийских хронистов дает нам некоторое представление об этом крушении.

В самом конце 30-х годов X века ольг (*х-л-гу*) крымской руси Игорь, воспользовавшись удобным моментом, совершил в лучших традициях викингов пиратское внезапное нападение на соседний хазарский город Самкерц и захватил там большую добычу. Однако потом он с позором бежал от подоспевшего регулярного хазарского войска во главе с неким Песахом, и Песах не только отнял у Игоря всю добычу и разорил его базу, но в отместку заставил начать военные действия против Византии. Подчиняясь требованию победителя, Игорь совершил очередной пиратский рейд на Вифинию, область Византии на малоазийском побережье Черного моря, и вновь потерпел сокрушительное поражение от сухопутных имперских войск и огнеметного флота. Итог этой неудачной кампании подвел договор, датируемый в ПВЛ 945 годом. Этот итог катастрофичен для крымской руси. Она по-видимому потеряла свою крымскую базу, захваченную Песахом, весь свой флот, сожженный «греческим огнем», а с ними всякую возможность существовать по-прежнему, то есть грабить побережье Черного моря и сбывать награбленное в Византии. Русь, бывшая с самого своего начала, по удачному выражению А. Никитина, «морской пехотой», поневоле превратилась в просто пехоту, а ее предводитель Игорь был вынужден искать новые места для рэкета на суше, в первую очередь в ближайших к Крыму районах: Северном Причерноморье и Среднем Поднепровье. Вот тут-то и возникла Киевская Русь.

В завершение темы полезно вернуться к таинственному «иванову написанию». Если эта гипотетическая азбука действительно была выработана готским епископом VIII века св. Иоанном для нужд церковного богослужения в его крымско-готской епархии, то это был скорее всего модифициро-

ванный в соответствии с эволюцией греческой азбуки вариант алфавита Ульфилы. После появления в IX веке в Крыму пришельцев-скандинавов и симбиотического слияния их с аборигенами-готами эту гипотетическую азбуку, приспособленную к особенностям крымско-готского языка, должны были воспринять близкие готам по языку скандинавы, вследствие чего та должна была превратиться в универсальную письменность для русского языка, который в то время был вне всяких сомнений языком германским, возможно неким гибридом древнескандинавского и крымско-готского. Тогда наверняка именно с этой азбукой в IX веке столкнулся — заметим себе, все там же, в Крыму! — Константин-Кирилл Философ во время своей хазарской миссии 860 года и естественным образом назвал ее «русским письмом». Таким образом, две гипотезы, о начальной крымской скандинавско-готской руси и «ивановом написании» как письменности для языка этой гибридной руси, неплохо дополняют друг друга, что само по себе может служить косвенным доказательством правоты обеих.

Тем не менее, я не могу не упомянуть об еще одном и только одном, благо, никаких иных мне просто не встречалось, объяснении «иванова написания». И. Хайнман[1] объясняет «иваново» из ивритского יון (или יוון), что звучит примерно как *явэн* и означает «Греция». Тогда «иваново написание» — это всего-навсего греческий алфавит, и слова договора «мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях» следует понимать так, что оба экземпляра были написаны по-гречески, для чего в состав русской делегации был введен хорошо владеющий греческим языком гот Стемид. Надо признать, объяснение выглядит простым и оттого очень красивым, по крайней мере, для неспециалиста в иврите. Иврит наверняка имел в X веке какое-то хождение в Крыму, бóльшая часть которого находилась под властью Хазарии. Вот только зачем готу пользоваться словом из иврита, составляя договор между греками и русью на греческом языке, даже если этот гот был настолько образован, что знал иврит тоже? Непонятно.

---

[1] *И. Хайнман.* Еврейская диаспора и Русь. Иерусалим, 1983.

Вопрос возникновения начальной руси неизбежно пересекается с проблемой появления самогó этнонима «русь». Разумеется, в контексте гипотезы о крымском симбиозе скандинавов и гóтов из многочисленных толкований этого этнонима предпочтение автоматически получают те, которые так или иначе связаны со скандинавами либо готами.

На скандинавском направлении давно известна и на сегодняшний день числится среди наиболее популярных «теория руотси». Согласно ей, свое имя этнос «русь» получил от древнегерманского слова *ротс* [ro:θs / ru:θs], означающего «весло» или «гребля», через финское посредничество, так как в современном финском языке закономерно производный от *ротс* компонент сложных слов ruotsi- означает все связанное со шведами: Ruotsimaa — «Швеция», ruotsilainen — «швед». Естественно, теория предполагает, что финны восприняли это слово непосредственно от викингов-норманнов. А вот объяснений, как и почему это слово перешло от финнов в древнерусский язык и было принято в качестве самоназвания приднепровскими славянами, так и не придумано, и это практически обесценивает всю теорию.

Строго говоря, нигде, ни в одном средневековом документе само слово *ротс* не зафиксировано, но оно, безусловно, существовало, так как у него есть преемники в современных германских языках: немецкие Ruder — «весло, руль (кормило)» и Rudern — «гребля», а также английское rudder — «руль». Зато из древнескандинавских рунических надписей известно слово — *ротскарлар* — «гребцы», а дословно — «гребные мужи». И тут мы подходим к очень важному моменту, устраняющему необъяснимое, да на самом деле и ненужное финское посредничество. Ведь *ротскарлар* — суть те самые **русские карлы**, то есть «мужи» руси, составлявшие посольства русских каганов и ольгов в Константинополь в 838 и 907 годах! Если не брать в расчет такую историческую фантастику как крымские финны, то следует принять прямое превращение древнескандинавского

ротс / рутс в древнерусское «русь». Но, вполне возможно, все же не без посредничества, только никак не финского.

Готское объяснение этнонима «русь» будет, пожалуй, постарше скандинавского, оно восходит к концу XIX века. Согласно ему, этноним «русь» происходит из готского слова **рос* [ʰro:θ] — «слава», в котором диграф **р* обозначает глухой дрожащий согласный. В русском языке такого звука нет, но имеется звонкая пара к нему, которая передается буквой *р*. Долгий закрытый гласный звучит как нечто среднее между *о* и *у*. Конечное *с* — на самом деле фрикативный межзубный, которого в русском языке тоже нет, а русским ухом он обычно воспринимается как альвеолярный, вследствие чего все слово в целом слышится как **рос*. У этого объяснения, почему-то не получившего широкого распространения, есть тем не менее две весьма привлекательные отличительные черты. Во-первых, с учетом реального произношения **рос* поразительно точно соответствует традиционной греческой передаче этнонима руси — Ῥῶς [ʰro:s]. Тот же глухой дрожащий согласный в начале, тот же долгий закрытый гласный и та же неизбежная для греческого языка замена конечного фрикативного межзубного на альвеолярный. Во-вторых, типичное для древнегерманских племен громкое и хвастливое самоназвание «славные»[1], которое может оказаться решающим фактором для понимания процесса переноса впоследствии этнонима «русь» в славянский языковой ареал и превращение его в топоним, а затем и хороним[2] «Русь».

Может быть в генезисе этнонима «русь», как и этногенезе руси, тоже следует исходить из симбиоза скандинавского и готского, в котором роль посредника мог сыграть готский язык. Дело в том, что в нем неизвестен аналог древнескандинавскому *ротс*, и поэтому *ротс* мог в сознании гóтов замещаться их собственным близко звучащим словом **рос*,

---

[1] Чего стоит одно только общее самоназвание гóтов *гут-тиуда*, которое можно понимать как «хороший, добрый народ», если не вообще как «божественные люди»! Две основные ветви готов называли себя остготами, то есть «блестящими готами» и визиготами, то есть «мудрыми готами».

[2] Топоним — название местности (от греч. топос — «место»); хороним — название страны (от греч. χωρα — «страна»).

вследствие чего скандинавские «гребные мужи» превратились в «славных мужей», что вполне соответствует привилегированному положению руси по отношению к чуди. Соответственно, процесс формирования этнонима «русь» мог бы проходить следующим образом.

На первой стадии благодаря крымскому симбиозу скандинавов и гóтов скандинавское *ротс* замещается готским **рос* и фиксируется в письменном виде, например, «ивановым написанием». Затем устная или письменная словоформа *хрос* становится известной византийцам и получает сохраняющее ее звучание широко известное греческое оформление ῾Ρῶς. Параллельно исходное *ротс*, циркулируя внутри германского мира, фиксируется «Баварским географом» на латыни в форме Ruzzi, в которой, если *z* читать не по-латински, а по-баварски как [ts], мы видим знакомый корень *ротс / рутс* с латинским окончанием множественного числа *-i*. Далее, где-то в конце первой полвины X века, в процесс вовлекается славянское Приднепровье и, может быть, славянская Болгария. На последней стадии генезиса, в XI веке, когда в Киевской Руси при Ярославе Мудром начинается книгописание, киевские книжники (возможно вслед за болгарскими переводчиками) воспринимают из переводимых ими греческих книг слово ῾Ρῶς и передают его кириллицей как «РУСЬ» с сохранением примерного звучания в среднегреческом языке, но подчиняя этот чуждый древнерусскому языку несклоняемый этноним свойственной ему склоняемой этнонимической парадигме ливь, корсь, сумь, ямь и им подобным.

Славянизированная книжная словоформа «русь» приживается на месте своего образования в Киеве, а затем вместе с православием и славянским языком распространяется на всю Киевскую Русь. Между прочим, явное превалирование в Киевской Руси по сравнению с другими славянскими странами кириллицы в ущерб глаголице может объясняться давно укоренившимся у начальной руси «ивановым написанием», которое, весьма вероятно, стало благодаря знакомству с ним св. Константина-Кирилла прототипом кириллицы.

Здесь напрашиваются еще пара небольших отступлений. Во-первых, то, что в русском языке в качестве имени прижилась форма «Олег», а не «Ольг», могло быть следствием влияния готского **элиг* — эквивалента древнескандинавского helgi. Во-вторых, в готском языке неизвестно слово для понятия гребли, что косвенно указывает на гóтов как сухопутный народ[1], которому для превращения в русь, то есть «морских пехотинцев» А. Никитина, требовался не только «пассионарный толчок», но и хорошая мореходная школа. И то и другое они получили от пришельцев — викингов-скандинавов. Тем не менее, для судоходства в готском языке существовал общегерманский глагол *фарьян*, производное от которого *фаринг* в значении «путешественник (по воде)» и «член судовой команды» вполне могло быть наследовано от крымской скандинаво-готской руси славянской приднепровской русью с последующим неизбежным и лингвистически абсолютно корректным его преобразованием в восточнославянскую форму «варяг».

А теперь вернемся чуть-чуть назад к Арте (Артании) — одной из трех традиционных частей руси IX—X веков в арабской традиции, которую мы ранее предположительно соотнесли с крымской русью. Теперь для такого соотнесения появляется дополнительное лингвистический аргумент. На первый, особенно непривычный, взгляд может показаться, что между словами *арта* и **рос* нет абсолютно ничего общего, но на самом деле это не так. Они вполне могут оказаться одним и тем же словом! Здесь необходимо иметь в виду, что *Арта* — это некая условность. На самом деле арабское ارثا может читаться несколькими разными способами, так как арабы на письме опускают гласные. При переводе географических названий с арабского на другие языки переводчики просто подставляют соответствующий географический термин, принятый в языке, на который осуществляется перевод. Но в тех случаях, когда этот термин неизвестен или ис-

---

[1] Тем не менее, этот «сухопутный» народ в III веке, только-только добравшись до Крыма, сразу начал совершать морские набеги на берега Черного моря, затем острова Эгейского моря и даже грабил Афины.

ходное название не может быть сопоставлено с известными объектами, переводчик вынужден произвольно вставлять гласные, обычно одну или несколько гласных *а*, чтобы получившееся слово было произносимым. Так вот, если отбросить привнесенные переводчиком добавки, консонантный каркас слова *Арта*, который только и имеет смысл в арабском языке, — *'рт* [ʻrθ] — оказывается в точной транскрипции практически одинаковым с каркасом слова **рос* [ʰrθ]. Таким образом, вполне возможно, что несмотря на кажущуюся непохожесть оба слова, *арта* и **рос*, могут оказаться одним и тем же, передающим понятие «русь» и относящимся с учетом всего сказанного выше конкретно к крымской руси.

Коснувшись лингвистических аспектов, невозможно не сделать еще несколько замечаний о начальной руси.

Типично готские имена мы видим в договоре Игоря с Византией, приуроченному авторами ПВЛ к 945 году. Там среди имен послов и купцов руси встречаются три имени «Прастен» (Прастен Тудоров, Прастен Акун, Прастен Бернов), и два похожих имени «Фрастен» и «Фуростен» видим у купцов. С учетом отсутствия в старославянском языке звука [f] и закономерного перехода при заимствовании славянским древнерусским языком иноязычного [f] в [p] основа исходного имени реконструируется как «Фрастен». Это популярное среди руси X века имя этимологизируется только из готского языка, в котором *фраст* означает «ребенок, отпрыск, потомок». Существенно, что корень *фраст* чисто готский, его нет ни в скандинавских, ни в других германских языках.

Константин Багрянородный мельком замечает, что Святослав, сын архонта Игоря, «сидел в Немогарде». Общепринятая трактовка этой «Немогарды» — Новгород, имея в виду Новгород Великий. Однако на самом деле сидеть в Новгороде Святослав не мог — во время написания Константином его трактата «Об управлении империей», где помянуты Святослав с «Немогардой», Новгорода Великого еще не было. На его месте только-только рубились первые дома. Конечно, может быть у Багрянородного речь шла о Ладоге или Рюрико-

вом городище. Но все это так далеко от Киоава-Киовы, не говоря уже о Крыме! Между тем Немогардой мог быть любой город (или подобно Киоаву-Киове какая-то местность) в Крыму или поблизости, захваченный русью, ведь по-готски *нем* означает «захват, завоевание». Очень хотелось бы видеть в этой Немогарде только что освоенное (то есть, захваченное, завоеванное) крымской русью Среднее Поднепровье.

Киевлянин-«краевед» описал в ПВЛ Святослава как степняка-кочевника, не покидающего седла неприхотливого воина во главе такой же дружины. Этот выдуманный образ вслед за Львом Диаконом развенчивает А. Никитин. Вопреки вранью ПВЛ Святослав все еще оставался викингом и «морским пехотинцем», осуществляющим свои походы исключительно по воде и боявшимся уходить от нее далеко и надолго, чем вероятно и объясняется его нежелание задерживаться в Хазарии и защищать балканские клиссуры и Преслав от Цимисхия в Болгарии. В этом контексте знаменитое «Иду на вы» Святослава — не что иное, как грозный девиз викингов «Берегись — я иду!» в вольной передаче киевского «краеведа».

Не все просто с первыми вроде бы славянскими именами русских князей. Имена «Святослав», «Ярополк» и «Владимир» не такие уж славянские, они, если так можно выразиться, «двойного применения». Константин Багрянородный передает имя «Святослав» в форме «Сфендостлавос», в которой первый компонент «сфенд» в равной мере соответствует как старославянскому *свентъ* — «свят(ой)», так и готскому *свинт* — «сильный, могучий, здоровый». Заметим, что для имени князя-язычника готское значение подходит гораздо больше славянского. В имени «Владимир», которое на самом деле в древних документах писалось «Владимер» (чаще через ять), оба компонента имеют соответствия в готском языке: *валд* — «властелин, правитель» и *мер* — «большой, великий; известный, прославленный». И тут снова готская этимологизация смотрится не в пример уместнее славянской. «Ярополк» тоже имеет германские этимологии из Jahr (готское *йер*) — «год» и Volk — «народ, люди». И вновь та же са-

мая картина: русское слово «полк» как боевая единица восходит к германскому *фольк*, а для компонента имени правителя «рода русского» в большей степени подходит именно германское значение «народ», а не славянское «полк».

ПОСЛЫ ИЛИ ЛАЗУТЧИКИ?

Настаивая на крымской локализации начальной руси нельзя замолчать самое главное (если не единственное существенное) возражение против нее, а именно утверждение Вертинских анналов, что якобы путь «послов кагана руси» в Константинополь пролегал через территории, населенные ужасными варварскими народами. Разумеется, такой путь напрочь исключает из возможных локализаций руси Крым, откуда в Константинополь можно приплыть по морю, что наверняка и сделали бы послы крымской начальной руси. Однако это возражение вполне может оказаться мнимым по двум причинам.

Первая причина кроется в переводе Бертинских анналов. На проблемы с их переводом указывали различные языковеды [1]. Так, X. Станг [2] полагает, что вопреки общепринятому переводу анналов император Феофил в своем письме вовсе не утверждал, что прибывшие к нему послы **сами называли свой народ русью**, а лишь замечал, что **этот народ называют русью**. Согласитесь, разница огромная! В общепринятом переводе «русь» — это самоназвание народа, а в переводе Станга — название, принятое в Византии по аналогии с пресловутым библейским народом Рос (Рош), которое, вообще говоря, может быть никак не связанным с истинным самоназванием тех, кто прислал послов. Другой лингвист, И. Гарипзанов[3], на основании анализа самых ранних изданий Бертинских анналов приходит к выводу, что в

---

[1] Более подробно об этом см. *В. Егоров.* Между варягами и греками. М., 2007. (На авторском сайте www.ipiran.ru/egorov).

[2] *Håkon Stang.* The Naming of Russia. Oslo, 1996.

[3] *I. Garipzanov.* The Annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos // Ruthenica, vol. 5, 2006.

записи 839 года речь идет не о **кагане Руси**, а о **правителе Руси по имени Хакан** и приводит примеры этого имени в документах средневековой Скандинавии. Это имя, в современном варианте Håkón весьма популярное и в сегодняшней Норвегии (по иронии судьбы упомянутого выше норвежца Станга зовут как раз Хаконом), известно и нашим летописям в славянизированной форме Акун / Якун.

После такого небольшого предисловия-обзора можно перейти к диким и жестоким племенам на пути послов руси. В наиболее известном переводе записи 839 года Вертинских анналов, доступном на сайте «Восточная литература», интересующий нас текст выглядит так: «Он [Феофил. — *В.Е.*] также послал с ними [своими послами к Людовику. — *В.Е.*] тех самых, кто себя, то есть свой народ называли Рос, которых их король, прозванием Каган, отправил ранее ради того, чтобы они объявили о дружбе к нему, прося посредством упомянутого письма, поскольку они могли [это] получить благосклонностью императора, возможность вернуться, а также помощь через всю его власть. Он не захотел, чтобы они возвращались теми [путями] и попали бы в сильную опасность, потому что пути, **по которым они шли к нему в Константинополь, они проделывали среди варваров очень жестоких и страшных народов** [выделено мной. — *В.Е.*]». Не то, чтобы очень вразумительно, но в целом действительно создается впечатление, что послы руси шли в Константинополь чуть ли не пешком сквозь строй кровожадных варваров.

Но это только один из переводов, выполненный с одного из изданий Бертинских анналов [1]. А вот для сравнения еще один перевод того же текста, выполненный совсем недавно филологами из СПбГУ с факсимильной копии са́мого древнего манускрипта Бертинских анналов, полученной С. Головиным [2] из Франции, непосредственно из библиотеки

---

[1] Перевод А. Волынец с издания «S. Prudentii annales sive Annalium Bertinianorum pars secunda. Ab anno 835 usque ad 861 PL. T. CXV. P. 1852 Col. 1375—1420».

[2] Поразительный факт! Простой любитель истории запрашивает во Франции и тут же без всяких проблем получает по электронной почте аутентичный текст Вертинских анналов непосредственно из библиотеки, где

Сент-Омера, где находился монастырь Сен-Бертен: «[Феофил] послал также с греками неких людей, которых по обыкновению называли росами (Rhos), как самих их, так и род их. Король их по имени Хакан (Chacanus) ранее направил их к императору [Людовику] по причине дружбы, как они утверждали, испрашивая через упомянутое письмо, насколько могут они в целом посредством императорского радушия рассчитывать на помощь и на возможность возвращения через его владения (imperium). **Путь же их в тот самый Константинополь пролегал через императорские владения. Росов причисляли к необъятным варварским племенам, чрезмерно диким** [выделено мной. — *В.Е.*]. Император [Людовик] не хотел, чтобы росы возвращались через его владения, дабы эти владения не оказались в сильной опасности».

Для начала отметим, что второй перевод полностью подтверждает коррективы Х. Станга и И. Гарипзанова («которых **по обыкновению называли русью**» и «король их по **имени Хакан**»), чем неизбежно порождает недоверие к остальному тексту прежнего общеизвестного перевода. По интересующему же нас вопросу перевод из СПбГУ не оставляет сомнений, что варварство и дикость приписываются не каким-то неизвестным народам на пути посольства руси, а само́й руси, что вполне соответствует византийской традиции в отношении таврических народов вообще и начальной руси-тавроскифов в частности. Что же касается пути посольства в Константинополь, то, согласно этому переводу, он пролегал не по диким степям с кровожадными варварами, а по территории империи франков. Казалось бы, хрен редьки не слаще, такой вариант все равно оставляет Крым далеко в стороне от возможных мест дислокации начальной руси. Но... на самом деле путь посольства руси в Константинополь вовсе не обязан быть прямым и кратчайшим, что и является второй причиной для пересмотра устоявшейся точки зрения.

хранится их оригинал. Но этого не удосужился сделать ни один российский профессиональный историк! Впрочем, ничего удивительного — оригинальный текст историкам не нужен. Все равно латыни среди них никто не знает.

Оба перевода, общеизвестный и представленный выше альтернативный, говорят, на сей раз в полном согласии, что Людовик провел в отношении послов руси расследование, в результате которого выяснилось, что, во-первых, послы были скандинавами (свеонами), а во-вторых, что они были скорее лазутчиками, чем миссионерами мира и дружбы, и разведывали имперские владения. У нас нет оснований не верить следователям Людовика — им безусловно было виднее. Но если послы были лазутчиками, посланными с какими-то разведывательными целями, то не имеет смысла привлекать их путь и их странствия для установления места дислокации руси и резиденции пославшего их ольга-кагана (Хакона?). Из Бертинских анналов следует только то, что молодая русь готовилась к выходу на европейскую арену и прощупывала возможные пути этого выхода. Можно предполагать, что послы-шпионы руси просто проникли в государство франков через Константинополь, и посольство 838—839 годов было не единственным шнырявшим по Европе (да и только ли по Европе?), но, к сожалению, единственным, удостоившимся мимолетного упоминания в европейских анналах.

Отдельный вопрос, есть ли основания вообще говорить о государстве Русь (русском каганате?) в первой половине IX века. Скорее всего, начальная русь не имела какой-то единой территории даже в Крыму. В X веке договоры с Византией все еще подписываются не от государства Русь, а «от рода русского». Сам непоседливый и бездомный образ жизни викингов с непрерывными скитаниями и абсолютным отсутствием каких-либо территориальных привязанностей у начальной крымской руси усугублялся исходной рассеянностью их готского субстрата. По приведенному ранее свидетельству Рубрука, в середине XIII века на побережье Крыма царила языковая чересполосица, и готский был лишь одним из местных языков.

Да и в глобальном плане отсутствие традиций государственности, вообще понятия о государстве и элементарного представления о ценности земли как таковой объективно препятствовали созданию викингами своих государств.

Как показывает история Европы, полноценные государства норманнов возникали только тогда, когда им удавалось прибрать к рукам власть в уже существующих государственных образованиях. Именно так возникли государства викингов Данелаг, Нормандия и Сицилийское королевство. По этой же, кстати сказать, причине бессмысленно концептуальное утверждение раннего норманизма о создании Киевской Руси варягами буквально на пустом месте среди диких славянских племен, от которого, правда, сами норманисты давно уже отреклись. Древняя Русь как полноценное государство с единой территорией безусловно возникла на основе уже существовавшего ранее государственного образования в Поднепровье с преобладающим на его территории славянским языком. Весьма вероятно, что его возникновение было связано с кончиной Великой Моравии в начале X века, давшей толчок центробежному процессу распространения славянской государственности и письменности на все окрестные территории. А к середине того же века другая катастрофа — крушение крымской руси — заставила Игоря уйти из Крыма и «наложить лапу» на одно из таких государственных образований в Среднем Поднепровье.

Рождение нового этноса «русь» маркировано совпадением двух событий в первой половине IX века: появлением викингов-скандинавов в Черном море и исчезновением всяческих упоминаний о крымских готах и археологических свидетельств их присутствия в Крыму. Аналогичным образом возникновение Киевской Руси также отмечает совпадение сразу трех событий середины X века: крах крымской руси Игоря Старого, первые упоминания Киева (Киоава-Киовы у Константина Багрянородного, Киййоба в «Киевском письме» и Куябы у арабских географов), а также археологически удостоверенное превращение Киева в административный центр некого политического объединения, надо полагать того, которое нам известно как Киевская Русь.

Интересно отметить, что в генезисе древней Руси особую роль сыграл языковой фактор. Первый толчок к синтезу этноса «русь» дал крымский симбиоз скандинавов и готов благодаря языковой общности, уникальной для всей исто-

рии викинга. Другой важнейший этап — образование Киевской Руси — был инициирован языковой общностью поднепровских и поволховских славян, которая несмотря на огромное для X—XI веков расстояние (полторы тысячи километров пути!) между Киевом и Новгородом сумела накрепко спаять эти два полюса нового государства. Парадокс однако в том, что, дважды выступая консолидирующим фактором, «великий и могучий русский язык» был совершенно разным на разных этапах консолидации: германским на первом и славянским на втором.

На сегодняшний день, если отбросить слухи, сплетни и откровенное вранье ПВЛ, мы практически ничего не знаем о первом этапе и вообще руси IX века, а наши представления о всех последующих этапах становления Киевской Руси во второй половине X века весьма далеки от действительности. В качестве более-менее твердых отправных точек, опираясь на которые можно пытаться расширять Великую Брешь А. Никитина в наше прошлое, можно, на мой взгляд, принять три постулата.

Во-первых, русь как этнос зародилась не позже первой трети IX века в Крыму на местном готском субстрате, суперстратом которого выступили викинги скандинавы. При этом те и другие образовали уникальный основанный на языковой общности симбиоз, породивший многие особенности нового этноса.

Во-вторых, Киевская Русь возникла не ранее середины X века вероятно на основе какого-то существовавшего в Поднепровье славянского государства или даже нескольких государств[1] в результате крушения крымской руси на рубеже 30-х и 40-х годов. Это государство получило от своей крымской предшественницы новую правящую династию и новую столицу, так как в это время периферийный хазарский город Киев археологически становится административным центром нового политического объединения, впоследствии

---

[1] Исходя из факта сосуществования роменско-борщевской и лука-райковецкой археологических культур, границей между двумя славяноязычными государственными образованиями X века служил Днепр.

получившего по этой новой правящей династии название Русской земли, а затем по новой столице — Киевской Руси. С середины-конца X века, рядом с новой столицей начали расти другие основные города Русской земли: Чернигов, Переяславль, Любеч.

В-третьих, с самого начала наряду с Поднепровьем в процесс становления Русской земли каким-то образом вовлекается Приильменье и Поволховье. Одновременно с появлением приднепровской Русской земли и превращением Киева в ее столицу возникает и быстро растет Новгород Великий. Важно иметь в виду, что практически с момента возникновения Новгорода его население говорило в основном на славянском языке, судя по найденным в нем берестяным грамотам X—XI веков. Хотя новгородский диалект и имел западнославянские черты, подтверждающие заселение Поволховья прибалтийским славянами, но новгородцы пользовалось не балтийскими рунами, а русской кириллицей, которой неоткуда было попасть в Новгород кроме как из приднепровской Русской земли.

СОДЕРЖАНИЕ

Приложение I. Когда возникла Киевская Русь?

Научно-популярное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ

Владимир Егоров

КАГАНЫ РОДА РУССКОГО,
или
ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ

Редактор *В. Манягин*
Верстка *А. Кувшинников*
Корректор *Н. Самойлова*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: http://www.politkniga.ru

Подписано в печать 29.10.2012. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 2 000 экз. Заказ 3393.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0171-1

9 785443 801711 >

Эта книга – о всеобъемлющей фальсификации русской истории, о веками копившихся стыдливых умолчаниях, жульнических передергиваниях и бессовестной лжи нашей так называемой Первоначальной летописи – Повести временных лет.

В течение веков официальные историки занимались восхвалением правящих династий, церкви, партии, и почти никого из них не интересовала подлинная история Отечества, история, которую уже практически невозможно узнать во всей ее полноте. Но те осколки истины, которые еще сохранились, позволили автору этой книги реконструировать историческую действительность первых веков существования Киевской Руси и ее вождей – князей и полководцев, каганов рода русского.

ISBN 978-5-4438-0171-1
9 785443 801711 >